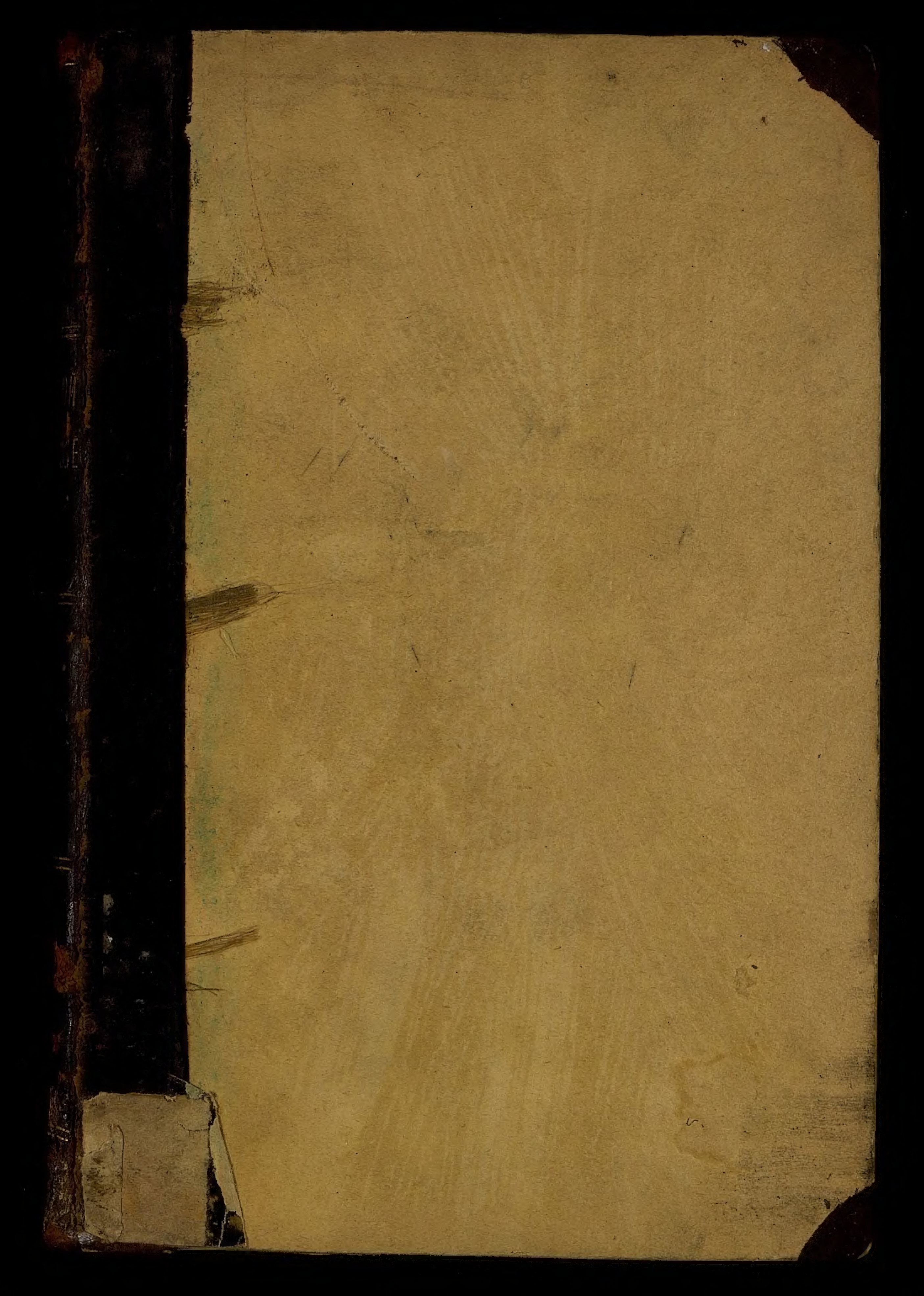
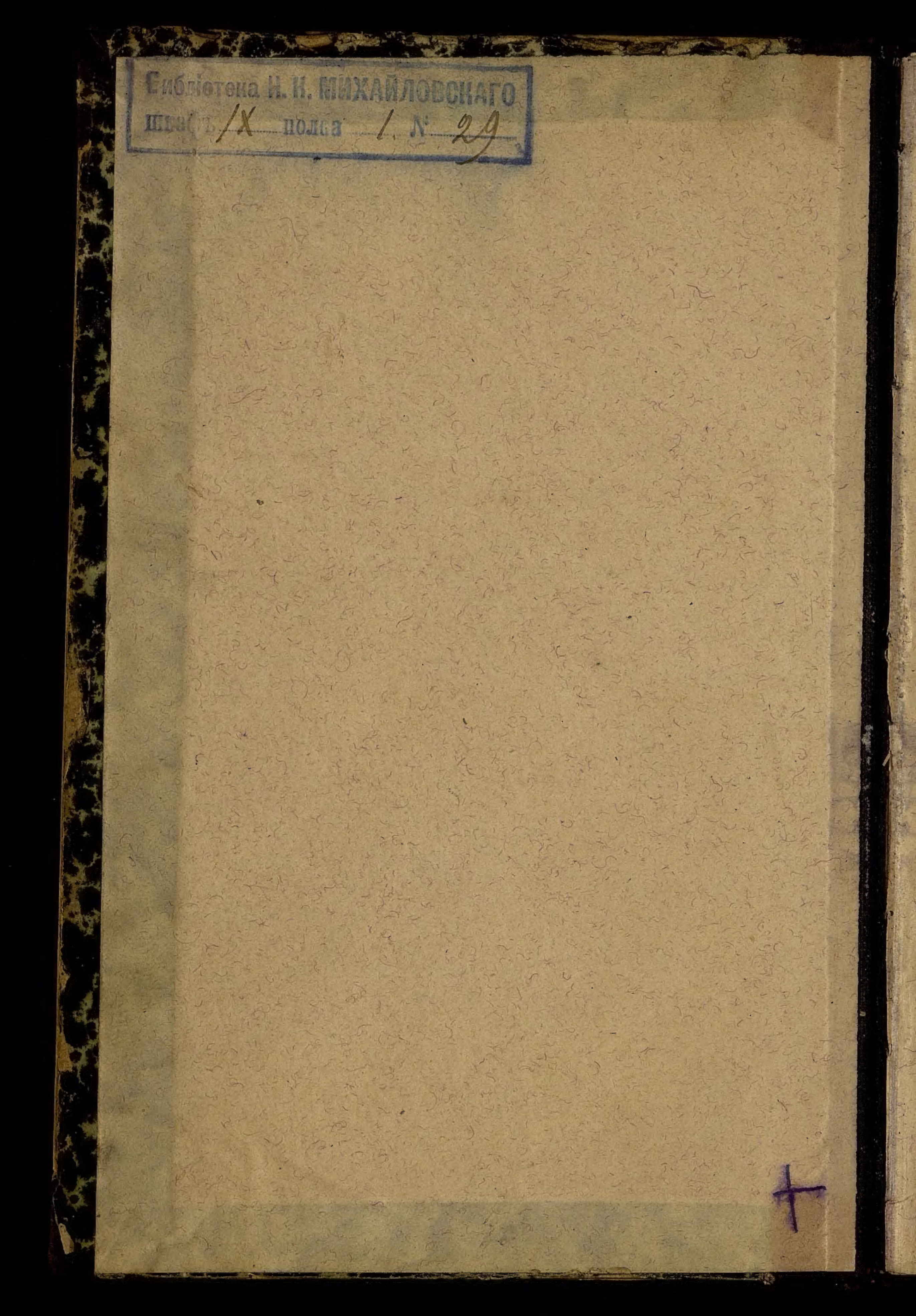
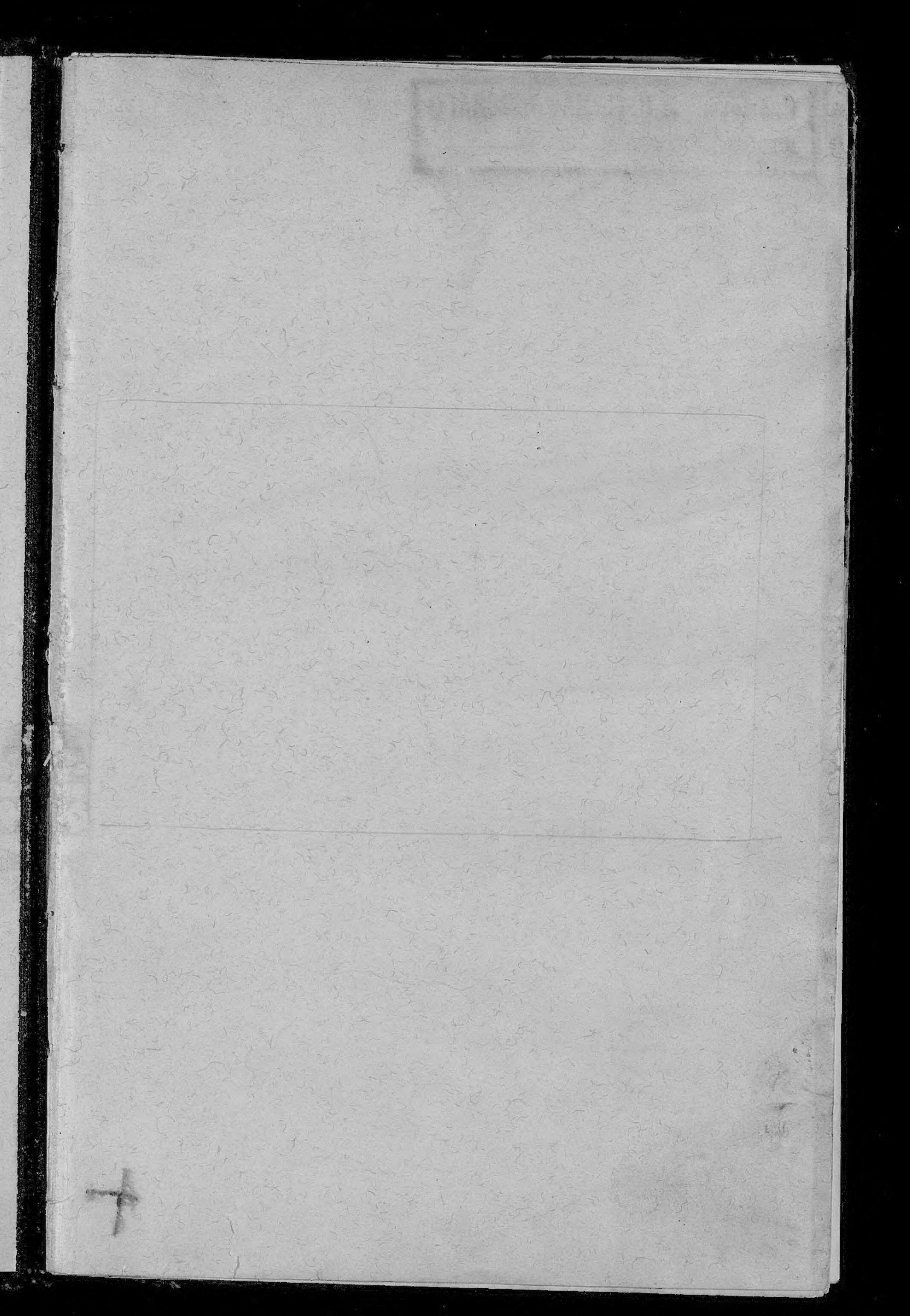

Почетной Редакции журнала „Русское богатство" отъ автора

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой

и

Фридрихъ Нитцше.

ОЧЕРКЪ
философско-нравственнаго ихъ міровоззрѣнія.

Ординарнаго Профессора Демидовскаго Юридическаго Лицея

В. Г. Щеглова.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія Э. Г. Фалькъ.
1897.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

Посвящается молодому поколѣнію.

«Наше положеніе въ мірѣ ужасно. Какъ только дойдетъ человѣкъ до высшей степени развитія, такъ увидитъ ясно, что все дичь, обманъ, и что правда, которую онъ, все-таки, любитъ лучше всего, что эта правда ужасна, что какъ увидишь ее хорошенько, ясно, такъ очнешься и съ ужасомъ скажешь: «да что же это такое»?—Не нынче, такъ завтра придутъ болѣзни, смерть на любимыхъ людей, на меня. Дѣла мои забудутся. Главное же: м е н я не будетъ».

Изъ письма графа Л. Н. Толстого къ Фету и «Исповѣди».

«Человѣкъ всѣми инстинктами своей природы любитъ земное, жизнь, какъ солнце—источникъ всего живаго на землѣ, хотя у него и появляется иногда сомнѣніе, зачѣмъ жить и вообще стоитъ-ли жить? Умираютъ мечты юности, ея невинныя утѣхи и незабвенныя радости. Остается одно безсмертное въ человѣкѣ, неизмѣняющееся съ годами: это его воля, неистощимый источникъ жизни, стремленіе къ истинѣ, творчеству новаго міра. Люди должны жить въ немъ согласно съ влеченіями своей природы, проводить жизнь въ наслажденіяхъ, веселиться беззаботно, забыть о страданіяхъ и смерти».

Нитцше: «Такъ сказалъ Заратустра».

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ апрѣлѣ 1897 года авторъ прочелъ въ Ярославлѣ обширную публичную лекцію о графѣ Л. Н. Толстомъ и Ф. Нитцше, въ которой изложилъ въ сжатомъ видѣ взгляды обоихъ философовъ вмѣстѣ съ выводами, добытыми авторомъ при изученіи ихъ сочиненій. Неослабѣвающій интересъ русскаго и западноевропейскаго общества къ общему міровоззрѣнію графа Толстого и Ф. Нитцше, особенно же перваго, заставилъ автора расширить, распространить лекцію до размѣровъ большаго, популярно-научнаго очерка, въ которомъ сохранена таже система, по какой была прочитана авторомъ публичная лекція. Послѣ полнаго и по возможности подробнаго изложенія взглядовъ гр. Толстого и Нитцше на основаніи ихъ собственныхъ сочиненій слѣдуетъ въ книгѣ сравненіе воззрѣній обоихъ писателей относительно ихъ сходства и различія по всѣмъ общественнымъ вопросамъ, затронутымъ Толстымъ и Нитцше (о религіи, морали, наукѣ, искусствѣ, семьѣ, правѣ и государствѣ). Въ заключеніе авторъ пытается представить общую оцѣнку философско-моральнаго міровоззрѣнія графа Толстого и Ф. Нитцше и указать на значеніе ихъ взглядовъ въ современной жизни европейскаго общества.

Предлагая свою книгу о Толстомъ и Нитцше вниманію лицъ, заинтересованныхъ общимъ, своеобразнымъ направленіемъ современной мысли и всей общественной жизни, авторъ считаетъ необходимымъ, во избѣжаніе недоразумѣній, предупредить своихъ читателей, что его книга—не ученое изслѣдованіе, снабженное научнымъ аппаратомъ многочисленныхъ цитатъ изъ разныхъ сочиненій. Въ книгѣ есть только однѣ цитаты изъ произведеній Толстого и Нитцше, по которымъ изложены всѣ ихъ взгляды. Авторъ далекъ отъ мысли разрѣшить вполнѣ всѣ жизненные вопросы, по поводу ко-

торыхъ ему приходится говорить въ своей книгѣ при сравненіи взглядовъ Толстого и Нитцше. Задача автора болѣе скромная: онъ желалъ представить весь процессъ постепеннаго образованія у обоихъ философовъ ихъ оригинальнаго міровоззрѣнія, которое явилось типическимъ выраженіемъ двухъ противоположныхъ другу другу взглядовъ, какіе существуютъ въ современномъ обществѣ на разнообразныя цѣли въ жизни и дѣятельности человѣка. При сравненіи же воззрѣній графа Толстого и Нитцше авторъ надѣялся обратить вниманіе читателей на одинъ неоспоримый фактъ въ современной общественной жизни, который, по его убѣжденію, имѣетъ важное значеніе для правильной оцѣнки всѣхъ взглядовъ Толстого и Нитцше. При ихъ разборѣ авторъ старался доказать, что при разнообразныхъ недостаткахъ въ современномъ общественномъ быту, которые выставляются и освѣщаются каждымъ изъ философовъ съ своей точки зрѣнія, какъ въ существующемъ теперь общеевропейскомъ міровоззрѣніи, такъ и общественныхъ учрежденіяхъ есть *здоровое зерно*, скрытое подъ массою всякихъ историческихъ наслоеній и формъ въ каждой изъ областей личной и общественной жизни. Это—тѣ высокіе, гуманные, альтруистическіе идеалы и понятія объ основаніяхъ общежитія, которые вытекли изъ возвышенныхъ и энергичныхъ стремленій человѣческой личности къ всестороннему развитію всѣхъ силъ ея природы въ духѣ истины, правды, добра, красоты. Эти идеалы и понятія развивались въ европейской цивилизаціи въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ и воплотились въ общественныхъ учрежденіяхъ и массѣ всякихъ другихъ, накопленныхъ столѣтіями, благъ культуры, духовныхъ и матеріальныхъ. Авторъ глубоко вѣритъ, что этимъ общечеловѣческимъ, морально-общественнымъ идеаламъ и понятіямъ или, по вѣрному выраженію Риля[1]), „міру духовныхъ критеріевъ, постояннымъ цѣнно-

[1]) Примѣчаніе. Я познакомился только послѣ окончанія печатанія своей книги съ интересной брошюрой проф. *А. Риля*: „Фридрихъ Нитцше, какъ художникъ и

стямъ“ суждена великая будущность въ грядущемъ столѣтіи, когда они выведутъ человѣчество, страдающее давно отъ всякихъ соціальныхъ золъ и обремененное всякими сомнѣніями и разочарованіями, на свѣтлый и радостный путь общаго благосостоянія и счастья. Толстой и Нитцше своими крайними, противоположными взглядами напоминаютъ европейскому обществу о тѣхъ опасностяхъ, которыя неминуемо угрожаютъ ему въ томъ случаѣ, если будетъ избрано какое-либо одно изъ, рекомендуемыхъ ими, направленій въ современной жизни общества. Въ чемъ искать освобожденія отъ чувствуемой всѣми неудовлетворенности окружающимъ, невыносимой, гнетущей тоски и равнодушія къ самой жизни, какъ разрѣшить, осаждающія со всѣхъ сторонъ, тяжелыя, мучительныя думы о смыслѣ жизни, какого нужно держаться образа мысли и дѣятельности каждому человѣку и всему обществу—таковы коренные вопросы, занимающіе Толстого и Нитцше и вмѣстѣ съ ними и все современное образованное общество. Авторъ сочтетъ свой трудъ небезплоднымъ и почувствуетъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ, если кто-либо изъ читателей его книги остановитъ свое вниманіе на обсуждаемыхъ въ ней вопросахъ, серьезно задумается надъ глубокимъ, жизненнымъ ихъ значеніемъ и найдетъ въ мысляхъ автора по поводу взглядовъ графа Толстого и Ф. Нитцше нѣкоторыя данныя для собственнаго, самостоятельнаго разрѣшенія основнаго вопроса о смыслѣ жизни человѣческой личности, общемъ направленіи ея дѣятельности въ современномъ обществѣ.

Авторъ.

Ярославль.
22 января 1898 года.

мыслитель“. Съ большимъ удовольствіемъ я встрѣтилъ у этого нѣмецкаго ученаго взгляды на философію и мораль Нитцше, сходные во многомъ не только въ общемъ, но и въ отдѣльныхъ подробностяхъ съ выводами, къ которымъ я пришелъ въ настоящемъ своемъ сочиненіи.

Характерная особенность жизни европейскаго общества въ XIX ст.—это необыкновенный, небывалый въ исторіи прогрессъ во всѣхъ отрасляхъ знанія, развитіи политическихъ и соціальныхъ учрежденій, въ быстромъ увеличеніи матеріальнаго благосостоянія цѣлыхъ общественныхъ классовъ. При видѣ кипучей, неугомонной дѣятельности людей во всѣхъ европейскихъ странахъ кажется, что еще никогда человѣкъ не думалъ такъ много объ обезпеченіи лучшихъ условій всей своей жизни, которая и на самомъ дѣлѣ достигла въ европейскомъ обществѣ полнаго разцвѣта. Но среди наслажденій благами матеріальной и духовной культуры, при утонченной жизни въ образованныхъ классахъ общества въ концѣ XIX в. появляется по временамъ и все болѣе и болѣе требуетъ особеннаго къ себѣ вниманія мысль о томъ, къ чему ведетъ вся эта неустанная дѣятельность людей, зачѣмъ нужна эта вѣчная погоня за всевозможными благами жизни? Выраженіемъ этого постояннаго исканія смысла человѣческой жизни въ наше время служитъ цѣлый рядъ моральныхъ системъ, изъ которыхъ каждая разрѣшаетъ вопросъ о цѣли человѣческой жизни посвоему. Но всѣ современныя системы морали относятся отрицательно къ обычному, религіозно-нравственному міровоззрѣнію и всему складу дѣйствительной жизни общества, порываютъ рѣшительно съ общепринятыми взглядами на задачи человѣческой дѣятельности и предлагаютъ обществу нравственность, построенную, повидимому, на совершенно произвольныхъ основаніяхъ [1]). Ни у кого, однако, изъ со-

[1]) См. мою актовую рѣчь: „Право и нравственность въ ихъ взаимныхъ отошеніяхъ“, главы 2—3.

временныхъ моралистовъ это отрицательное отношеніе ко взглядамъ общества и всѣмъ его порядкамъ не выразилось такъ рѣзко, какъ у извѣстнаго всѣмъ русскимъ людямъ графа *Л. Н. Толстого* и нѣмецкаго ученаго, *Ф. Нитцше*. Оба эти моралиста по своимъ взглядамъ являются представителями двухъ крайнихъ направленій въ современной наукѣ о нравственности, неразрывно связанной съ наукой объ обществѣ, правѣ и государствѣ, заняты разрѣшеніемъ важнѣйшихъ жизненныхъ вопросовъ, интересующихъ каждаго мыслящаго человѣка и общественнаго дѣятеля [1]).

Обращаюсь сначала къ графу *Толстому*. Извѣстно, что Толстой, какъ авторъ популярныхъ въ обществѣ произведеній („Война и миръ", „Анна Каренина" и др.), одинъ изъ любимыхъ русскихъ писателей. Но Толстой, какъ философъ и моралистъ въ своихъ послѣднихъ сочиненіяхъ, появившихся послѣ его „Исповѣди", далеко не такъ популяренъ, по крайней мѣрѣ, въ Россіи. Въ нашемъ обществѣ, конечно, есть немало людей, особенно среди учащейся молодежи, которые увлекаются новыми взглядами Толстого до того, что готовы разстаться со всѣми своими ранѣе составленными планами дѣятельности и начать новую жизнь въ духѣ идеаловъ графа Толстого [2]). Но чаще можно слышать въ обществѣ рѣзкія порицанія за его намѣреніе основать какой-то неслыханный и странный образъ жизни, особенно же за страстныя нападки Толстого на религію, науку, искусство и весь бытъ европейскаго общества. Образовались какъ бы

---

[1]) Въ русской литературѣ есть по данному вопросу небольшая брошюра проф. *Н. Я. Грота* (Нравственные идеалы нашего времени. Фридрихъ Нитцше и Левъ Толстой, 1894 г.), противопоставившаго въ общихъ чертахъ нравственныя воззрѣнія обоихъ философовъ съ цѣлью выяснить ихъ происхожденіе и значеніе въ жизни современнаго общества.

[2]) Извѣстно даже нѣсколько попытокъ со стороны не только молодыхъ людей, но и лицъ почтеннаго возраста основать въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи интеллигентные поселки съ цѣлью примѣненія на практикѣ ученія гр. Толстого.

два враждебныхъ, противоположныхъ другъ другу, лагеря противниковъ ученія гр. Толстого и его сторонниковъ. Въ рядахъ тѣхъ и другихъ мы встрѣчаемъ имена видныхъ іерарховъ, ученыхъ, публицистовъ [1]. Между тѣми и другими давно уже ведется жаркая полемика, одно время обратившая общее вниманіе на ученіе Толстого [2] всего русскаго общества, гдѣ и до сихъ поръ встрѣчаются самыя разнообразныя и разнорѣчивыя о немъ мнѣнія. Совсѣмъ иначе относятся къ Толстому на Западѣ Европы, гдѣ его особенная извѣстность началась со времени появленія „Исповѣди" Толстого и послѣдовавшихъ за нею произведеній. Здѣсь скоро поняли, что на эти его произведенія нельзя смотрѣть, какъ на признакъ упадка таланта Толстого, его утомленія и пресыщенія всѣми благами жизни, обильно доставшимися ему на долю. Противъ этого взгляда, оскорбительнаго для имени нашего любимаго писателя, говоритъ все содержаніе сочиненій Толстого въ послѣдній періодъ его дѣятельности, гдѣ освѣщаются художественно многіе недостатки не только русской, но и общеевропейской общественной жизни и затрогиваются, интересующіе всѣхъ, важнѣйшіе ея вопросы. Образованное европейское общество увидѣло въ этой, повидимому, новой дѣятельности Толстого вѣрное отраженіе собственныхъ попытокъ разрѣшить, вѣчно тревожащую умъ и совѣсть человѣка, загадку его жизни и горячо привѣтствовало въ лицѣ „знаменитаго писателя земли русской" проповѣдника великихъ моральныхъ истинъ, отъ которыхъ такъ далека вся жизнь современнаго европейскаго общества [3].

[1]) Такъ къ противникамъ ученія Толстого принадлежатъ: Высокопреосвященный Никаноръ, проф. Казанской Духовной Академіи А. *Гусевъ*, выпустившій массу сочиненій противъ ученія Толстого, Астафьевъ, Михайловскій, Нордау и др. На сторонѣ Толстого: проф. Московскаго Университета Гротъ, Страховъ, Громека, Оболенскій, Лѣсковъ, Волынскій и др.

[2]) Въ концѣ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ, когда появились одно за другимъ разныя произведенія гр. Толстого философско-моральнаго характера.

[3]) См. статьи объ ученіи Толстого Мельхіора *Вогюэ*, Леруа *Больe* (Revue

Взгляды Толстого, выразившіеся въ „Исповѣди" и послѣдующихъ его произведеніяхъ, появились не вдругъ и не въ этотъ моментъ рѣшительнаго поворота въ дѣятельности Толстого въ сторону отъ прежнихъ литературныхъ его работъ. Если кто станетъ изучать эти послѣднія въ связи съ „Исповѣдью", сочиненіями Толстого: „Въ чемъ моя вѣра", „Царство Божіе внутри васъ" и др., тотъ скоро убѣдится, что во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ Толстого выражены болѣе ясно и опредѣленно тѣ же самые взгляды, которые онъ проводилъ въ теченіе всей прежней литературной своей дѣятельности. На эту послѣднюю необходимо смотрѣть только, какъ на подготовительный періодъ по отношенію къ современной дѣятельности Толстого въ качествѣ моралиста и общественнаго реформатора. Чтобы убѣдиться въ такомъ моральномъ характерѣ литературныхъ произведеній гр. Толстого, достаточно остановиться на главныхъ моментахъ его дѣятельности до появленія „Исповѣди".

Необходимо замѣтить, что появленіе всѣхъ литературныхъ произведеній Толстого связано съ обстоятельствами личной его жизни, разными ея возрастами. Въ Толстомъ *дитяти* (Николаѣ Иртеньевѣ) жило непосредственное религіозное чувство, выразившееся въ страстномъ порывѣ при видѣ молящагося юродиваго Гриши. Толстой такъ описываетъ это впечатлѣніе своего далекаго дѣтства, оставившее въ его душѣ неизгладимое воспоминаніе: „о, великій христіанинъ Гриша! твоя вѣра была такъ сильна, что ты чувствовалъ благодать Бога; твоя любовь такъ велика, что слова сами собою лились изъ устъ твоихъ,—ты ихъ не повѣрялъ разсудкомъ.... И какую высокую хвалу ты принесъ Его величію, когда, не находя словъ, въ слезахъ повалился на зем-

---

des deux mondes, 1884, 264—301 p. 1888, 414—443), Эдуарда *Рода* (Les idees morales du temps présent. 5-e edition. 1892, 209—253 p.), *Левенфельда*: (Гр. Л. Н. Толстой) и мн. др.

лю“ [1])…. Счастливая пора дѣтства съ ея свѣжестью, беззаботностью и потребностью любви и силы вѣры, чуждою всякихъ сомнѣній, оставила въ Толстомъ глубокое сожалѣніе объ этомъ невозвратномъ времени въ жизни [2]). Смерть горячо любимыхъ имъ матери и няни (Натальи Савишны) была первымъ горемъ въ жизни Толстого, заставившимъ его задуматься надъ вопросомъ о смерти, сознать съ болью на сердцѣ, какихъ дорогихъ людей онъ лишился въ лицѣ своей матери и Натальи Савишны, „вся жизнь которой была чистой, безкорыстной любовью и самоотверженіемъ“ [3]).

Не успѣла миновать для графа Толстого золотая пора беззаботнаго и безоблачнаго дѣтства, какъ его начинаютъ тревожить мысли, необычныя для того богатаго, аристократическаго круга, къ которому онъ принадлежалъ по своему рожденію. Толстой *отрокъ* задается вопросомъ о несообразности между положеніемъ человѣка и его моральной дѣятельностью. Его занимаютъ отвлеченные вопросы о назначеніи человѣка, будущей жизни, безсмертіи души. Толстому приходитъ на умъ мысль, что счастье не зависитъ отъ внѣшнихъ причинъ, а отъ нашего отношенія къ нимъ, что человѣкъ, привыкшій переносить страданія, не можетъ быть несчастливъ. Вспомнивъ, что смерть ожидаетъ человѣка каждый часъ, каждую минуту, Толстой рѣшаетъ, „не понимая, какъ не поняли того до сихъ поръ люди, что человѣкъ не можетъ быть иначе счастливъ, какъ пользуясь настоящимъ и не помышляя о будущемъ“. Особенно Толстой увлекался скептицизмомъ. „Я, разсказываетъ онъ о себѣ, воображалъ, что кромѣ меня никого и ничего не существуетъ во всемъ мірѣ, что предметы—не предметы, а образы, являющіеся только

---

[1]) Сочиненія гр. Л. Н. Толстого. Изданіе восьмое. Москва. 1889. I-я часть, страницы: 50, 61—64 и 136.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem.

тогда, когда я на нихъ обращаю вниманіе, и что, какъ скоро я перестаю думать о нихъ, образы эти тотчасъ же исчезаютъ. Были минуты, что я подъ вліяніемъ этой *постоянной идеи*, доходилъ до такой степени сумасбродства, что иногда быстро оглядывался въ противоположную сторону, надѣясь врасплохъ застать пустоту (néant) тамъ, гдѣ меня не было. Изъ всего этого тяжелаго моральнаго труда, замѣчаетъ съ грустью Толстой, я не вынесъ ничего, кромѣ изворотливости ума, ослабившей во мнѣ силу воли, и привычки къ постоянному моральному анализу, уничтожившей свѣжесть чувства и ясность разсудка" [1]). Эта привычка къ моральному анализу отразилась на отвлеченныхъ разсужденіяхъ Толстого съ его товарищемъ Дмитріемъ Нехлюдовымъ о самолюбіи, любви къ другимъ и о будущей жизни. „Я, говоритъ Толстой, любилъ въ этихъ разсужденіяхъ ту минуту, когда, возносясь все выше и выше въ области мысли, вдругъ постигаешь всю необъятность ея и сознаешь невозможность идти далѣе [2]).

Начало *юности* для Толстого совпадаетъ съ образовавшимся уже у него взглядомъ на назначеніе человѣка, который долженъ, по его убѣжденію, стремиться къ нравственному совершенствованію, возможному и достижимому для каждаго. На порогѣ юности у Толстого появляется „любовь—любви", ему хочется, чтобы всѣ его знали и любили. Въ немъ возникаетъ надежда на необыкновенное, тщеславное счастье. И въ тоже время Толстымъ овладѣваетъ отвращеніе къ самому себѣ за сознаваемые имъ нравственные недостатки, раскаяніе въ нихъ и страстное желаніе совершенства [3]). Съ цѣлью исправленія юноша—Толстой приступаетъ къ составленію „Правилъ жизни", росписанію своихъ обязанностей къ самому себѣ, ближнимъ, къ Богу. Трогателенъ разсказъ

---

[1]) Ibidem, 213—216 стр.
[2]—[3]) Ibidem, стр. 236—238, 245—246, 253—254, 260, 263—268.

Толстого о религіозномъ порывѣ во время исповѣди, послѣ которой онъ почувствовалъ себя „совершенно чистымъ, нравственно переродившимся и новымъ человѣкомъ“. Но вспомнивши затѣмъ одинъ „стыдный грѣхъ“, который онъ утаилъ на исповѣди, Толстой рѣшается самъ отыскать духовника монаха и повѣдать ему о своемъ грѣхѣ [1]). Такъ была сильна въ немъ сила вѣры въ юности!

Университетскіе годы въ жизни Толстого были порою разсѣяннаго, свѣтскаго времяпровожденія въ кругу богатыхъ и праздныхъ товарищей изъ аристократической среды. Въ это время [2]) Толстой мечталъ сдѣлаться вполнѣ свѣтскимъ молодымъ человѣкомъ. Весь человѣческій родъ раздѣлялся въ его глазахъ на людей comme il faut и на comme il ne faut pas. Первыхъ отъ уважалъ, вторыхъ ненавидѣлъ и презиралъ [3]). Comme il faut было самостоятельнымъ положеніемъ въ обществѣ, независимымъ отъ всякихъ профессіональныхъ занятій. Сдѣлаться человѣкомъ comme il faut значитъ исполнить свое назначеніе и стать выше большей части людей. Но Толстой не остался человѣкомъ comme il faut на всю свою жизнь, какъ это часто случается съ настоящими людьми этого сорта [4]): самое желаніе превратиться въ пустого, свѣтскаго человѣка было навѣяно на Толстого окружающей его средой въ Казани, гдѣ онъ былъ въ университетѣ [5]). Въ немъ на-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Это было время 40-хъ годовъ.

[3]) „Чтобы быть человѣкомъ comme il faut, нужно имѣть хорошій французскій выговоръ, длинные и отчищенные ногти, умѣть кланяться, танцовать и разговаривать и особенно быть ко всему равнодушнымъ и выражать изящную презрительную скуку“. Comme il faut въ глазахъ Толстого было тогда важной заслугой, совершенствомъ, необходимымъ условіемъ счастья на свѣтѣ. „Я, говоритъ онъ, не уважалъ бы ни знаменитаго артиста, ни ученаго, ни благодѣтеля рода человѣческаго, если бы онъ не былъ comme il faut, и считалъ бы себя несчастнымъ, если бы у меня братъ, мать или отецъ были не comme il faut“.

[4]) Сочиненія Толстого, I часть, 377—380 и 420—421 стр.

[5]) „Это, говоритъ проф. Загоскинъ, была среда, всецѣло проникнутая условными предразсудками, пропитанная условными понятіями комильфотности, со-

чинаютъ складываться серьезные взгляды и убѣжденія. У Толстого появляются первыя сомнѣнія въ пользѣ науки въ томъ видѣ, какъ она преподавалась въ его время на юридическомъ факультетѣ въ Казани [1]). Толстой относится съ презрѣніемъ къ „храму науки“ (казанскому университету) и считаетъ историческую науку собраніемъ басень и сказокъ, ненужныхъ и безнравственныхъ мелочей [2]). Провалъ на экзаменѣ (по факультету восточныхъ языковъ, откуда онъ перешелъ на юридическій) возбудилъ въ Толстомъ на время раскаяніе и моральный порывъ: онъ рѣшился снова писать „Правила жизни“ и далъ себѣ слово никогда не дѣлать ничего дурного и не проводить времени праздно [3]). Но этой рѣшимости хватило у Толстого ненадолго. Самъ онъ такъ объясняетъ причину своихъ колебаній и неустойчивости на пути къ нравственному совершенствованію, которое онъ поставилъ цѣлью своей жизни еще въ юности. „Я, говоритъ Толстой, всей душей желалъ быть хорошимъ, но я былъ молодъ, у меня были страсти, а между тѣмъ въ исканіи добра я былъ предоставленъ самому себѣ“ [4]). Въ такомъ же безпомощномъ состояніи юноша—Толстой очутился по отношенію къ во-

---

вмѣщавшая въ себѣ условія пустой, безсодержательной провинціальной великосвѣтской жизни“. (Проф. Загоскинъ: „Студенческіе годы гр. Л. Н. Толстого“. Истор. Вѣстникъ, январь, 1894 г.).

[1]) Юридическій факультетъ въ Казани въ то время былъ „нѣчто невообразимое: онъ олицетворялся въ небольшой кучкѣ профессоровъ, съ преобладающимъ нѣмецкимъ элементомъ, которые служили предметомъ посмѣшища для студентовъ всѣхъ факультетовъ и курсовъ“. (Загоскинъ, ibidem.).

[2]) Загоскинъ, ibidem.

[3]) Сочиненія гр. Л. Н. Толстого, I часть, 446—450 стр.

[4]) Л. Толстой: „Исповѣдь“. (Въ сочиненіи проф. А. Гусева: „Графъ Л. Н. Толстой, его исповѣдь и мнимо-новая вѣра“. I ч. Москва. 1890. стр. 18). „Всякій разъ, когда я пытался, замѣчаетъ здѣсь Толстой, высказывать то, что я хочу быть нравственно-хорошимъ, я встрѣчалъ презрѣніе и насмѣшки. Напротивъ, какъ только я предавался гадкимъ страстямъ (корыстолюбію, любострастію, гордости, гнѣву и др.), меня хвалили и поощряли: мною были довольны, такъ какъ я становился похожъ на большинство“.

просамъ религіознымъ. Уже 18 лѣтъ, когда онъ оставилъ университетъ, Толстой пересталъ вѣрить въ то, чему его учили съ дѣтства о православной вѣрѣ. Онъ объясняетъ это свое раннее отпаденіе отъ вѣры тѣмъ, что „вѣроученіе у образованныхъ классовъ не участвуетъ въ жизни; оно исповѣдуется гдѣ-то тамъ, вдали отъ жизни, независимо отъ нея.... Вѣроученіе, принятое по довѣрію и поддерживаемое внѣшнимъ давленіемъ, понемногу таетъ подъ вліяніемъ знанія и опытовъ жизни, противоположныхъ ученію, и человѣкъ очень часто долго живетъ, воображая, что въ немъ цѣло то вѣроученіе, которое было сообщено ему съ дѣтства, тогда-какъ его и слѣда не осталось" [1]). У самого Толстого, впрочемъ, „отреченіе отъ вѣроученія стало очень рано сознательнымъ, такъ какъ онъ сталъ очень рано много читать и думать" [2]). Мы уже знаемъ, до чего додумался Толстой во время своихъ бесѣдъ съ товарищемъ (Нехлюдовымъ). Вѣра въ совершенствованіе человѣка, какъ цѣль его жизни, сдѣлалась для Толстого истинной его вѣрой. Онъ старался совершенствовать себя умственно, совершенствовалъ свою волю, писалъ правила, которымъ усиливался слѣдовать. Совершенствовалъ себя физически, пріучая себя всякими лишеніями къ выносливости и терпѣнію. Но началомъ всего было нравственное совершенствованіе, которое скоро подмѣнилось „совершенствованіемъ вообще, то есть, желаніемъ быть лучше другихъ людей, сильнѣе, славнѣе, важнѣе, богаче ихъ" [3]).

Какъ свысока и презрительно Толстой не относился къ университетской наукѣ, все-таки, онъ обязанъ университету знакомствомъ съ идеями „Духа законовъ" Монтескье, съ которымъ онъ пытался сравнивать „Наказъ" Екатерины II-й. Въ университетѣ же онъ увлекался ученіемъ *Ж. Ж.*

---

[1]) „Исповѣдь" (Ibidem, стр. 16—18).
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem.

Руссо, который видѣлъ въ цивилизаціи общества источникъ всѣхъ несчастій людей, ненавидѣлъ всѣ культурныя формы общественной жизни и любилъ природу и простой народъ и жизнь среди него и для него. Толстой симпатизируетъ отрицательному отношенію Руссо къ благамъ цивилизаціи. Приходится ему по сердцу и глубокая, страстная любовь Руссо къ крестьянину и всему его быту [1]), которая въ послѣдующей дѣятельности Толстого дѣлается однимъ изъ основныхъ догматовъ его міровоззрѣнія. На первыхъ порахъ, однако, Толстому пришлось сильно разочароваться въ своей вѣрѣ въ добрую и неиспорченную природу крестьянъ. Оставивши университетъ, онъ поселяется въ деревнѣ, гдѣ задается цѣлью выполнить „священныя обязанности русскаго помѣщика". Съ искреннею вѣрою въ прямоту и доброту своихъ крестьянъ юный помѣщикъ изучаетъ ихъ бытъ, вникаетъ въ нужды и старается помочь имъ совѣтами и деньгами. Но всѣ его мечты объ обезпеченіи крестьянамъ матеріальнаго довольства, исправленіи ихъ пороковъ, порожденныхъ невѣжествомъ и суевѣріемъ, развитіи нравственности разбиваются при соприкосновеніи съ непригдядной дѣйствительностью. Крестьяне, выросшіе въ атмосферѣ крѣпостнаго права, не вѣрятъ въ намѣреніе барина помочь имъ и, пользуясь его добротой, обманываютъ на каждомъ шагу [2]). Разочарованный Толстой отправляется на *Кавказъ* (въ 1857 г.) [3]), величественная природа

---

[1]) Загоскинъ, ibidem.

[2]) „Утро помѣщика" (Сочиненія Толстого 2 ч., 5—6 стр. и слѣд.).

[3]) Толстой такъ описываетъ свое тяжелое нравственное состояніе предъ поѣздкой на Кавказъ: „У него (Оленина-Толстого) не было ни семьи, ни отечества, ни вѣры, ни нужды. Онъ не вѣрилъ ни во что и ничего не признавалъ и въ тоже время увлекался постоянно. Но какъ только, отдавшись одному стремленію, онъ начиналъ чуять приближеніе труда и борьбы, мелочной борьбы съ жизнью, онъ инстинктивно торопился оторваться отъ чувства или дѣла и возстановить свою свободу. Онъ раздумывалъ надъ тѣмъ, куда положить всю эту силу молодости, только разъ въ жизни бывающую въ человѣкѣ: на искусство-ли, на науку-ли, на любовь-ли къ женщинѣ, или на практическую дѣятельность, на силу ума, сердца, образованія". („Казаки", Соч. Толстого, 2 ч., 288 стр.).

котораго производитъ на него сильное впечатлѣніе [1]). Здѣсь Толстой познакомился съ простымъ, незатѣйливыаъ бытомъ казаковъ, ихъ примитивными воззрѣніями на природу и жизнь человѣка [2]) и пришелъ къ убѣжденію, что источникъ счастья для человѣка не вполнѣ обезпеченная, праздная жизнь въ средѣ культурнаго общества, а физическій трудъ и общеніе съ природой и простымъ народомъ, скрывающимъ въ себѣ высокіе нравственные задатки. При видѣ довольства окружающихъ его людей, счастливыхъ удовлетвореніемъ инстинктивныхъ потребностей своей природы, у Оленина (Толстого) появилась мысль разорвать всякія отношенія съ образованнымъ, культурнымъ міромъ и поселиться на лонѣ природы среди народа, опроститься [3]). Оленину приходитъ на умъ, что до сихъ поръ онъ былъ „требовательнымъ эгоистомъ, тогда какъ въ сущности ему для себя ничего не было нужно, но что теперь онъ чувствуетъ себя счастливымъ, такъ какъ сознаяъ въ себѣ способность любить другихъ, потребность въ самоотверженіи" [4]).

Но Толстому не пришлось совершить подвигъ самоотверженія. Скоро онъ понялъ, что ему, изломанному всей прошлой культурной жизнью, слабому существу нѣтъ мѣста среди дѣтей природы съ ихъ безъискусственными интересами [5]),

---

[1]) „Набѣгъ", Соч. Толстого, 3 ч., 23—25 стр.

[2]) Толстой сочувствуетъ философіи стараго казака, охотника Ерошки, который доказывалъ, что всѣ люди равны, нѣтъ грѣха въ пользованіи благами природы, и что нужно жалѣть всѣхъ людей и особенно любить природу. (Соч. Толстого, 2 ч. 341, 343, 355—358).

[3]) Ibidem, 420, 446—447 стр.

[4]) Ibidem, 386 стр. „Въ человѣка вложена, разсуждаетъ Оленинъ, потребность счастья,—стало быть, она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, т. е., отыскивая для себя богатства, славы, удобствъ жизни, любви, можетъ случиться, что обстоятельства такъ сложатся, что невозможно будетъ удовлетворить этимъ желаніямъ. Слѣдовательно, эти желанія незаконны, а не потребность счастья незаконна. Только одно желаніе можетъ быть удовлетворено, не смотря ни на какія внѣшнія условія—любовь, самоотверженіе".

[5]) Ibidem, 449—450 с.

простыми вкусами и образомъ жизни. Убѣдившись въ невозможности достигнуть среди этихъ новыхъ жизненныхъ условій личнаго счастья, разочарованный Толстой уѣзжаетъ съ Кавказа въ Севастополь. Въ написанныхъ здѣсь разсказахъ выражается все тоже преклоненіе Толстого предъ красотой народной души, воплощенной въ величественномъ героизмѣ русскаго солдата, его беззавѣтной храбрости, трогательномъ добродушіи и какой-то застѣнчивости, скромности и деликатности [1]). Въ Севастополѣ же Толстой впервые познакомился со всѣми ужасами войны и созналъ все ея противорѣчіе христіанскому ученію о любви къ ближнему [2]). Впослѣдствіи въ своей „Исповѣди" Толстой предавалъ себя жестокому бичеванію за то, что въ бытность свою на Кавказѣ и въ Севастополѣ онъ убивалъ людей на войнѣ, вызывалъ на дуэли, чтобы убить, проигрывалъ въ карты или проѣдалъ труды мужиковъ, лгалъ, пьянствовалъ.... Всѣ эти безнравственные поступки находили одобреніе въ окружающихъ Толстого людяхъ, который и, въ начатыхъ въ это время, „писаніяхъ своихъ дѣлалъ тоже самое, что и въ жизни: писалъ изъ тщеславія, корыстолюбія и гордости". Поэтому „я, говоритъ Толстой, ухитрялся скрывать въ писаніяхъ своихъ, подъ видомъ равнодушія и легкой насмѣшливости, тѣ мои стремленія къ добру, которыя составляли цѣль моей жизни, и высказывалъ дурное [3])". Однако, сильныя впечатлѣнія кавказской и севастопольской жизни не только не прошли без-

---

[1]) Соч. Толстого, 3 ч., 102—103, 140—141, 165—167, 236—237.

[2]) Ibidem, 168 стр. На бастіонѣ и траншеѣ выставлены бѣлые флаги, цвѣтущая долина наполнена мертвыми тѣлами.... Тысячи людей толпятся, смотрятъ и улыбаются другъ другу. И эти люди — христіане, исповѣдующіе одинъ великій законъ любви и самоотверженія, глядя на то, что они сдѣлали, съ раскаяніемъ не упадутъ вдругъ на колѣни передъ Тѣмъ, Кто, давъ имъ жизнь, вложилъ въ душу каждаго, вмѣстѣ съ страхомъ смерти, любовь къ добру и къ прекрасному, и со слезами радости и счастья не обнимутся, какъ братья?....

[3]) „Исповѣдь", ibidem, 18 стр.

слѣдно для Толстого, но несомнѣнно оставили неизгладимый слѣдъ въ впечатлительной его душѣ. Вполнѣ понятно, почему нашего молодого писателя не могла удовлетворять праздная и веселая жизнь литераторовъ въ Петербургѣ, въ среду которыхъ онъ попалъ по пріѣздѣ туда изъ Севастополя. Толстой скоро замѣтилъ, на какомъ шаткомъ фундаментѣ основывается вѣра писателей въ свое призваніе учить людей, открылъ въ дѣятельности многихъ изъ нихъ далеко не этическіе мотивы, жажду похвалъ, денегъ [1]).

Поѣздка за границу нанесла большой ударъ вѣрованію Толстого въ совершенствованіе, хваленый прогрессъ европейскаго общества. Случай съ странствующимъ пѣвцомъ (въ Люцернѣ) убѣдилъ его въ томъ, что европейская цивилизація— ложь, пустое, безсодержательное слово, по крайней мѣрѣ, для громадной массы населенія европейскихъ странъ, неучаствующей въ пользованіи благами современной цивилизаціи [2]). Вѣра въ прогрессъ Толстого была подорвана за границей еще видомъ смертной казни (въ Парижѣ), которую „не могутъ оправдать никакія теоріи разумности существующаго", и особенно мучительною смертью горячо любимаго имъ брата. Въ умѣ вдумчиваго писателя возникаетъ теперь новый вопросъ о томъ, зачѣмъ человѣку жить на свѣтѣ, если рано или поздно его ожидаютъ муки смерти со всѣми ея ужа-

---

[1]) „Исповѣдь", ibidem, 19—20 с.

[2]) Соч. Толстого, 2 ч., 130—135 стр. Отчего, спрашиваетъ Толстой, этотъ безчеловѣчный фактъ (никто изъ слушавшихъ нищаго—пѣвца не помогъ ему), невозможный ни въ какой деревнѣ нѣмецкой, французской или итальянской, возможенъ здѣсь, гдѣ цивилизація, свобода, равенство доведены до высшей степени, гдѣ собираются самые цивилизованные люди самыхъ цивилизованныхъ націй? Отчего эти развитые, гуманные люди, способные въ общемъ на всякое честное, гуманное дѣло, не имѣютъ простого человѣческаго, сердечнаго чувства на личное доброе дѣло? Неужели распространеніе разумной, себялюбивой ассоціаціи людей, которую называютъ цивилизаціей, уничтожаетъ и противорѣчитъ потребности инстинктивной и любовной ассоціаціи? И кто опредѣлитъ мнѣ,— что свобода, что деспотизмъ, что цивилизація, что варварство?

сами и уничтоженіемъ? [1]). Съ этихъ поръ Толстого никогда уже не покидаетъ мрачная мысль о смерти, съ точки зрѣнія которой онъ разсуждаетъ и о самой жизни. Постоянный страхъ Толстого передъ смертью выражается, съ свойственною ему талантливостью, въ разныхъ литературныхъ произведеніяхъ [2]). Тоже предчувствіе неизбѣжной смерти было одной изъ главныхъ причинъ, заставившихъ Толстого подумать о возможномъ исходѣ для человѣка изъ роковаго для него положенія путемъ созданія такого міровоззрѣнія, въ которомъ примирялись бы жажда, интересъ къ жизни каждаго съ неминуемымъ ея концомъ. Въ образованіи этого міровоззрѣнія Толстому много помогла нѣмецкая философія, съ которой онъ познакомился за границей, особенно же ученіемъ Шопенгауэра, этого, по выраженію Толстого, „геніальнѣйшаго изъ людей“ философа. Кромѣ того, за границей же, гдѣ онъ былъ два раза въ короткое время, Толстой изучалъ педагогическія теоріи Запада, которыя онъ поспѣшилъ примѣнить, но только въ сильно измѣненной, своеобразной формѣ, въ своемъ имѣніи (Ясной Полянѣ). Въ педагогическихъ занятіяхъ, какимъ графъ предавался съ увлеченіемъ въ сво-

---

[1]) Наше положеніе въ мірѣ ужасно, пишетъ Толстой Фету (въ 1860 году)! Какъ только дойдетъ человѣкъ до высшей степени развитія, такъ увидитъ ясно, что все дичь, обманъ, и что правда, которую онъ все-таки, любитъ лучше всего, что эта правда ужасна, что какъ увидишь ее хорошенько, ясно, такъ очнешься и съ ужасомъ скажешь, какъ братъ: „да что же это такое“?

[2]) Таковъ былъ разсказъ: „Три смерти“, гдѣ Толстой выразилъ ту мысль, что природѣ, какъ и простымъ людямъ, незнакомы ни борьба съ смертью, ни страхъ передъ нею; то и другое извѣстно только культурному человѣку, потерявшему живую связь съ природой (Соч. Толстого, 2 ч., 267—270, 273—274, 277—278 с.). Ср. „Анна Каренина“ (II-й томъ, 354 стр.), „Смерть Ивана Ильича“, сознавшаго въ долгое время своихъ мучительныхъ страданій всю ложь и фальшь жизни своей и окружающихъ его людей, ничтожность всѣхъ ея интересовъ предъ лицомъ смерти (127, 398—404, 407—409, 418—430 с.) и разсказъ: „Хозяинъ и работникъ“, въ которомъ описывается художественно нравственный переворотъ, происшедшій въ душѣ купца Брехунова передъ смертью послѣ рѣшенія спасти работника Никиту.

ей школѣ, его воодушевляла мысль о долгѣ каждаго интеллигентнаго человѣка помогать своими знаніями простому народу, не обольщая себя въ тоже время намѣреніемъ просвѣщать народъ на основаніи предвзятыхъ теорій и насильственно навязываемой ему системы воспитанія. Надобно, думалъ Толстой, совершенно свободно отнестись къ первобытнымъ людямъ, крестьянскимъ дѣтямъ, предлагая имъ избрать тотъ путь прогресса, какой они захотятъ [1].... Мы сами должны учиться у народа и учитель обязанъ предоставить дѣтямъ безусловную свободу въ ихъ занятіяхъ, которыя должны опредѣляться единственно ихъ желаніями и любознательностью [2]). Учить и воспитывать ребенка нельзя и безсмысленно по той простой причинѣ, что онъ стоитъ ближе каждаго взрослаго къ тому идеалу гармоніи, правды, красоты и добра, до котораго учитель въ своей гордости хочетъ возвести ребенка [3]).

Педагогическія теоріи Толстого, проводимыя имъ кромѣ школы еще и въ періодической литературѣ [4]), встрѣтили сильныя возраженія со стороны представителей противныхъ ему взглядовъ. Въ отвѣтъ на эти возраженія Толстой высказываетъ тѣ основные, отрицательные свои взгляды на прогрессъ общества и вредъ его для простого народа, которые позднѣе (въ „Исповѣди" и послѣдующихъ произведеніяхъ) онъ проводитъ съ безпощадною послѣдовательностью. Толстой называетъ прогрессъ—движеніе человѣчества впередъ—мнимымъ закономъ его жизни. Весь Востокъ съ его неподвижностью

---

[1]) „Исповѣдь", ibidem, 21 с.

[2]) Соч. Толстого, 4 т. Эти его мысли проведены имъ въ цѣломъ рядѣ педагогическихъ статей о народномъ образованіи, которое онъ рѣшительно отвергаетъ въ существующихъ теперь формахъ (гимназій, университетовъ), стѣсняющихъ свободу народа въ его ученіи (см. статьи: „О народномъ образованіи", „Воспитаніе и образованіе").

[3]) Ibidem, 233 стр. Этотъ взглядъ Толстого основанъ, по его собственнымъ словамъ, на мнѣніи Руссо, что человѣкъ родится совершеннымъ и при рожденіи представляетъ собою первообразъ гармоніи правды, красоты и добра (231 с.).

[4]) Въ журналѣ „Ясная Поляна".

опровергаетъ этотъ законъ прогресса или совершенствованія, который не-историческій, доказанный фактъ, а только „написанъ въ душѣ каждаго человѣка“. Да, и въ самой Европѣ не всѣ народы постоянно движутся къ улучшенію благосостоянія. Прогрессъ—благо, въ которое вѣрятъ одни образованные классы общества, получающіе отъ него всю пользу. Народъ (ремесленники, земледѣльцы) не вѣритъ въ прогрессъ и не знаетъ его. Избитая тема прогрессистовъ—распространеніе книгопечатанія, грамотности, какъ несомнѣнное благо для всего народа. Толстой увѣряетъ, что „распложеніе журналовъ и книгъ, безостановочный и громадный прогрессъ книгопечатанія выгоденъ только для писателей, редакторовъ, издателей, корректоровъ и наборщиковъ, въ руки которыхъ переходятъ огромныя суммы отъ народа. Литература, также какъ и откупа, есть только искусная эксплуатація, выгодная лишь для ея участниковъ и невыгодная для народа, которому она не прививается и никогда не привьется. Грамотность развращаетъ людей изъ народа и не смягчаетъ его нравовъ. Прогрессъ книгопечатанія, какъ и прогрессъ электрическихъ телеграфовъ и всякихъ техническихъ изобрѣтеній (желѣзныя дороги, пароходы и всякія машины), есть монополія извѣстнаго класса общества, выгодная только для людей этого класса, которые подъ словомъ прогрессъ разумѣютъ свою личную выгоду, вслѣдствіе того всегда противорѣчащую выгодѣ народа [1]).

Вторичное возвращеніе графа Толстого изъ за границы совпало съ знаменательной для Россіи эпохой освобожденія крестьянъ [2]). Теперь для Толстого открылось новое, широкое

---

[1]) Соч. Толстого, 4 томъ, статья: „Прогрессъ и народное образованіе“, 168—183 с.

[2]) „Исповѣдь“, ibidem, 22 с. Графъ Толстой, съ своей стороны, ожидалъ съ большимъ нетерпѣніемъ освобожденія крестьянъ, всю тяжелую участь которыхъ въ крѣпостномъ быту онъ изобразилъ въ разсказѣ: „Холстомѣръ“ (лошади); подъ видомъ „Холстомѣра“ выведенъ порабощенный народъ, работающій

поле дѣятельности на благо любимаго имъ русскаго народа и Толстой—мировой посредникъ—быстро пріобрѣлъ популярность среди крестьянъ въ районѣ своего участка. Но ни заботы объ интересахъ народа, ни педагогическія занятія, которыхъ Толстой не покидалъ и въ эту пору, не могли удовлетворить его, отвлечь отъ тѣхъ важнѣйшихъ, жизненныхъ вопросовъ, надъ которыми онъ много разъ задумывался въ теченіе своей предшествовавшей литературной дѣятельности. У Толстого были уже на лицо всѣ данныя для окончательной выработки своего міровоззрѣнія, многія черты котораго достаточно опредѣлились въ его литературныхъ произведеніяхъ. Женитьба, тихія радости счастливой семейной жизни отдалили отъ Толстого на нѣкоторое время наступленіе того мучительнаго состоянія отчаянія и полнаго разочарованія въ жизни [1]), которыя привели его къ мрачному взгляду на невозможность для человѣка достигнуть личнаго счастья иначе, какъ цѣною отказа отъ всѣхъ благъ цивилизаціи. Общіе, жизненные вопросы продолжаютъ волновать Толстого и въ этотъ сравнительно—долгій періодъ его семейнаго, безоблачнаго счастья, когда были написаны имъ два знаменитымъ романа, навсегда обезсмертившихъ имя Толстого въ европейской литературѣ. Это были: „Война и миръ“ и „Анна Каренина“, въ которыхъ, помимо художественнаго изображенія двухъ эпохъ въ жизни русскаго общества (войны 1812 г. и современнаго его быта), обозначились вполнѣ ясно и опредѣленно главные, основные философско-моральные взгляды Толстого, дальнѣйшее развитіе которыхъ представляютъ собою „Исповѣдь“ и послѣдующія его произведенія.

для праздныхъ господъ, пока есть у него силы. Здѣсь же Толстой нападаетъ на собственность, какъ причину страданій народа и несправедливостей общественнаго строя (Соч. Толстого, 12 т., 325—329, 335 стр.).

[1]) „Исповѣдь“, ibidem, 22 стр.

Въ лицѣ князя Андрея Болконскаго графъ Толстой изображаетъ свою прежнюю, свѣтскую жизнь со всѣми ея удовольствіями, честолюбивыми планами и презрѣніемъ къ народу, смѣнившимися, впрочемъ, потомъ заботой объ его благѣ, и предъ смертью—сожалѣніями о пустотѣ своей жизни и жалостью и прощеніемъ рядомъ умирающему врагу [1]). Въ лицѣ Пьера Безухаго Толстой описываетъ свое безпрерывное исканіе истины и правды у масоновъ, въ филантропіи, свѣтской жизни, винѣ, любви къ женщинѣ, геройскомъ подвигѣ самоотверженія [2]). Безухой находитъ разрѣшеніе всѣхъ сомнѣній въ безхитростной мудрости простого солдата, Платона Каратаева [3]), покорнаго волѣ Провидѣнія, думающаго только о другихъ и потому всегда довольнаго и привѣтливаго [4]). Каратаевъ олицетворяетъ собою въ глазахъ Толстого идеалъ человѣческаго счастья, которое онъ находитъ въ томъ, чтобы сознать въ себѣ народный духъ, слиться съ народомъ, почувствовать сладость смиренія, лишеній и непосредственной жизни безъ своей воли [5]). Толстой даетъ въ „Войнѣ и

---

[1]) Князь Болконскій сознаъ, что ему жалко жизни, потому что онъ не успѣлъ проявить состраданія, любви къ братьямъ, врагамъ (Соч. Толстого, 7 т., 360—361 с.). Передъ смертью ему открывается „новое счастье, неотъемлемое отъ человѣка, счастье любви (Ibid., 532 с.), которая связываетъ все существующее. Любовь—есть Богъ и умереть—значитъ мнѣ, частицѣ любви, вернуться къ общему и вѣчному источнику любви. Смерть—пробужденіе отъ жизни". Толстой описываетъ приближеніе смерти къ Болконскому въ видѣ его сна, въ теченіе котораго онъ почувствовалъ мучительный страхъ неминуемой смерти (8 т., 88—90 стр.).

[2]—[3]) Послѣ своего возвращенія изъ плѣна у французовъ Безухой испыталъ радостное чувство внутренней свободы, которой онъ не имѣлъ прежде. Прежде онъ искалъ цѣли въ жизни, которая теперь замѣнилась вѣрой въ живаго Бога. Пьеръ узналъ въ плѣну, что Богъ въ Каратаевѣ болѣе великъ, безконеченъ и непостижимъ, чѣмъ въ признаваемомъ масонами Архитектонѣ вселенной. Онъ не умѣлъ прежде видѣть великаго, непостижимаго, безконечнаго ни въ чемъ. Во всемъ близкомъ онъ видѣлъ одно ограниченное, мелкое, житейское, безсмысленное. Такимъ ему представлялась европейская жизнь, политика, масонство, философія, филантропія. На прежде для него страшный вопросъ: „зачѣмъ", разрушавшій всѣ его умственныя постройки, теперь въ его душѣ всегда готовъ простой отвѣтъ: „затѣмъ, что есть Богъ" (8 т., 285—288 с.).

[4]—[5]) Ibidem, 64—70 с., 221 с. „Рокъ головы ищетъ, говорилъ Пьеру Кара-

мирѣ“ цѣлую философію приниженія человѣческой личности предъ величіемъ и мощью народа. Только народъ (сумма безконечно большого числа безконечно малыхъ дифференціаловъ—отдѣльныхъ лицъ) создаетъ исторію. Отдѣльная личность—ничто, какъ и всѣ ея земныя цѣли, которыя исчезаютъ вмѣстѣ съ человѣкомъ въ цѣломъ. Въ жизни людей господствуютъ инстинкты. Поэтому, между прочимъ, женщина, по Толстому, должна быть, прежде всего, матерью. Передовые люди общества—толпа невѣждъ; книгопечатаніе—орудіе невѣжества. Наука о правѣ, объясняющая понятія власти и государства, „размѣнная касса исторіи“ [1]).

Вторая часть „Анны Карениной—исторія нравственнаго развитія Левина-Толстого, который говоритъ здѣсь о своихъ сомнѣніяхъ при разрѣшеніи всегда тревожившихъ его вопросовъ и неудачныхъ попыткахъ ихъ разрѣшенія при помощи различныхъ философскихъ взглядовъ (Платона, Канта, Шопенгауэра и др.). Левинъ находитъ исходъ своему мучительному состоянію въ рѣшеніи вопроса о смыслѣ человѣческой жизни простымъ крестьяниномъ (Ѳедоромъ—подавальщикомъ сѣна), который сказалъ Левину, что нужно жить „по правдѣ, по Божью“ [2]).

Въ „Аннѣ Карениной“ всѣ сомнѣнія Толстого, разочарованіе его въ жизни, доходящее до страшнаго отчаянія, не выражены такъ рѣзко и полно, какъ въ „Исповѣди“ Толстого, гдѣ онъ раскрываетъ предъ изумленнымъ міромъ всю свою душу, описываетъ вкратцѣ всю свою жизнь, останавливаясь особенно на тяжелыхъ нравственныхъ ея моментахъ [3]),

---

таевъ. Наше счастье, что вода въ бреднѣ: тянешь - надулась, а вытащишь—ничего нѣту“.

[1]) Ibidem, въ приложеніи, 434, 452, 457 и др. стр. Движеніе народовъ производитъ, говоритъ Толстой, не власть, не умственная дѣятельность, а дѣятельность *всѣхъ* людей, принимающихъ участіе въ событіи.

[2]) Соч. Толстого, 11 т., 354—359, 363—375, 398—400 с.

[3]) Толстой разсказываетъ въ „Исповѣди“ о путникѣ, застигнутомъ въ пу-

бичуетъ себя безпощадно за свои нравственные недостатки, сознается откровенно въ безплодности своей погони за разными жизненными благами и убѣждается въ ничтожности жизни человѣка предъ лицомъ смерти [1]). Въ „Исповѣди" же Толстой описываетъ свои попытки добиться разрѣшенія вопроса о смыслѣ человѣческой жизни, „лежащаго въ душѣ каждаго человѣка, отъ глупаго ребенка до мудрѣйшаго старца", отъ ученыхъ разныхъ направленій [2]), и у людей своего

стынѣ разъяреннымъ звѣремъ. Спасаясь отъ звѣря, путникъ вскакиваетъ въ безводный колодезь, но къ своему ужасу видитъ на днѣ его дракона съ разинутой пастью. Въ отчаяніи онъ ухватывается за вѣтки растущаго въ расщелинѣ куста, который скоро долженъ оборваться: корень куста подтачиваютъ съ разныхъ сторонъ двѣ мыши, черная и бѣлая. Путникъ видитъ это и въ ожиданіи неминуемаго конца лижетъ капли меда на листьяхъ куста. Въ образѣ звѣря и дракона у Толстого олицетворяется смерть, мыши—время (день и ночь), кустъ—жизнь человѣка, капли меда—радости жизни.

[1]) Пять лѣтъ тому назадъ (въ 1876 г.), говоритъ о себѣ Толстой, со мной стало случаться что-то странное, стали находить минуты недоумѣнья, появились вопросы: зачѣмъ? Ну, а потомъ?.... Среди моихъ мыслей о хозяйствѣ мнѣ вдругъ приходилъ въ голову вопросъ: ну, хорошо, у тебя будетъ 6 тысячъ десятинъ земли, 300 головъ скота, *а потомъ?* Или думая о народномъ благосостояніи, славѣ, которую пріобрѣтутъ мнѣ мои сочиненія, я вдругъ говорилъ себѣ: *а мнѣ что за дѣло, ну, и что же?* Жизнь моя остановилась, опостылѣла и я долженъ былъ употреблять усилія, чтобы преодолѣть влеченіе къ самоубійству. А между тѣмъ у меня была добрая „любящая и любимая жена, хорошіе дѣти, большое имѣніе, уваженіе близкихъ и знакомыхъ, извѣстность литератора, хорошее здоровье". И при всемъ томъ Толстого не покидала мысль, что „не нынче, такъ завтра придутъ болѣзни, смерть на любимыхъ людей, на меня и ничего не останется, кромѣ смрада и червей. Дѣла мои забудутся. Главное же: *меня* не будетъ. Я не могъ отрѣшиться отъ вопроса о смыслѣ жизни, отъ состоянія отчаянія, которое казалось мнѣ ненормальнымъ. Я мучительно и долго искалъ объясненія на мои вопросы и ничего не нашелъ. („Исповѣдь", 22—25 стр.).

[2]) „Я, говоритъ Толстой, долго удовлетворялся теоріей развитія, усовершенствованія, пока самъ усложнялся и развивался. Пришло, однако, время, когда ростъ во мнѣ прекратился; я почувствовалъ, что не развиваюсь, а ссыхаюсь, мускулы мои слабѣютъ, зубы падаютъ. Мнѣ стало ясно, что законовъ безконечнаго развитія не можетъ быть, и вопросъ: *что я такое съ своими желаніями* остался совсѣмъ уже безъ отвѣта". Толстой не нашелъ отвѣта на него ни въ опытныхъ, ни умозрительныхъ наукахъ. Первыя совсѣмъ не отвѣчаютъ на вопросъ, *зачѣмъ я живу*, а отыскиваютъ только законы видоизмѣненій въ

круга [1]). Толстой много и самъ думалъ о занимавшемъ его вопросѣ, но также не дошелъ до опредѣленнаго его рѣшенія на основаніи разумнаго знанія и только въ одной вѣрѣ въ Бога нашелъ „отвѣтъ на вопросы жизни и самую возможность жить“ [2]). Оставшись недовольнымъ бесѣдами о вѣрѣ съ учеными богословами разныхъ оттѣнковъ, „жизнь которыхъ не соотвѣтствовала излагаемому ими вѣроученію“, Толстой, наконецъ обращается къ неученымъ вѣрующимъ, къ простому народу, который и выводитъ его изъ затруднительнаго положенія [3]). Вмѣстѣ съ религіозными вѣрованіями на-

---

безконечно большомъ пространствѣ въ безконечно долгое время безконечно малыхъ частицъ. Умозрительныя науки указываютъ на идеалы, которые выражаются въ религіяхъ, наукахъ, искусствѣ, государственныхъ формахъ, какъ цѣли развитія человѣчества и каждой отдѣльной личности, но они не опредѣляютъ ни истиннаго содержанія этихъ идеаловъ, ни того, что такое человѣчество. Умозрительная философія только ставитъ вопросъ о цѣли міра и жизни человѣка, но не даетъ на него отвѣта. Только точная философія въ лицѣ Сократа, Будды, Соломона, Шопенгауэра вмѣстѣ съ милліонами людей утверждаетъ, что жизнь съ ея страданіями зло, отъ котораго мы должны стремиться освободиться. (26—29 стр.).

[1]) Толстой нашелъ у нихъ четыре выхода въ вопросѣ о смыслѣ жизни. Первый выходъ состоитъ въ томъ, чтобы не понимать, что жизнь безсмыслица, второй,—чтобы пользоваться всѣми доступными благами жизни, третій,—понявши безсмыслицу жизни, уничтожить ее, и четвертый— продолжать тянуть жизнь при сознаніи ея безсмыслицы. Первый выходъ избираютъ женщины, очень молодые и очень тупые люди, второго придерживается большинство людей высшаго круга, третій и еще болѣе послѣдній избираютъ многіе люди въ наше время (30 с.).

[2]) Толстой находитъ, что сознаніе безсмыслицы жизни противорѣчитъ разуму бѣдныхъ и богатыхъ людей, но не милліардовъ людей, несомнѣвающихся въ смыслѣ жизни потому, что они вѣрили и вѣрятъ въ Бога, божественность души, понятія нравственнаго добра и зла (31—35 стр.).

[3]) Православные богословы, монахи, старцы и др. не могли объяснить Толстому, почему человѣкъ не долженъ страшиться страданій, лишеній и смерти и только вѣрующіе изъ простого народа указали ему на настоящую вѣру. Тогда какъ люди высшаго круга проводятъ жизнь въ праздности, порокахъ и недовольствѣ на судьбу за лишенія и страданія, вся жизнь рабочихъ людей проходитъ въ тяжелыхъ трудахъ и они принимаютъ горести и болѣзни безъ всякаго *противленія* и умираютъ съ спокойствіемъ и даже радостью. „Я, говоритъ Толстой, полюбилъ трудящійся людъ, знавшій смыслъ жизни и смерти, между тѣмъ какъ жизнь людей нашего круга, ученыхъ, богатыхъ опротивѣла мнѣ и

рода онъ изъ желанія вполнѣ „слиться съ народомъ“ сталъ исполнять и обрядовую сторону вѣры, смирять свой разумъ. Но этотъ послѣдній смѣло заявлялъ о своихъ требованіяхъ объ осмысливаніи обрядовъ. Выполненіе ихъ шло у Толстого только до извѣстныхъ предѣловъ, за которыми снова начались разныя сомнѣнія. Еще разъ онъ обратился за ихъ разъясненіемъ, касающимся теперь уже вопроса о преимуществѣ православной вѣры предъ католическимъ и протестантскимъ вѣроисповѣданіемъ, къ вѣрующимъ разныхъ христіанскихъ исповѣданій вѣры и старообрядцамъ (молоканамъ, духоборцамъ и др.), и также не получилъ ни отъ кого изъ нихъ успокоительнаго для себя отвѣта [1]). Тогда Толстой приходитъ къ твердому, безповоротному рѣшенію отказаться отъ православія и самому создать вѣру въ Бога. Съ этою цѣлью онъ принимается за изученіе книгъ Священнаго Писанія и преданія, и особенно же Евангелія, которое онъ „хочетъ понять такъ, чтобы всякое необъяснимое положеніе представ-

---

всѣ наши дѣйствія, разсужденія, науки, искусства представились мнѣ, какъ баловство. Вся моя жизнь въ теченіе 30 лѣтъ была безсмыслицей, потому что я былъ въ то время паразитомъ“. Затѣмъ Толстой описываетъ, какъ онъ долго искалъ Бога и ожилъ только тогда, когда вернулся къ вѣрѣ въ Бога и нравственное совершенствованіе и въ преданіе, передающее смыслъ жизни. „Я обратился къ народу, который видитъ задачу человѣка въ жизни въ томъ, чтобы спасти свою душу, для чего нужно жить побожьи, т. е., отрекаться отъ всѣхъ утѣхъ жизни, трудиться, смириться, терпѣть и быть милостивымъ“. (36—41 с. „Исповѣди“).

[1]) „Я увидѣлъ, что православные всѣхъ, неисповѣдующихъ православія, считаютъ еретиками, что дѣлаютъ въ свою очередь католики, протестанты и старообрядцы“. Спрошенные Толстымъ, старцы, архимандриты, архіереи не могли „объяснить ему этотъ соблазнъ“. Ихъ разсужденія убѣдили Толстого, что они „исполняютъ свои обязанности *почеловѣчески* и прилагаютъ *насиліе* по отношенію къ лицамъ иновѣрнымъ или другого вѣроисповѣданія“. Толстого возмутило и отношеніе церкви къ войнѣ и казнямъ. „Тогда велась война русскими (въ 1878 г. съ турками), и русскіе убивали своихъ братьевъ во имя христіанской любви, хотя убійство—зло, противное основамъ всякой вѣры. Между тѣмъ, въ церквахъ молились объ успѣхахъ нашего оружія и учителя вѣры признавали это убійство дѣломъ, вытекающимъ изъ вѣры“ (42—45 стр.).

лялось ему, какъ необходимость разума же, а не какъ обязательство повѣрить". Толстой приступилъ къ Евангелію съ намѣреніемъ „отдѣлить въ немъ ложь отъ истины" [1]), съ заранѣе предвзятою мыслью найти въ немъ подтвержденіе ранѣе сложившимся у него взглядамъ на задачи человѣческой жизни. Свое общее міровоззрѣніе, освященное теперь авторитетомъ христіанской религіи, Толстой называетъ „своей религіей" и объявляетъ себя единственнымъ человѣкомъ, открывшимъ истинный смыслъ христіанскаго ученія послѣ почти двухъ тысячъ лѣтъ со времени его появленія въ мірѣ [2]). Всю сущность своего, какъ онъ называетъ, „божескаго жизнепониманія", Толстой сводитъ, однако, къ одному нравственному ученію, преспокойно выбрасываетъ изъ христіанства, какъ совершенно излишнюю на его взглядъ, всю обрядовую сторону вмѣстѣ съ сверхъестественнымъ элементомъ религіи и догматическимъ христіанскимъ ученіемъ. На мѣстѣ этого послѣдняго онъ ставитъ извѣстные ему взгляды восточныхъ мудрецовъ (индусовъ) и разныхъ философовъ: древнихъ (Платона и Аристотеля) и новыхъ (Э. Канта, О. Конта, Дарвина, Спенсера, особенно же Шопенгауэра и Гартмана). Желая найти твердую опору своему нравственному міровоззрѣнію, Толстой обращается къ нагорной проповѣди Іисуса Христа и беретъ отсюда, или точнѣе, подводитъ подъ ранѣе, имъ уже намѣченные, „пять заповѣдей" все ученіе Христа.—На самомъ же дѣлѣ это ученіе—философско-моральныя воззрѣнія самого Толстого, какъ они выработались у него въ теченіе всей его жизни и сначала литературной, а потомъ философской дѣятельности. Поэтому мы въ міровоззрѣніи Толстого находимъ и выраженіе разочарованія въ

---

[1]) „Исповѣдь", 43 стр.

[2]) Толстой: „Въ чемъ моя вѣра" (содержаніе этого сочиненія гр. Толстого изложено въ сочиненіи *А. Гусева*: „Основныя религіозныя начала графа Л. Толстого". Казань. 1893 г.).

благахъ цивилизацiи (наукѣ, искусствѣ, правѣ, государствѣ и др.), неспособныхъ дать человѣку личное счастье, и сознанiе невозможности получить его безъ полнаго самоотверженiя, и принвженiе личности человѣка, и, наконецъ, преклоненiе предъ народомъ, какъ источникомъ высшихъ нравственныхъ качествъ, и его образомъ жизни, какъ единственнымъ условiемъ для разрѣшенiя вопроса о смыслѣ человѣческой жизни. Но прежде, чѣмъ сдѣлать попытку представить въ системѣ полное философско-моральное мiровоззрѣнiе графа Толстого, мы считаемъ необходимымъ изложить вкратцѣ содержанiе его произведенiй, появившихся въ большомъ количествѣ послѣ „Исповѣди". Во всѣхъ этихъ сочиненiяхъ, философскихъ и литературныхъ, намѣчаются и развиваются авторомъ основные его взгляды въ болѣе подробномъ и обстоятельномъ видѣ и съ свойственною Толстому сердечной откровенностью и правдивостью.

II.

Въ появившейся въ 1882 г. статьѣ: „Въ чемъ счастье"? Толстой противопоставляетъ „ученiю мира" ученiе Христа и доказываетъ, что исполненiе послѣдняго легче, полезнѣе, выгоднѣе людямъ, чѣмъ слѣдованiе „ученiю мира". „Если-бы жизнь здѣсь, говоритъ Толстой, не подтверждала ученiя Христа о жизни, то это ученiе было-бы не истинно. Самъ Христосъ говоритъ, что есть вѣрный мiрской разсчетъ не заботиться о жизни мiра". И на самомъ дѣлѣ „положенiе учениковъ Христа должно быть выгоднѣе положенiя учениковъ мiра. Большинство несчастiй жизни людей происходитъ только оттого, что они слѣдуютъ этому ученiю мiра. Въ своей, исключительно въ мiрскомъ смыслѣ, счастливой жизни, говоритъ о себѣ Толстой, я наберу страданiй, понесенныхъ мною во имя ученiя мiра, столько, что ихъ достало бы на хорошаго мученика во имя Христа. Всѣ самыя тяжелыя ми-

нуты моей жизни, начиная отъ студенческаго пьянства и разврата, до дуэлей, войны и до того нездоровья и тѣхъ неестественныхъ и мучительныхъ условій жизни, въ которыхъ я живу теперь—все это есть мученичество во имя ученія міра. Да, и я говорю про свою еще исключительно счастливую въ мірскомъ смыслѣ жизнь. А сколько мучениковъ пострадавшихъ и теперь страдающихъ за ученіе міра страданіями, которыхъ я даже не могу представить себѣ. Пройдите по большой толпѣ людей, особенно городскихъ, и вглядитесь въ эти истомленныя, тревожныя, больныя лица, и потомъ вспомните свою жизнь и жизнь людей, подробности которой вамъ довелось узнать; вспомните всѣ тѣ насильственныя смерти, всѣ тѣ самоубійства, о которыхъ вамъ довелось слышать, и спросите, во имя чего всѣ эти страданія смерти и отчаянія, приводящія къ самоубійствамъ? И вы увидите, какъ ни странно это кажется сначала, что девять десятыхъ страданій людей несутся ими во имя ученія міра, что всѣ эти страданія не нужны и могли бы не быть, что большинство людей мученики ученія міра“ [1]. Толстой доказываетъ, что всѣ люди только и думаютъ о томъ, чтобы пріобрѣсти все, нужное для нихъ по ученію міра, и никто изъ нихъ никогда не бываетъ доволенъ своею жизнью [2].

---

[1]) Соч. Толстого, 13-я ч., Москва. 1891 г., 5—8 с.

[2]) „Всякій бьется изо всѣхъ силъ, чтобы пріобрѣсти то, что не нужно для него, но что требуется отъ него ученіемъ міра и отсутствіе чего составляетъ для него несчастіе. И какъ только онъ пріобрѣтетъ то, что требуется, отъ него, потребуется еще другое, и еще другое, и такъ безъ конца идетъ эта Сизифова работа, губящая жизни людей. Возьмите лѣстницу состояній, отъ людей, проживающихъ въ годъ триста рублей до 50 тысячъ, и вы рѣдко найдете человѣка, который бы не былъ измученъ, истомленъ работой для пріобрѣтенія 400, когда у него 300, и 500, когда у него 400, и такъ безъ конца. И нѣтъ ни одного, который бы, имѣя 500, добровольно перешелъ на жизнь того, у котораго 400. Всѣмъ нужно еще и еще отягчать трудомъ свою, и такъ уже отягченную, жизнь, и душу свою безъ остатка отдать ученію міра. Нынче пріобрѣлъ поддевку и колоши, завтра—часы съ цѣпочкой, послѣ завтра—квартиру съ диваномъ и лампой, послѣ—ковры въ гостиную и бархатныя одежды, послѣ—домъ, рысаковъ,

Поэтому жизнь людей „ужасно несчастлива“. Она далека отъ главныхъ условій земного счастья. Толстой находитъ *пять* такихъ условій. Первое изъ нихъ—жизнь подъ открытымъ небомъ, при свѣтѣ солнца, при свѣжемъ воздухѣ, общеніе съ землей, растеніями, животными, котораго лишены всѣ жители городовъ. Другое несомнѣнное условіе счастья—трудъ любимый, свободный, трудъ физическій, дающій аппетитъ и крѣпкій, успокоивающій сонъ. Отсутствіе такого рода труда у „счастливцевъ міра—чиновниковъ и богачей“ ведетъ за собою болѣзни, одолѣвающую ихъ скуку и отвращеніе къ ненавистной имъ работѣ. Третье условіе счастья—семейная жизнь, которой лишено большинство образованныхъ людей въ городахъ. Дѣти для нихъ не радость, а обуза, которую они спѣшатъ сдать на чужія руки воспитателей. Четвертое условіе счастья—свободное, любовное общеніе со всѣми разнообразными людьми міра, доступное вполнѣ только для мужиковъ и всего менѣе—для людей богатыхъ и знатныхъ. Наконецъ, пятое условіе счастья для людей—здоровье и безболѣзненная смерть, которыя также рѣдко встрѣчаются при городской жизни богачей. Всѣ они одержимы разнообразными болѣзнями, гибнутъ одинъ за другимъ во имя ученія міра. И толпы лѣзутъ за ними и, какъ мученики, ищутъ страданій и гибели. Одна жизнь за другою бросается подъ колесницу этого бога: колесница проѣзжаетъ, раздирая ихъ жизни, а новыя и новыя жертвы со стонами, воплями и проклятіями валятся подъ нее [1]). Толстой опровергаетъ, дѣлаемое часто, возраженіе, что исполненіе ученія Христа трудно: ученіе міра, говоритъ онъ, много-

---

картины въ золотыхъ рамахъ, послѣ заболѣлъ отъ непосильнаго труда и умеръ. Другой продолжаетъ туже работу и также отдаетъ жизнь тому Молоху, также умираетъ, и также самъ не знаетъ, зачѣмъ онъ дѣлаетъ все это“. (Ibidem, 9—10 стр.).

[1]) Ibidem, 10—15 стр.

го труднѣе, опаснѣе, и мучительнѣе исполненія ученія Христа [1]). Толстой убѣждаетъ, что, кромѣ общечеловѣческаго глубокаго смысла, ученіе Христа имѣетъ и самый простой, ясный, практическій смыслъ для жизни каждаго отдѣльнаго человѣка: „Христосъ учитъ людей не дѣлать глупостей, которыя приносятъ имъ одинъ вредъ: не сердиться, не платить зломъ за зло, не считать людей—несоотечественниковъ—чужими, врагами. Отъ примѣненія ученія міра погибли милліоны, тысячи милліоновъ людей, но нѣтъ ни одного человѣка, который бы погибъ смертью и мучительною жизнью съ голода или холода изъ за ученія Христа. Мало того, что мы не раздѣляемъ его, но мы никогда даже серьезно не принимали его. Ученіе Христа представляется намъ ученіемъ, неприложимымъ къ жизни. Поколѣнія за поколѣніями мы трудимся надъ обезпеченіемъ своей жизни посредствомъ насилія и упроченія наибольшей власти и своей собственности, безъ которыхъ мы не можемъ представить себѣ счастья. Мы такъ привыкли къ этому, что ученіе Христа о томъ, что счастье человѣка не можетъ зависѣть отъ власти и имѣнія, что богатый не можетъ быть счастливъ, представляется намъ требованіемъ жертвы во имя будущихъ благъ. Христосъ и не думаетъ призывать насъ къ жертвѣ. Любя людей, Онъ учитъ ихъ воздержанію отъ обезпеченія себя насиліемъ и отъ собственности такъ же, какъ, любя людей, учитъ ихъ воздержанію отъ драки и пьянства. Онъ говоритъ, что, живя безъ отпора другимъ, люди будутъ счастливѣе, и своимъ примѣромъ жизни подтверждаетъ это. Ученикъ Христа долженъ быть готовъ во всякую минуту перенести голодъ, хо-

---

[1]) „Были когда-то, говорятъ, мученики Христа, но это было исключеніе; ихъ насчитываютъ у насъ 380 тысячъ, вольныхъ и невольныхъ, за 1800 лѣтъ. Но сочтите мучениковъ міра—и на одного мученика Христа придется 1000 мучениковъ ученія міра, страданія которыхъ во 100 разъ ужаснѣе. Однихъ убитыхъ на войнахъ нынѣшняго столѣтія насчитываютъ тридцать милліоновъ человѣкъ“. (Ibidem, 15 стр.).

лодъ, на всякія страданія и смерть. Всѣ мы живемъ въ ложномъ убѣжденіи, что жизнь наша можетъ быть обезпечена нашей борьбой съ другими людьми. Мы такъ привыкли къ этому нашему обману, что все, что мы дѣлаемъ для мнимаго обезпеченія нашей жизни: наши войска, крѣпости, наши запасы, наши одежды, лѣченія, все наше имущество, наши деньги, кажется намъ чѣмъ-то дѣйствительнымъ, серьезно обезпечивающимъ нашу жизнь. Вся жизнь поглощается заботой объ этомъ обезпеченіи жизни, приготовленіемъ къ ней, такъ что жизни совсѣмъ не остается. Вся она лишь *праздное занятіе мнимымъ ея обезпеченіемъ*". Толстой настаиваетъ на томъ, чтобы было возстановлено „свойственное всѣмъ неиспорченнымъ людямъ" представленіе о томъ, что необходимое условіе счастья человѣка не праздность, а трудъ, что человѣкъ не можетъ не работать, что ему скучно, тяжело, трудно не работать. Ученію міра, что работа есть особенная заслуга человѣка, который имѣетъ право на пропитаніе, сообразное съ его трудомъ, Толстой противопоставляетъ ученіе Христа, что работа есть необходимое условіе жизни человѣка, а пропитаніе—неизбѣжное послѣдствіе труда [1]).

Въ статьѣ „Въ чемъ счастье?" доказывается Толстымъ мысль, что ученіе Христа—правило, имѣющее практическій, жизненный характеръ. Онъ утверждаетъ, что пренебреженіе этимъ ученіемъ—источникъ несчастія людей, которые должны исполнять предписанія Христа относительно несопротивленія ему насиліемъ, удержанія отъ гнѣва, отреченія отъ власти и собственности и постояннаго труда, какъ необходимаго условія нормальной жизни вмѣстѣ съ другими, указываемыми Толстымъ, условіями земного счастья. Въ статьѣ: „О переписи въ Москвѣ" (1882 года) Толстой убѣждаетъ „присоединить къ переписи дѣло любовнаго общенія бога-

---

[1]) Ibidem, 16—24 стр.

тыхъ, досужныхъ и просвѣщенныхъ съ нищими, задавленными и темными. Пусть, замѣчаетъ онъ, не исправится все зло, но будетъ сознаніе его и борьба съ нимъ не полицейскими мѣрами, а внутренними—братскимъ общеніемъ людей, видящихъ зло, съ людьми, невидящими его потому, что они находятся въ немъ". Толстой выставляетъ на видъ пользу соединенія силъ всего общества для помощи бѣдному, обездоленному люду [1]). Вопросъ о средствахъ помощи простому народу заинтересовалъ на этотъ разъ нашего писателя на столько, что онъ рѣшился самъ сдѣлаться счетчикомъ въ Москвѣ. Толстой описываетъ въ своей статьѣ: „Такъ что же намъ дѣлать"? (1884—1885 г.) свои впечатлѣнія при видѣ тяжелой, безъисходной нищеты городского пролетаріата въ столицѣ, разсказываетъ о своихъ неудачныхъ попыткахъ благотворительной помощи въ главныхъ притонахъ московскихъ нищихъ (въ Ляпинскомъ, Ржановскомъ домѣ) и, размышляя о причинахъ этихъ неудачъ, приходитъ къ тому заключенію, что главная причина этого удивительнаго факта заключается въ развращающемъ вліяніи городской жизни на деревенскихъ жителей, переселяющихся въ города для добыванія недостающихъ имъ средствъ, и еще потому, что ихъ привлекаютъ сюда разные соблазны, и въ городѣ богатому человѣку удобнѣе и пріятнѣе жить, нежели въ деревнѣ [2]). Изъ своихъ сношеній съ бѣдняками, которымъ Толстой хотѣлъ искренне помочь деньгами, онъ вынесъ то убѣжденіе, что

---

[1]) „Приди одинъ человѣкъ въ сумерки къ Ляпинскому ночлежному дому, когда 1000 человѣкъ раздѣтыхъ и голодныхъ ждутъ на морозѣ впуска въ домъ, и постарайся этотъ одинъ человѣкъ помочь имъ, и у него сердце обольется кровью, и онъ съ отчаяніемъ и злобой на людей убѣжитъ оттуда; а придите на эту тысячу человѣкъ еще тысяча человѣкъ съ желаніемъ помочь, и дѣло окажется легкимъ и радостнымъ. Пускай механики придумываютъ машину, какъ приподнять тяжесть, давящую насъ—это хорошее дѣло; но пока они не выдумали, давайте мы по дурацки, по мужицки, по крестьянски, по христіански налегнемъ народомъ, не поднимемъ ли. Дружнѣй, братцы, разомъ"! (Соч. Толстого, XIII т., 29, 37 и 39 стр.).

[2]) Соч. Толстого, XIII т., 195—109 стр.

дѣйствительную помощь можно оказывать не деньгами, доставшимися даромъ богатымъ и празднымъ, и ненужными имъ. Деньги — представители не труда, а праздности. Необходимо каждому умѣрить свои потребности, перестать пользоваться чужимъ трудомъ посредствомъ владѣнія землей или —денегъ, а самому посвятить себя на служеніе людямъ. „Этотъ простой выводъ уничтожаетъ, замѣчаетъ Толстой, всѣ причины невозможности помочь бѣднымъ: скопленіе людей въ городахъ и поглощеніе въ нихъ богатствъ деревни, разъединеніе богатыхъ съ бѣдными и стыдъ отъ пользованія лишними, дурашными деньгами" [1]). Нужно какъ можно меньше пользоваться работой другихъ и какъ можно больше работать самому. Гр. Толстой сознаетъ, что примѣненіе этого жизненнаго правила не легко при сложности и запутанности всѣхъ отношеній въ современномъ обществѣ, раздѣленіи труда, развитіи промышленности, науки, искусства. Единственнымъ выходомъ изъ такого положенія является жизнь въ деревнѣ, противоположная городской жизни съ страшною бѣдностью и развратомъ низшихъ слоевъ городскаго населенія. Только въ деревнѣ каждому предоставляется случай примѣнить свои силы на служеніе ближнему, помощь личнымъ, физическимъ трудомъ страшной нуждѣ, которая царитъ во всемъ мірѣ [2]).

Толстой доказываетъ, что ни современная наука, ни искусство не могутъ помочь народу [3]) и отвѣчаетъ на вопросъ, поставленный въ началѣ статьи, приглашаетъ всѣхъ „не лгать

---

[1]) Ibidem, 123—124 стр.

[2]) „Гдѣ бы, въ какое время мы не наблюдали жизнь людей: въ Европѣ ли, Америкѣ, Китаѣ, Россіи, вездѣ мы увидимъ одно и тоже: что люди, непрестанно и напряженно работая, не въ силахъ пріобрѣсти для себя и для своихъ малыхъ и старыхъ одежды, крова и пищи, и что значительная часть людей, какъ прежде, такъ и теперь гибнетъ отъ недостатка средствъ къ жизни и непосильнаго труда для пріобрѣтенія ихъ" (147 стр.).

[3]) Ниже мы будемъ имѣть случай остановиться подробно на этихъ взглядахъ Толстого на науку и искусство.

ни передъ людьми, ни передъ собою, не бояться истины, попытаться соскрести съ себя вросшую въ насъ гордость своимъ образованіемъ, утонченностью, талантами и сознать себя не благодѣтелемъ народа, передовымъ человѣкомъ, а кругомъ виноватымъ предъ народомъ, испорченнымъ, никуда ненужнымъ человѣкомъ". Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, первая и несомнѣнная обязанность каждаго разумнаго человѣка состояла въ борьбѣ съ природой для поддержанія жизни своей и другихъ людей, пріобрѣтеніи для нея средствъ. „Всякій трудъ, имѣющій своей цѣлью прямое удовлетвореніе потребностей (не наживаніе денегъ) самъ собой влечетъ изъ города въ деревню, къ землѣ, туда, гдѣ онъ самый плодотворный и радостный". Толстой самъ испыталъ на себѣ всѣ благодѣтельныя послѣдствія физическаго труда: „стоило мнѣ, говоритъ онъ, сдѣлать его привычнымъ условіемъ своей жизни, чтобы тотчасъ же большинство моихъ ложныхъ дорогихъ привычекъ и требованій при физической праздности, сами собой, безъ малѣйшаго усилія съ моей стороны, отпали отъ меня. При физической работѣ не было мѣста тщеславію и не было нужды въ разсѣяніи отъ скуки, такъ какъ все время было занято. Оказывалось несомнѣнно то, что точно такъ же, какъ всѣ тѣ ухищренія человѣческаго ума,—газеты, театры, концерты, визиты, балы, карты, журналы, романы, суть не что иное, какъ средства поддержать духовную жизнь человѣка внѣ его естественныхъ условій труда для другихъ,—точно таковы же всѣ гигіеническія и медицинскія ухищренія человѣческаго ума для приспособленія пищи, питья, помѣщенія, вентиляціи, отопленія, одежды, лѣкарствъ, водъ, гимнастики, электрическихъ и всякихъ другихъ лѣченій,—что всѣ эти хитрости, мудрости суть только средства поддержать тѣлесную жизнь человѣка, изъятую изъ естественныхъ ея условій труда. Мы устроили себѣ жизнь, противную и нравственной и физиче-

ской природѣ человѣка, и всѣ силы своего ума напрягаемъ на то, чтобы увѣрить человѣка, что это-то и есть самая настоящая жизнь. Все, что мы называемъ культурой: наши науки, искусство, усовершенствованія пріятностей жизни—это попытки обмануть нравственныя требованія человѣка; все, что называемъ гигіеной и медициной,—это попытки обмануть естественныя, физическія требованія человѣческой природы". Толстой сравниваетъ положеніе современнаго европейскаго образованнаго общества съ состояніемъ одного извѣстнаго ему мужика изъ Крапивенскаго уѣзда, который „сошелъ съ ума на томъ, что и онъ такъ же, какъ и господа, можетъ не работать, а получать слѣдующее ему содержаніе отъ Государя Императора. Мужикъ этотъ называетъ себя теперь *свѣтлѣйшимъ военнымъ княземъ Блохинымъ*, поставщикомъ военнаго провіанта всѣхъ сословій. Онъ говоритъ про себя, что онъ „окончилъ всѣхъ чиновъ" и, по выслугѣ военнаго сословія, долженъ получать отъ Государя Императора открытый банкъ, одежды, мундиры, лошадей, экипажи, чай, горохъ и прислугу и всякое продовольствіе. На вопросъ, не хочетъ ли онъ поработать, Блохинъ всегда гордо отвѣчаетъ: „очень благодаренъ, это все управится крестьянами". Когда скажешь ему, что крестьяне тоже не захотятъ работать, онъ отвѣчаетъ: „крестьянамъ это не затруднительно въ управкѣ, теперь выдумка машинъ для облегчительности крестьянъ". Когда у него спросятъ, для чего онъ живетъ, онъ отвѣчаетъ: „для разгулки времени". Слова Блохина о себѣ, своей жизни и крестьянахъ—это, замѣчаетъ Толстой, „полная формулировка безумной вѣры людей нашего круга", отраженіе всего образа жизни нашего сословія: окончить чиновъ, чтобы жить для разгулки времени и получать открытый банкъ, между тѣмъ какъ крестьяне, для которыхъ это незатруднительно по выдумкѣ машинъ, управляютъ всѣ дѣла [1]).

[1]) Ibidem, 199—215 стр.

Жизнь въ деревнѣ Толстой рекомендуетъ устроить такимъ образомъ. Раздѣлить день на 4 части или упряжки, какъ называютъ это мужики: 1) до завтрака, 2) отъ завтрака до обѣда, 3) отъ обѣда до полдника и 4) отъ полдника до вечера. Это раздѣленіе соотвѣтствуетъ четыремъ родамъ дѣятельности человѣка, благъ, нужныхъ ему, и способностей природы человѣка. Дѣятельность человѣка бываетъ: 1) дѣятельность мускульной силы, работа рукъ, ногъ, плечъ, спины—тяжелый трудъ, отъ котораго вспотѣешь, 2) дѣятельность пальцевъ и кисти рукъ—дѣятельность ловкости мастерства, 3) дѣятельность ума и воображенія и 4) дѣятельность общенія съ другими людьми. Блага, необходимыя человѣку: произведенія тяжелаго труда, ремесленнаго, умственной дѣятельности—наукъ, искусства и установленное общеніе между людьми. Чтобы упражнять также четыре способности человѣка въ теченіе дня, нужно чередовать занятія такъ, чтобы самому производить всѣ 4 рода благъ, чтобы одна часть дня, первая упряжка, была посвящена тяжелому труду, другая умственному, третья—ремесленному и четвертая—общенію съ людьми. Тогда только, вѣритъ Толстой, уничтожится то ложное раздѣленіе труда, которое существуетъ въ нашемъ обществѣ и установится то справедливое раздѣленіе труда, которое не нарушаетъ счастья человѣка [1]).

Толстой думаетъ, что къ тому же, къ чему пришелъ онъ, должны придти и люди его круга, особенно же молодые, ищущіе личнаго счастья. Послѣдніе ужаснутся предъ все увеличивающейся, явно влекущею ихъ на погибель, бѣдственностью и жестокостью своей жизни, которая съ каждымъ годомъ становится слабѣе, болѣзненнѣе, мучительнѣе, тоскливѣе. Всѣ наши оправданія въ образѣ своей жизни распадаются прахомъ предъ очевидностью: вокругъ насъ мрутъ лю-

---

[1]) Ibidem, 216—217 стр.

ди отъ непосильной работы и недостатковъ, мы губимъ трудъ другихъ людей, пищу и одежду, необходимыя для нихъ, только для того, чтобы найти развлеченіе и разнообразіе въ скучной жизни. Наша совѣсть можетъ быть успокоена только перемѣной жизни. Толстой не находитъ смѣшнымъ, что драгоцѣнное время образованныхъ людей будетъ тратиться на разныя мелочныя дѣла, которыя съ удобствомъ могутъ быть выполнены прислугой. Достоинство человѣка, его священный долгъ и обязанность употребить данныя ему руки и ноги не на то, чтобы они атрофировались, а чтобы ими работать. Великія, истинныя дѣла—всегда просты, скромны. Величайшее же дѣло, предстоящее намъ,—физическій трудъ, отъ всеобщаго примѣненія котораго Толстой ждетъ разрѣшенія всѣхъ страшныхъ жизненныхъ противорѣчій, экономическихъ и соціальныхъ. Обезпеченіе матеріальныхъ условій жизни и есть все то, что нужно человѣку. А это обезпеченіе лучше всего можетъ быть достигнуто, когда будетъ отброшено ложное понятіе о собственности внѣ своего тѣла, на пріобрѣтеніе которой мы тратимъ лучшія силы своей жизни. Люди, которые станутъ работать для исполненія закона труда, освободятся отъ ужаснаго суевѣрія собственности для себя. Для человѣка, полагающаго смыслъ своей жизни въ трудѣ, а не въ результатахъ его, пріобрѣтеніи собственности не можетъ быть и вопроса объ орудіяхъ труда. Но, спрашиваетъ Толстой, что будетъ изъ того, что нѣсколько чудаковъ сумасшедшихъ будутъ пахать, шить сапоги и т. п. вмѣсто того, чтобы курить папиросы, играть въ винтъ и развозить повсюду свою скуку въ продолженіе свободныхъ у каждаго умственнаго работника 10-ти часовъ времени? Выйдетъ то, что эти сумасшедшіе покажутъ на дѣлѣ, что та воображаемая собственность, изъ за которой страдаютъ, мучаются и мучатъ другихъ людей, не нужна для счастья, стѣснительна, и что это есть только суевѣріе; что истинная

собственность есть только своя голова, свои руки, ноги, тѣло, способности. Обработывая только эту свою собственность, человѣкъ можетъ сдѣлаться полезнымъ, сильнымъ и добрымъ человѣкомъ, котораго куда не брось, онъ вездѣ упадетъ на ноги, вездѣ, всѣмъ, всегда будетъ братъ, будетъ всѣмъ понятенъ и нуженъ, и дорогъ. Люди, глядя на одного, десятокъ такихъ сумасшедшихъ этихъ, поймутъ, что они всѣ должны сдѣлать, чтобы развязать тотъ страшный узелъ, въ который затянуло ихъ суевѣріе собственности, чтобы избавиться отъ несчастнаго положенія, отъ котораго они всѣ въ одинъ голосъ стонутъ теперь, не зная изъ него выхода. Толстой надѣется, что къ одному человѣку, измѣнившему въ такомъ направленіи всю свою жизнь, присоединятся сначачала полусознательно, а потомъ и вполнѣ сознательно лучшіе люди, за которыми пойдетъ и большинство. Всѣ перемѣны въ жизни, отъ которыхъ нашъ философъ искренне ожидаетъ совершеннаго ея обновленія, произойдутъ, по его словамъ, тогда, когда того потребуетъ общественное мнѣніе, въ которомъ на памяти Толстого совершилось уже много разительныхъ измѣненій. Общественное мнѣніе, устанавливающее предлагаемый имъ новый взглядъ на жизнь уже, утверждаетъ Толстой, вырабатывается при содѣйствіи женщинъ, особенно сильныхъ въ наше время [1]).

Изложенныя нами статьи Толстого: „Въ чемъ счастье?, О переписи въ Москвѣ и Такъ что же намъ дѣлать“ появились въ промежутокъ времени отъ изданія въ свѣтъ его „Исповѣди“ и напечатаніемъ, надѣлавшаго шуму не менѣе „Исповѣди“, сочиненія: „Въ чемъ моя вѣра“ (1884 года), за которымъ послѣдовало „Краткое изложеніе евангелія“ [2])

---

[1]) О взглядахъ Толстого на положеніе женщины въ современномъ обществѣ см. ниже.

[2]) Содержаніе этого сочиненія изложено въ цитированной мною книгѣ А. Гусева: „Основныя религіозныя начала графа Л. Н. Толстого“.

(1885 г.) Толстымъ. Въ обоихъ этихъ послѣднихъ его произведеніяхъ „Заповѣди" Толстого съ главною заповѣдью о непротивленіи злу насиліемъ, до которыхъ онъ додумался въ теченіе своей предшествующей, литературной и философской, дѣятельности, обоснованы имъ на своеобразно понимаемыхъ религіозныхъ, христіанскихъ началахъ. Однако, самъ Толстой скоро нашелъ, что для примѣненія его ученія недостаточно одного этого религіознаго освященія авторитетомъ христіанства. Онъ издаетъ (въ 1891 г.) „Письма о жизни", въ которыхъ на основаніи извѣстныхъ Толстому взглядовъ разныхъ философовъ, особенно же Шопенгауэра представлено теперь общее, философское міровоззрѣніе Толстого, какъ источникъ его же моральныхъ возрѣній [1]). Общій, философско-религіозный характеръ имѣетъ небольшая, но важная для характеристики міровоззрѣнія Толстого его статья: „Противорѣчія эмпирической нравственности" (1890 г.), гдѣ онъ даетъ понятіе религіи и указываетъ на ея отношеніе къ морали и современной наукѣ. Сущность религіи Толстой видитъ въ отвѣтѣ на вопросъ, зачѣмъ человѣкъ живетъ на землѣ, какое отношеніе его къ безконечному міру? Основныхъ отношеній человѣка къ міру три: 1) первобытное личное, 2) языческое общественное и 3) христіанское или божеское. При первомъ человѣкъ живетъ только для пріобрѣтенія своего личнаго блага. Такова жизнь дѣтей, многихъ дикихъ народовъ и современныхъ нравственно-грубыхъ людей. По языческому міровоззрѣнію назначеніе жизни состоитъ въ благѣ извѣстной группы личностей—семьи, рода, народа. Наконецъ, при христіанскомъ отношеніи къ міру значеніе жизни заключается только въ служеніи волѣ, создавшей весь міръ, и исполненіи цѣлей этой воли. Всѣ религіи распредѣляются

---

[1]) Сущность этихъ „Писемъ" взойдетъ въ наше изложеніе общаго міровоззрѣнія Толстого.

между этими тремя отношеніями человѣка къ міру и всякій человѣкъ неизбѣжно держится одного изъ нихъ. Человѣкъ безъ религіи также невозможенъ, какъ человѣкъ безъ сердца. Только религія устанавливаетъ отношеніе человѣка къ безконечному міру; философія же и положительная наука слѣдуютъ въ этомъ случаѣ только религіи, которая предшествуетъ имъ и основывается не на одномъ лишь разсудкѣ, но и чувствѣ, вообще всей совокупности духовныхъ силъ человѣчества. Для того, чтобы узнать отношеніе къ міру, человѣку не нужны ни философскія, ни научныя знанія, а хотя только временное отреченіе отъ суеты міра, сознаніе своего матеріальнаго ничтожества и правдивость, встрѣчающіяся чаще въ самыхъ простыхъ, малоученыхъ людяхъ. Поэтому послѣдніе часто легко и сознательно принимаютъ высшее христіанское жизнепониманіе, между тѣмъ какъ высокообразованные люди продолжаютъ коснѣть въ грубомъ язычествѣ. Этотъ ненаучный способъ познанія своего истиннаго отношенія къ міру Толстой называетъ откровеніемъ—воспринятіемъ людьми проявленія безконечнаго разума, постепенно открывающаго себя людямъ. Истинный прогрессъ христіанскаго человѣчества парализуется заблужденіемъ, что люди науки нашего времени рѣшили, что христіанство—пережитое уже людьми состояніе, а языческое пониманіе жизни—высшее, котораго должно держаться все человѣчество [1].

Въ связи съ религіей находится нравственность, которая есть указаніе и разъясненіе дѣятельности человѣка, вытекающей изъ того или другого его отношенія къ міру. Сообразно тремъ родамъ такого отношенія, есть и *три рода* нравственности: первобытное нравственное ученіе, въ основѣ котораго лежитъ стремленіе къ благу отдѣльной личности.

---

[1]) Сочиненія Л. Н. Толстого. Москва. 1895 г. Отдѣльное изданіе нѣсколькихъ изъ позднѣйшихъ произведеній (139—156 стр.).

Таково было эпикурейское, магометанское, буддійское ученіе въ ихъ грубыхъ формахъ и свѣтское ученіе утилитарной нравственности и пессимистическое. Изъ языческаго отношенія человѣка къ міру вытекаетъ нравственное ученіе, требующее служенія той или другой группѣ людей. Таковы были въ древности: нравственность еврейская, китайская и римскаго и греческаго міра и нравственность нашего времени, требующая жертвы личности для условнаго блага большинства. Сюда же относится нравственность большинства женщинъ, жертвующихъ своею личностію для блага семьи и главное для дѣтей. Толстой утверждаетъ, что такого рода языческой нравственности въ настоящее время придерживается вообще большинство людей, только воображающихъ себя сторонниками христіанской нравственности и на самомъ дѣлѣ ставящихъ языческую мораль идеаломъ воспитанія молодого поколѣнія. Истинное христіанское нравственное ученіе вмѣстѣ съ нѣкоторыми восточными сходными ученіями требуетъ отъ людей отреченія какъ отъ личнаго блага, такъ и семейнаго и общественнаго во имя исполненія воли пославшаго насъ въ жизнь. Такимъ образомъ, вопросъ о смыслѣ жизни разрѣшается различно каждымъ изъ указанныхъ нравственныхъ ученій: онъ можетъ быть найденъ или въ личномъ наслажденіи благами, доступными отдѣльному человѣку, или служеніи благу семьи, народа, или же—Богу. Въ заключеніе къ своей статьѣ Толстой доказываетъ, что истинная христіанская нравственность противорѣчитъ современной языческой философіи, которая изслѣдуетъ только средства пріобрѣтенія наибольшаго блага личности или совокупности ихъ. Изъ всѣхъ современныхъ философовъ особенно рѣзко выставилъ указанное противорѣчіе Нитцше, который „неопровержимъ, когда онъ говоритъ, что всѣ правила нравственности съ точки зрѣнія существующей нехристіанской философіи только ложь и лицемѣріе, и что человѣку гораздо выгоднѣе

и пріятнѣе, и разумнѣе составить сообщество Uebermensch'евъ и быть однимъ изъ нихъ, чѣмъ тою толпою, которая должна служить подмостками для этихъ Uebermensch'евъ". Толстой убѣжденъ, что ничѣмъ нельзя доказать человѣку, что ему выгоднѣе и разумнѣе жить не для своего блага или— семьи, общества, а для непонятнаго и недостижимаго человѣческими средствами блага. Нельзя примирить христіанскую нравственность съ основнымъ положеніемъ современной языческой науки, что законъ эволюціи основывается на общемъ и неизмѣнномъ законѣ борьбы за существованіе и переживаніи способнѣйшаго, сильнѣйшаго. Никакія путанныя разсужденія о соціальномъ прогрессѣ и, будто бы вытекающемъ изъ него, этическомъ, выскочившемъ неизвѣстно откуда, законѣ, когда онъ намъ понадобился, не могутъ нарушить этого закона. Толстой не видитъ, почему соціальный прогрессъ можетъ устранить изъ жизни людей борьбу между семьями, родами, народами: слабыхъ во всѣхъ этихъ соединеніяхъ людей спасаетъ только самоотверженіе, любовь, которыя не могутъ вытекать изъ соціальнаго прогресса [1]).

Гр. Толстой посвящаетъ доказательствамъ своихъ мыслей о физическомъ трудѣ двѣ особыхъ статьи: „Ручной трудъ и умственная дѣятельность" и „Трудолюбіе или торжество земледѣльца". Въ первой изъ нихъ авторъ высказываетъ увѣренность въ томъ, что лишь ручнымъ трудомъ каждый нравственный и искренній человѣкъ можетъ приносить пользу обществу, между тѣмъ какъ польза отъ научнаго и артистическаго труда весьма сомнительна. Ручной трудъ есть долгъ и счастье для всѣхъ. Затѣмъ у Толстого идутъ разсужденія о вредѣ занятій современной наукой и искусствомъ, которыя необходимо отбросить для общаго благополучія [2]). Въ

[1]) Ibidém, 157—179 стр.

[2]) Сочиненія Л. Н. Толстого, 13-я часть, Москва, 1891 г., 257—259 стр. и слѣд.

„Торжествѣ земледѣльца“ Толстой обращаетъ особое вниманіе на библейское слово Бога Адаму объ обязательномъ для него физическомъ трудѣ, вѣчномъ законѣ человѣческой жизни, который люди обходятъ всевозможными способами. Въ исполненіи этого закона—спасеніе отъ всѣхъ существующихъ безчисленныхъ золъ человѣчества. Всѣ бѣдствія людей, за исключеніемъ прямого насилія, происходятъ отъ голода, лишеній всякаго рода, отягченія въ работѣ, и рядомъ съ этимъ отъ излишества, праздности и вызываемыхъ ими пороковъ. Всѣ эти дѣйствія могутъ быть поэтому уничтожены участіемъ въ трудѣ, покрывающемъ нужду людей. Человѣкъ служитъ обѣдню, другой собираетъ войско или подати на него, третій судитъ, четвертый изучаетъ книги, пятый лѣчитъ, шестой учитъ, и подъ этими предлогами, освобождая себя отъ хлѣбнаго труда, наваливаетъ его на другихъ и забываетъ то, что люди мрутъ отъ напряженія, труда и голода, и что для того, чтобы было пѣть кому обѣдню, кого защищать войскомъ, кого судить, кого лѣчить, учить, надо, чтобы, прежде всего, люди не мерли съ голоду. Хлѣбный трудъ уничтожитъ страшное раздѣленіе людей на два класса, ненавидящихъ другъ друга и ласкательствомъ прикрывающихъ свою взаимную ненависть, сравняетъ всѣхъ и подсѣчетъ крылья роскоши и похоти. Толстой изображаетъ новый порядокъ жизни людей при примѣненіи указываемаго имъ вѣчнаго ея закона и затѣмъ старается отвѣтить на дѣлаемыя многими возраженія, что онъ даетъ только отрицательныя заповѣди, какъ ученіе Христа. Смыслъ этого ученія въ томъ, что благо жизни не въ личномъ счастьи, а служеніи Богу и людямъ. Все положительное ученіе Христа выражено въ одномъ: люби Бога и ближняго, какъ самого себя. И никакихъ разъясненій этого положенія быть не можетъ. Оно одно, потому что оно все. Жизнь каждаго человѣка есть движеніе куда-то. Христосъ указываетъ человѣку его путь и при томъ показываетъ тѣ

повертки съ истиннаго пути, которыя могутъ свести его на ложный. Это—заповѣди, которыхъ Христосъ даетъ пять. Толстой того мнѣнія, что эти заповѣди не нужны людямъ, истинно вѣрующимъ въ ученіе Христа: такіе люди, исповѣдующіе не на словахъ, а на дѣлѣ ученіе любви и истины, не могутъ ошибиться въ томъ, куда они, прежде всего, должны направить свою дѣятельность, начнутъ служить голодному и холодному человѣчеству не отливаніемъ пушекъ, дѣланіемъ изящныхъ предметовъ, или игрой на скрипкѣ или фортепіано. Одна любовь даетъ истинную проницательность и мудрость. Поэтому человѣкъ, проникнутый любовью, будетъ поддерживать жизнь голодныхъ, холодныхъ и удрученныхъ, вести ради этой цѣли прямую борьбу съ природой [1]).

Три статьи Толстого содержатъ его мысли относительно необходимости всѣмъ людямъ упорядочить свою жизнь воздержаніемъ отъ одурманивающихъ веществъ и мясной пищи. Толстой спрашиваетъ: „Для чего люди одурманиваются" водкой, виномъ, опіумомъ, табакомъ? и отвѣчаетъ, что причина этого широко распространеннаго явленія лежитъ въ чувствуемой всѣми потребности заглушить голосъ совѣсти для того, чтобы не видать разлада жизни съ требованіями сознанія. Особенно Толстой возстаетъ противъ куренія табаку, которымъ совѣсть начинаетъ заглушаться съ потерей невинности. Куреніе табаку не только не содѣйствуетъ умственной работѣ, какъ это обыкновенно думаютъ, а, наоборотъ, мѣшаетъ ей: курильщикъ теряетъ контроль надъ своими мыслями. Употребленіе всякихъ одурманивающихъ веществъ—средство, при помощи котораго люди стараются отогнать отъ себя всякіе назойливые нравственные вопросы, требующіе разрѣшенія отъ ихъ сознанія. Толстой увѣряетъ, что вся руководящая дѣятельность общества—политическая, служебная, на-

---

[1]) Сочиненія Толстого, 13-й томъ, 356 стр. и слѣд.

учная, художественная, литературная—производится большею частью людьми пьяными, постоянно употребляющими водку, вино и курящими табакъ. Этимъ же одурманивающимъ веществамъ Толстой приписываетъ то обстоятельство, что всѣ европейскіе народы вотъ уже десятки лѣтъ заняты тѣмъ, чтобы придумывать наилучшія средства убійства людей, достигшихъ зрѣлаго возраста. Всѣ знаютъ, разсуждаетъ Толстой, что нападеній варваровъ никакихъ быть не можетъ, что приготовленія къ убійству направлены христіанскими народами другъ на друга; всѣ знаютъ, что это тяжело, больно, неудобно, разорительно, безнравственно, безбожно и безумно,— и всѣ готовятся къ взаимному убійству. Только пьяные, никогда не вытрезвляющіеся люди могутъ, заключаетъ Толстой, дѣлать эти дѣла и жить въ томъ ужасающемъ противорѣчіи жизни и совѣсти, въ которыхъ не только въ этомъ, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ живутъ люди нашего міра. Освобожденіе отъ этого страшнаго зла (физическаго состоянія одуренія) будетъ эпохой въ жизни человѣчества и эта эпоха, кажется, настаетъ. И какъ всегда,—начинается съ высшихъ классовъ тогда, когда уже заражены всѣ низшіе" [1]). Однако, тотъ же Толстой совсѣмъ другого мнѣнія о трезвости высшихъ классовъ общества въ статьѣ: „Праздникъ просвѣщенія 12-го января". Здѣсь онъ высказываетъ свое удивленіе, что на университетскомъ праздникѣ „пьянствуютъ образованные, просвѣщенные люди, и они вполнѣ увѣрены, что тутъ не только нѣтъ ничего стыднаго и дурного, но что это очень мило и съ удовольствіемъ и смѣхомъ пересказываютъ забавные эпизоды своего прошедшаго пьянства. Дошло до того, что безобразнѣйшая оргія, въ которой спаиваются юноши стариками, оргія, ежегодно повторяющаяся во имя образованія и просвѣщенія, никого не оскорб-

---

[1]) Сочиненія Толстого, 13-й томъ, 493 стр. и слѣд.

ляетъ и никому не мѣшаетъ и во время пьянства и послѣ пьянства радоваться на свои возвышенныя чувства и мысли, и смѣло судить и цѣнить нравственность другихъ людей и въ особенности грубаго и невѣжественнаго народа". Толстой увѣщеваетъ этихъ участниковъ въ университетскомъ праздникѣ не предаваться своимъ порочнымъ наклонностямъ такъ торжественно, развращая тѣмъ молодежь. „Всѣ знаютъ, что прежде всякихъ другихъ гражданскихъ добродѣтелей нужно воздержаніе отъ пороковъ, что всякое невоздержаніе вредно, въ особенности же невоздержаніе въ винѣ—самое опасное, потому что убиваетъ совѣсть. Прежде, чѣмъ говорить о какихъ-нибудь возвышенныхъ чувствахъ и предметахъ, надо освободить себя отъ низкаго и дикаго порока пьянства, а не въ пьяномъ видѣ говорить о высокихъ чувствахъ. Пора понять, замѣчаетъ въ заключеніе статьи Толстой, что просвѣщеніе распространяется не одними туманными и другими картинами, не однимъ устнымъ и печатнымъ словомъ, но заразительнымъ примѣромъ всей жизни людей, и что просвѣщеніе, неоснованное на нравственной жизни, не было и никогда не будетъ просвѣщеніемъ, а будетъ всегда затемнѣніемъ и развращеніемъ" [1]).

Въ обширной статьѣ „Первая ступень" Толстой горячо возстаетъ противъ употребленія мясной пищи и рекомендуетъ вегетаріанство (употребленіе растительной пищи), какъ необходимое условіе перемѣны всей современной жизни общества, полной всякими невзгодами. „Движеніе къ доброй жизни можетъ быть начато, по словамъ Толстого, лишь правильною послѣдовательностью пріобрѣтенія добрыхъ качествъ, которая одинаково требуется и язычествомъ, и христіанствомъ: Христіанинъ, какъ и язычникъ, не можетъ не начать работу совершенствованія съ самого начала, именно съ

[1]) Сочиненія Толстого, 13-й томъ, 343 стр. и слѣд.

воздержанія, какъ не можетъ тотъ, кто хочетъ войти на лѣстницу, не начать съ первой ступени. Толстой находитъ, что большинство людей, внѣшнимъ образомъ исповѣдующихъ христіанство, пренебрегаетъ личными усиліями къ достиженію духовнаго совершенства и освобождаетъ себя отъ всякой необходимости борьбы съ своей животной природой. Такіе люди пренебрегаютъ послѣдовательнымъ пріобрѣтеніемъ добрыхъ качествъ и довольствуются тѣмъ, что притворяются, какъ на театрѣ, что живутъ доброй жизнью. Одни проповѣдуютъ любовь къ Богу и людямъ безъ самоотреченія, другіе—гуманность, служеніе людямъ, человѣчеству безъ воздержанія. По царствующему, самому распространенному современному ученію о жизни, увеличеніе потребностей считается желательнымъ качествомъ, признакомъ развитія, цивилизаціи, культуры, совершенствованія. Чѣмъ больше потребностей, чѣмъ утонченнѣе эти потребности, тѣмъ считается это лучше". Въ подтвержденіе этой своей послѣдней мысли Толстой указываетъ на современныя беллетристическія произведенія, гдѣ изображаются герои и героини, представляющіе идеалы добродѣтели. „Въ большинствѣ случаевъ мужчины, долженствующіе представить нѣчто возвышенное и благородное, начиная съ Чайльдъ Гарольда и до послѣднихъ героевъ Фелье, Троллопа, Мопассана—суть не что иное, какъ развратные тунеядцы, ни на что, ни для кого не нужные; героини же—это такъ или иначе, болѣе или менѣе доставляющія наслажденія мужчинамъ любовницы, точно также праздныя и преданныя роскоши". Самымъ большимъ затрудненіемъ для современныхъ романистовъ является изобразить типъ свѣтскаго человѣка идеально хорошій, добрый и вмѣстѣ съ тѣмъ такой, который-бы былъ вѣренъ дѣйствительности. Толстой беретъ еще примѣры изъ другой области—воспитанія дѣтей высшихъ классовъ, въ которыхъ они не только не пріучаются къ воздержанію, но, наоборотъ, дѣ-

тямъ сознательно прививаютъ привычки изнѣженности, физической праздности и роскоши. „Только злѣйшій врагъ могъ бы, замѣчаетъ Толстой, такъ старательно прививать ребенку тѣ слабости и пороки, которые прививаются ему родителями, въ особенности матерями“ [1]). Затѣмъ онъ изображаетъ роскошную и праздную жизнь людей, которыхъ мы называемъ обыкновенно „добрыми“, забывая совершенно, что „человѣкъ изнѣженный, мягко, долго спящій, жирно, сладко и много ѣдящій и пьющій, соотвѣтственно тепло или прохладно одѣтый, не можетъ дѣлать добро людямъ, безпрерывно на него работающимъ. По разсужденіямъ людей нашего времени, можно соболѣзновать положенію рабочихъ, говорить рѣчи и писать книги въ ихъ пользу, и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжать пользоваться тѣми трудами, которые мы считаемъ для нихъ губительными. Чтобы вести добрую жизнь, нужно начать съ первой ея ступени,—воздержанія—освобожденія себя отъ похотей, сначала основныхъ, въ извѣстномъ, опредѣленномъ порядкѣ. Объѣдающійся человѣкъ не въ состояніи бороться съ лѣностью, а объѣдающійся и праздный человѣкъ никогда не будетъ въ силахъ бороться съ половой похотью. И потому стремленіе къ воздержанію должно быть начато борьбой съ похотью обжорства постомъ“. На сколько далека жизнь современнаго образованнаго общества отъ примѣненія этого перваго правила доброй жизни, это видно изъ словъ Толстого, который краснорѣчиво доказываетъ, что удовлетвореніе вкуса, удовольствіе ѣды, обжорство—главная цѣль, главное удовольствіе жизни высшихъ классовъ общества. „Взгляните, говоритъ онъ, на лица и сложенія людей нашего круга и времени,—на многихъ изъ этихъ лицъ съ висящими подбородками и щеками, ожирѣвшими членами и развитыми животами лежитъ неизгладимый отпечатокъ развратной жиз-

---

[1]) О взглядахъ Толстого на современное воспитаніе см. ниже.

ни. Образованные классы, а вмѣстѣ съ ними и бѣдный, рабочій народъ, представляютъ себѣ счастье и здоровье (въ чемъ увѣряютъ ихъ доктора, утверждая, что самая дорогая пища, мясо—самая здоровая) въ вкусной, питательной, легко перевариваемой пищѣ, хотя и стараются скрыть это". Толстой не вѣритъ искренности образованныхъ людей въ ихъ культурныхъ разговорахъ. „Какіе все возвышенные предметы какъ будто занимаютъ ихъ: и философія, и наука, и искусство, и поэзія, и распредѣленіе богатствъ, и благосостояніе народа, и воспитаніе юношества; но все это для огромнаго большинства—ложь, все это ихъ занимаетъ между настоящимъ дѣломъ, завтракомъ и обѣдомъ, пока желудокъ полонъ, и нельзя ѣсть еще. Интересъ одинъ живой, настоящій, интересъ большинства, и мужчинъ, и женщинъ,—это ѣда, особенно послѣ первой молодости. Ни одно торжество, ни одна радость, ни одно освященіе, открытіе чего-бы то ни было не обходится безъ ѣды. Собираются люди вмѣстѣ, по какому бы случаю они не собирались: для крестинъ, похоронъ, свадьбы, освященія церкви, проводовъ, встрѣчи, празднованія памятнаго дня, смерти, рожденія великаго ученаго, мыслителя, учителя нравственности, собираются люди, занятые будто-бы самыми возвышенными интересами. Такъ они говорятъ; но они притворяются: всѣ они знаютъ, что будетъ ѣда, хорошая, вкусная ѣда, и это главное собрало ихъ вмѣстѣ". Толстой считаетъ людей средняго и низшаго круга искреннѣе въ этомъ отношеніи. „Въ ихъ быту ясно видно, что праздникъ, похороны, свадьба—это жранье, которое заступаетъ мѣсто самого мотива соединенія. Но въ высшемъ кругу, среди утонченныхъ людей употребляется большое искусство для того, чтобы скрыть это и дѣлать видъ, что ѣда есть дѣло второстепенное, что это такъ только приличіе. Для увеличенія удовольствія отъ ѣды употребляются у нихъ разнообразныя приправы и приспособленія: и, возбуждающія аппе-

титъ, закуски и entremets, и дессерты, и разныя соединенія вкусныхъ вещей, и цвѣты, и украшенія, и музыка за обѣдомъ".

Для иллюстраціи своей мысли о необходимости воздержанія отъ мясной пищи Толстой описываетъ свои впечатлѣнія на бойнѣ (въ гор. Тулѣ), гдѣ его поразили жестокія страданія убиваемыхъ животныхъ, грубое, варварское обращеніе съ ними мясниковъ и полное ихъ равнодушіе къ мученіямъ истязаемыхъ быковъ, барановъ и проч. „И смотришь, замѣчаетъ Толстой, нѣжная, утонченная барыня будетъ пожирать трупы этихъ животныхъ съ полной увѣренностью въ своей правотѣ, утверждая въ одно и тоже время, что она, въ чемъ увѣряетъ ее докторъ, такъ деликатна, что для ея слабаго организма нужна, кромѣ растительной пищи, еще и мясная, и что она такъ чувствительна, что не только не можетъ сама причинять страданій животнымъ, но переносить и вида ихъ". Въ заключеніе Толстой увѣщаваетъ людей прекратить употребленіе животной пищи, которое, помимо того, что оно возбуждаетъ страсти въ человѣкѣ, прямо безнравственно, такъ какъ требуетъ противнаго нравственному чувству поступка—убійства и вызывается только жадностью, желаніемъ лакомства. Толстой указываетъ на признаки новаго движенія въ этой области—движеніе вегетаріанства, которое увеличивается всюду. Онъ искренне радуется этому движенію, такъ какъ оно означаетъ въ его глазахъ серьезное стремленіе въ современномъ обществѣ къ нравственному совершенствованію человѣка [1]).

III.

Обширное сочиненіе гр. Толстого: „Царство Божіе внутри Васъ или христіанство не какъ мистическое ученіе, а

---

[1]) Сочиненія гр. Л. Н. Толстого, дополненія къ 13 части. Москва. 1895 г., 103 стр. и слѣд.

какъ новое жизнепониманіе" (1893 г., двѣ части) посвящено доказательствамъ противорѣчія заповѣди о непротивленіи злу насиліемъ, въ которой онъ видитъ сущность христіанства, современныхъ, общественныхъ и политическихъ, порядковъ. Въ началѣ книги Толстой заявляетъ, что эта заповѣдь была извѣстна 200 лѣтъ тому назадъ квакерамъ и исповѣдывалась въ началѣ текущаго столѣтія *Гаррисономъ* (1838 г.), которому принадлежитъ „Декларація непротивленія" злу насиліемъ [1]). Толстой удивляется, что имя Гаррисона и его исповѣданіе, такого важнаго для всѣхъ людей, ученія неизвѣстны въ Европѣ, какъ и имя и дѣятельность, недавно умершаго (въ 1890 г.), борца за непротивленіе злу, *Адина Балу*, посвятившаго 50 лѣтъ своей жизни на проповѣдь этого ученія. Балу составилъ для своей паствы „Катехизисъ непротивленія", гдѣ указаны обязанности, налагаемыя заповѣдью о непротивленіи злу насиліемъ на христіанъ, послѣдователей Балу. Главное значеніе этого ученія, по убѣжденію Балу, заключается въ томъ, что оно запрещаетъ дѣлать то, чѣмъ увѣковѣчивается и умножается зло въ мірѣ. Аналогичныя мысли Толстой встрѣтилъ въ сочиненіи чеха *Хельчицкаго*: „Сѣть вѣры" (XV в.), книгѣ *Даймонда*: „О войнѣ" (1824 г.), сочиненіи *Мосера*: „Утвержденіе непротивленія" (1864 г.), взглядахъ американской секты непротивляющихся, христіанскихъ сектахъ павликіанъ, богомиловъ, средневѣковыхъ альбигойцевъ, вальденцевъ, менонитовъ, русскихъ духоборцевъ и молоканъ. Толстой недоволенъ критикой его ученія какъ со стороны религіозныхъ противниковъ, такъ и свѣтскихъ критиковъ его взглядовъ, русскихъ и иностранныхъ ученыхъ (М. Вогюэ, Леруа Болье, Матью Арнольда и американскихъ писате-

---

[1]) Сторонники Гаррисона возставали противъ войнъ и правительственныхъ учрежденій, надѣясь водворить на землѣ миръ и счастье людей не силою, а духовнымъ ихъ возрожденіемъ, побѣдить міръ, „безуміемъ проповѣди" о непротивленіи злу насиліемъ.

лей: Саваджа и Ингерзаля). Критики перваго рода не могутъ, по словамъ Толстого, выдти изъ противорѣчія проповѣди насилія съ христіанствомъ какъ въ теоріи, такъ и въ самой жизни. Свѣтскіе же критики его взглядовъ доказываютъ, что непротивленіе злу насиліемъ непригодно намъ, потому что оно требуетъ измѣненія всей нашей жизни. Но какъ тѣ, такъ и другіе критики не понимаютъ истиннаго ученія Христа. Его не усвоили себѣ вообще всѣ вѣрующіе въ это ученіе, благодаря тому, что сознаніе ихъ затемняется христіанскими церквами. По мнѣнію Толстого, всѣ онѣ обращаютъ главное вниманіе сначала на обрядовую сторону христіанской религіи, а потомъ догматическую (никейскій символъ вѣры) и пренебрегаютъ нравственною, которая теперь особенно заинтересовала самый народъ, какъ это доказывается появленіемъ въ Россіи разныхъ раціоналистическихъ христіанскихъ сектъ. Не понимаютъ христіанское ученіе и люди науки, которые вообще не уяснили себѣ сущности религіи, особенно же христіанства, которое они разсматриваютъ съ точки зрѣнія общественнаго жизнепониманія, когда на самомъ дѣлѣ оно есть божеское жизнепониманіе, предписывающее поклоненіе Богу дѣломъ, любовь *ко всѣмъ людямъ*. Люди науки имѣютъ ложное сужденіе о христіанствѣ, потому что они увѣрены въ обладаніи непогрѣшимымъ орудіемъ познанія, истинными пріемами изученія всѣхъ явленій. Ученые думаютъ, что ученіе Христа—правило, опредѣляющее жизнь, между тѣмъ какъ оно идеалъ, указывающій на движеніе къ совершенству. Толстой возвращается еще разъ къ возраженію, которое ему дѣлаютъ относительно отрицательнаго характера пяти заповѣдей, называемыхъ имъ истиннымъ выраженіемъ ученія Христа. Заповѣди общественныя, говоритъ Толстой, большею частью положительныя, предписывающія извѣстные поступки, оправдывающіе людей. Заповѣди же христіанскія (заповѣдь любви не есть заповѣдь въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а—

выраженіе самой сущности ученія), пять заповѣдей нагорной проповѣди—всѣ отрицательныя и показываютъ только то, чего на извѣстной степени развитія человѣчества люди могутъ уже не дѣлать. Заповѣди эти суть какъ бы замѣтки на безконечномъ пути совершенства, къ которому идетъ человѣчество. Въ нагорной проповѣди выраженъ Христомъ и вѣчный идеалъ, къ которому свойственно стремиться людямъ, и та степень достиженія, которая уже можетъ быть въ наше время достигнута людьми [1]). Всѣ пять заповѣдей Христа суть указанія того, чего на пути стремленія къ совершенству мы имѣемъ полную возможность уже дѣлать, того, надъ чѣмъ мы должны работать теперь, что понемногу мы должны переводить въ область привычки: за этими заповѣдями—одной изъ безчисленныхъ ступеней христіанскаго ученія въ приближеніи его къ совершенству—должны слѣдовать высшія и высшія по пути совершенства. И потому христіанскому ученію свойственно заявлять требованія высшія, чѣмъ тѣ, которыя выражены въ этихъ заповѣдяхъ, но никакъ не умалять требованія ни самого идеала, ни этихъ заповѣдей, въ чемъ Толстой упрекаетъ ученыхъ и вслѣдъ затѣмъ доказы-

---

[1]) Такъ идеалъ состоитъ въ томъ, чтобы не имѣть зла ни на кого, любить всѣхъ; заповѣдь же, указывающая ступень, ниже которой вполнѣ возможно не опускаться въ достиженіи этого идеала,—въ томъ, чтобы не оскорблять людей словомъ. И это составляетъ первую заповѣдь (не гнѣваться). Идеалъ—полное цѣломудріе даже въ мысляхъ. Заповѣдь, указывающая степень достиженія, ниже которой вполнѣ возможно не спускаться въ достиженіи этого идеала,—чистота брачной жизни, воздержаніе отъ блуда. И это составляетъ вторую заповѣдь, (сохраняй цѣломудріе, не разводись съ женой). Идеалъ—не заботиться о будущемъ, жить настоящимъ часомъ. Заповѣдь, указывающая ступень, ниже которой вполнѣ возможно не спускаться,—не клясться, не обѣщать впередъ ничего людямъ. И это третья заповѣдь (не клянись). Идеалъ—никогда ни для какой цѣли не употреблять насилія. Заповѣдь, соотвѣтствующая этому идеалу,—не платить зломъ за зло, терпѣть обиды, отдавать рубаху. И это четвертая заповѣдь. Идеалъ—любить враговъ, ненавидящихъ насъ. Заповѣдь, отсюда вытекающая, не дѣлать зла врагамъ, говорить о нихъ доброе и не дѣлать различія между ними и своими согражданами.

экономическихъ, научныхъ и пр.). Въ современномъ европейскомъ обществѣ распространены правила человѣколюбія, состраданія къ ближнему, исповѣдуются принципы свободы и братства, которые охранятъ людей отъ всякаго зла и дадутъ имъ счастье скорѣе и лучше, нежели дѣятельность правительствъ съ ея угрозами и разнаго рода наказаніями. Широко же развившіяся въ наше время средства общенія и передачи мыслей между людьми дѣлаютъ для нихъ излишними заботы государства объ образованіи разнаго рода собраній и учрежденій. Среди всѣхъ золъ современной языческой жизни общества единственный путь и спасеніе отъ бѣдствій этой жизни—исполненіе христіанскаго ученія о непротивленіи злу насиліемъ. Всякая борьба между людьми происходила долго оттого, что они пытались давать общія опредѣленія зла, считали имъ произвольно то или другое и употребляли насиліе для искорененія того, что разумѣли подъ зломъ средневѣковые папы и императоры и вообще народы. Только черезъ 18 вѣковъ дошли до сознанія того, что внѣшняго опредѣленія зла, обязательнаго для всѣхъ, нѣтъ и быть не можетъ. Толстой утверждаетъ, что современный европейскій общественный и политическій строй поддерживается искусственными и вмѣстѣ съ тѣмъ насильственными мѣрами, и что теперь люди, живя языческою жизнью, сознаютъ, что спасеніе отъ ея бѣдствій заключается лишь въ ученіи Христа о непротивленіи злу насиліемъ. Такъ лучшими людьми считаются тѣ, которые посвящаютъ свою жизнь на служеніе человѣчеству и жертвуютъ собою для другихъ, худшими—себялюбивые, пользующіеся для своихъ личныхъ выгодъ бѣдствіями ближнихъ. Толстой вѣритъ, что наступаетъ конецъ языческому жизнепониманію, которое должно быть замѣнено истинно христіанскимъ. Принятіе и исполненіе христіанскаго, божескаго жизнепониманія—единственный выходъ изъ всѣхъ противорѣчій современнаго общественнаго устрой-

ства. Каждый долженъ усвоить себѣ христіанское жизнепониманіе и жить сообразно съ нимъ. Никакія общественныя реформы не помогутъ бѣдѣ, такъ какъ люди сами производятъ то зло, отъ котораго страдаютъ. Освобожденіе современныхъ христіанскихъ народовъ отъ языческаго жизнепониманія произойдетъ не путемъ разрушенія существующихъ формъ жизни, а стремленіемъ, усиліемъ каждаго отдѣльнаго человѣка къ измѣненію пониманія жизни, отрицаніемъ разныхъ формъ насилія (присяги, уплаты налоговъ, податей, полученія паспортовъ, участія въ судѣ, управленіи, военной службѣ).

Толстой высказываетъ то мнѣніе, что истинно христіанское ученіе смиренія, прощенія обидъ и любви несовмѣстимо съ государствомъ, какъ основаннымъ только на насиліи. Доводъ защитниковъ государства, что оно нужно для защиты добрыхъ отъ злыхъ, опровергается тѣмъ, что въ исторіи властвовали всегда не добрые, а злые: властолюбіе соединяется обыкновенно не съ добротой, а съ гордостью, хитростью, лицемѣріемъ, обманомъ. Толстой видитъ признакъ уничтоженія насилія въ жизни общества въ томъ, что люди, достигшіе власти, сами становятся потомъ добрыми и истинными христіанами. Распространеніе христіанскихъ истинъ, отрицающихъ насиліе, совершается не однимъ внутреннимъ путемъ познанія истины и сознанія тщеты власти и отреченія отъ нея отдѣльныхъ людей, но и посредствомъ *общественнаго мнѣнія*, которое заставитъ большія массы людей признать истину. Когда будетъ устранено насиліе изъ жизни, люди сами должны выработать условія новаго ея строя: сущность жизни состоитъ въ познаніи неизвѣстнаго и движеніи въ него, сообразованіи своей дѣятельности съ новымъ познаніемъ истины. Толстой указываетъ на цѣлый рядъ, уже происшедшихъ въ обществѣ, измѣненій его строя подъ вліяніемъ начинающаго складываться христіанскаго обществен-

наго мнѣнія, отрицающаго насиліе. Такъ расширяется постепенно кругъ дѣятельности частныхъ лицъ, которыя теперь не мечтаютъ только о правительственныхъ должностяхъ, но и о профессіи врачей, технологовъ, писателей, учителей, художниковъ. Воспѣваются въ поэзіи, изображаются пластическимъ искусствомъ, почитаются торжественными юбилеями не столько государственные люди и богачи, сколько ученые, художники. Въ экономической жизни общества наблюдается смягченіе отношеній между представителями капитала и труда, стремленіе первыхъ употреблять свои богатства на пользу общества. Гуманность проявляется во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ. Ученые юристы, обязанные оправдывать насиліе, все болѣе и болѣе отрицаютъ право наказанія и вводятъ на мѣсто его теоріи невмѣняемости и даже не исправленія, а лѣченія тѣхъ, которыхъ называютъ преступниками. Въ судахъ относятся къ преступникамъ снисходительнѣе. Войнъ становится меньше и ихъ стараются избѣгать всѣми способами. Толстой предсказываетъ наступленіе въ недалекомъ будущемъ новой, мирной жизни всѣхъ народовъ, когда всѣ люди будутъ научены Богомъ, разъучатся воевать, перекуютъ мечи на орала, а копья на серпы. „И стоитъ только каждому изъ насъ жить всѣмъ тѣмъ свѣтомъ, который есть въ насъ, начать дѣлать то, что мы должны дѣлать, для того, чтобы тотчасъ же наступило то, обѣщанное Христомъ, Царство Божіе, къ которому влечется сердце каждаго человѣка".

Въ заключеніи къ своему обширному сочиненію, озаглавленномъ: „Покайтеся, потому что Царство Божіе близко, при дверяхъ", Толстой еще разъ возвращается къ своей любимой темѣ о господствѣ насилія во всемъ строѣ современнаго европейскаго общества, выгодномъ только для высшихъ его классовъ, которые обманываютъ низшихъ въ необходимости и законности поддержанія существующаго порядка. На-

силіе противорѣчитъ нравственности, первое и единственное основаніе которой есть признаніе жизни каждаго человѣка священной. Кромѣ того, всякій законъ общественной жизни есть законъ, имѣющій цѣлью улучшеніе жизни всѣхъ людей. Толстой нападаетъ на научныя теоріи, оправдывающія насиліе и вообще лицемѣріе, прикрывающее беззаконность нашей жизни, убѣждаетъ людей отказаться отъ ложной надежды избавиться отъ всѣхъ золъ измѣненіемъ внѣшнихъ условій жизни, особенно же экономическихъ. Онъ не вѣритъ, чтобы улучшеніе человѣческой жизни могло произойти вслѣдствіе распространенія научнаго образованія и успѣха въ развитіи промышленности, которыя только еще болѣе увеличиваютъ бѣдствія жизни. Чтобы освободиться отъ кошмара жизни, человѣку нужно сдѣлать внутреннее усиліе сознанія: онъ свободенъ въ признаніи и исповѣданіи, открывающейся ему, истины и пути, по которому долженъ идти [1]). „Но, спрашиваетъ себя Толстой, что будетъ съ міромъ, если уничтожится существующій порядокъ жизни? Какъ жить безъ тѣхъ привычныхъ намъ условій нашей жизни, которыя мы называемъ наукой, искусствомъ, цивилизаціей, культурой? Если вамъ невыносимо жить въ вѣчномъ раздорѣ убѣжденій съ жизнью, думать одно, а дѣлать другое, будьте готовы, отвѣчаетъ самъ же Толстой, пожертвовать современной цивилизаціей, образомъ жизни, религіей, принятой условной нравственностью, предпочесть образованной дряхлости дикую юность. Удержатся ли прежнія, привычныя условія жизни, уничтожатся ли они, возникнутъ ли совсѣмъ новыя, лучшія, нужно неизбѣжно выходить изъ старыхъ, ставшихъ невозможными и губительными условіями нашей жизни и идти на встрѣчу будущаго. Скажутъ: „исчезнутъ науки, искусство, цивилизація, культура!“. Но все это только различныя проявленія исти-

---

[1]) См. статью Толстого: „Къ вопросу о свободѣ воли“. Дополненія къ XIII ч. его сочиненій, 188—194 стр.

ны, которыя не могутъ исчезнуть вслѣдствіе приближенія къ ней и осуществленія истины, а только станутъ иныя, лучшія и высшія. Уничтожится же въ нихъ то, что было ложно, процвѣтетъ и усилится, что въ нихъ было истиннаго. Прошли вѣка въ грустныхъ стараніяхъ обезпечить нашу жизнь языческимъ устройствомъ насилія, но никакія усилія людей не могли скрыть отъ нихъ, что передъ всѣми нами всегда стоятъ два неотвратимыхъ условія нашей жизни, уничтожающія весь ея смыслъ: 1) смерть, всякую минуту могущая постигнуть каждаго изъ насъ, и 2) непрочность всѣхъ совершаемыхъ нами дѣлъ, очень быстро и безслѣдно уничтожающихся. Какъ бы мы не скрывали это отъ себя, мы не можемъ не видѣть, что смыслъ нашей жизни не можетъ быть ни въ нашемъ личномъ плотскомъ существованіи, подверженномъ неотвратимымъ страданіямъ и неизбѣжной смерти, ни въ какомъ-либо мірскомъ учрежденіи или устройствѣ".

Книга Толстого [1]) заканчивается страстнымъ, краснорѣчивымъ призывомъ всѣхъ людей къ неотложному рѣшенію измѣнить всю ихъ жизнь въ духѣ идей автора. „Кто бы ты ни былъ, читающій эти строки, обращается къ читателю Толстой, подумай о твоемъ положеніи, о твоихъ обязанностяхъ, не о положеніи купца, судьи, министра, священника, солдата, которое временно приписываютъ тебѣ люди, а о настоящихъ твоихъ обязанностяхъ, которыя вытекаютъ изъ твоего настоящаго положенія существа, вызваннаго къ жизни и одареннаго разумомъ и любовью! То ли ты дѣлаешь, что требуетъ отъ тебя Тотъ, Кто послалъ тебя въ міръ и къ Которому ты очень скоро вернешься? Дѣлись тѣмъ, что у тебя есть, съ другими, не собирай богатства, не величайся, не грабь, не мучай, не убивай никого, не дѣлай другому того, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, сказано не 1800,

[1]) Вторая ея часть.

а 5000 лѣтъ тому назадъ, и сомнѣнія въ истинности этого закона не могло бы быть, если бы не было лицемѣрія. Ты говоришь, что для общаго блага ты обязанъ служить государству, выполнять его законы землевладѣльцемъ, судьею, военнымъ и проч. Но, вѣдь, кромѣ твоей принадлежности къ извѣстному государству и вытекающихъ изъ того обязанностей, у тебя есть принадлежность къ безконечной жизни міра и къ Богу и, вытекающія отсюда, обязанности, которымъ и должны быть подчинены обязанности къ обществу — міру. Я не говорю, что если ты землевладѣлецъ, чтобы ты сейчасъ же отдалъ свою землю бѣднымъ, если капиталистъ, сейчасъ же отдалъ свои деньги фабрику рабочимъ, если служащій, то чтобы ты тотчасъ же отказался отъ своего выгоднаго положенія. Если ты сдѣлаешь это, ты сдѣлаешь самое лучшее дѣло. Но можетъ случиться — и самое вѣроятное — то, что ты не въ силахъ будешь сдѣлать этого: у тебя связи, семья, подчиненные, начальники; ты можешь быть подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ соблазновъ, что будешь не въ силахъ сдѣлать это, но признавать истину истиной и не лгать ты всегда можешь. И стоитъ только тебѣ сдѣлать это, само собой неизбѣжно измѣнится и твое положеніе. Ты, всякую минуту могущій умереть, подписываешь смертный приговоръ, идешь на войну, роскошествуешь среди нищихъ, рискуя тѣмъ, что въ тотъ самый моментъ, какъ ты сдѣлалъ это, залетитъ въ тебя бактерія или пуля, и ты захрипишь и умрешь и на вѣки лишишься возможности исправить, измѣнить то зло, которое ты сдѣлалъ другимъ и — главное — себѣ, погубивъ задаромъ одинъ разъ въ цѣлой вѣчности данную тебѣ жизнь. Вѣдь какъ это ни просто и ни старо и какъ бы мы не одуряли себя лицемѣріемъ и вытекающимъ изъ него самовнушеніемъ, ничто не можетъ разрушить несомнѣнности той простой и ясной истины, что никакія внѣшнія усилія не могутъ обезпечить нашей жизни, неизбѣжно

связанной съ неотвратимыми страданіями и кончающейся еще болѣе неотвратимой смертью, могущей наступить для каждаго изъ насъ, и что потому жизнь не можетъ имѣть никакого другаго смысла, какъ только исполненіе каждую минуту того, чего хочетъ отъ насъ Сила, пославшая насъ въ жизнь. Сила эта, давшая намъ въ этой жизни одного несомнѣннаго руководителя—разумное сознаніе, требуетъ только содѣйствія установленію наибольшаго единенія всего живущаго, возможнаго только въ истинѣ, и потому признанія открывшейся намъ истины и исповѣданія того самого, что одно всегда въ нашей власти. Единственный смыслъ жизни человѣка состоитъ въ служеніи міру содѣйствіемъ установленію Царства Божія [1]).

Походъ Толстого противъ войны, который онъ ведетъ съ такимъ воодушевленіемъ въ „Царствѣ Божіемъ", продолжается имъ въ небольшой брошюрѣ, появившейся въ прошломъ году подъ заглавіемъ: „Времена близки". Здѣсь онъ объявляетъ войну убійствомъ, дѣломъ, противорѣчащимъ собственному сознанію людей, имъ занятыхъ. Христіанское ученіе предписываетъ несопротивленіе злу, любовь ко всѣмъ людямъ и даже врагамъ. Поэтому христіанинъ не можетъ быть солдатомъ, принадлежать къ классу людей, профессія которыхъ заключается въ убійствѣ себѣ подобныхъ. Помимо религіознаго мотива, отказъ отъ военной службы основывается на простомъ соображеніи, доступномъ людямъ всякой національности и религіи, что убійство противно разуму человѣка. Толстой убѣждаетъ, что эти, проповѣдываемыя имъ, мысли о войнѣ скоро перейдутъ въ самую жизнь. Истина, разъ она нашла выраженіе въ словѣ, рано или поздно, говоритъ онъ,

---

[1]) Большія выдержки изъ сочиненія гр. Толстого: „Царство Божіе внутри васъ", напечатаннаго за границей, находятся въ брошюрѣ подъ такимъ же заглавіемъ, изданной въ 1895 г. въ Москвѣ и содержащей подробный критическій разборъ этого произведенія Толстого.

обнаружитъ и уничтожитъ ложь, которая ее окружаетъ. Примѣромъ такого дѣйствія всякой идеи, воплотившейся въ словѣ, является уничтоженіе рабства. Одной изъ идей, свойственныхъ христіанскому ученію, былъ взглядъ, что человѣчество можетъ существовать безъ рабства. Но эта идея, хотя и содержалась въ христіанствѣ, была выражена ясно, по словамъ Толстого, лишь у писателей конца XVIII вѣка. Ранѣе же не только языческіе философы (Платонъ и Аристотель), но и христіане въ новое время не могли себѣ представить человѣческаго общества безъ рабства, какъ, напримѣръ, Томасъ Моръ въ своей „Утопіи". Точно также въ началѣ настоящаго столѣтія не могли себѣ вообразить жизни человѣчества безъ войны. Послѣ наполеоновскихъ войнъ дошли до глубокаго убѣжденія, что людямъ можно обойтись безъ нея. Рабство прекратилось сто лѣтъ спустя послѣ того, какъ была ясно возвѣщена мысль о необходимости его прекращенія. Пройдетъ сто лѣтъ съ момента, какъ вполнѣ убѣдились въ возможности жить людямъ безъ войны, и она исчезнетъ. Конечно, останутся нѣкоторые ея слѣды, какъ не прекратилось и самое рабство. Какъ зависимость рабочихъ отъ капиталистовъ пережила рабство, такъ насилія войны переживутъ самую войну. Несомнѣнно, однако, то, что въ недалекомъ будущемъ война и армія въ ихъ современномъ грубомъ видѣ, противномъ разуму и моральному чувству, будутъ уничтожены. Что это время близко, доказываютъ слѣдующіе признаки: безъисходное положеніе правительствъ, безпрестанно увеличивающихъ вооруженія, страшная тяжесть налоговъ на военные расходы, взимаемые съ недовольнаго народа, страшная разрушительная сила оружія, доведенная до совершенства и др. [1]).

Гр. Толстой не ограничивается проповѣдью новаго міро-

---

[1]) См. „Revue philosophique", № 4, Avril 1897, 437—438 p.

воззрѣнія и, согласнаго съ нимъ, образа жизни, а старается указать и какъ это сдѣлать. Вопросомъ этимъ онъ занимается въ статьѣ: „Недѣланіе", возбудившей при своемъ появленіи самые разнорѣчивые толки въ русскомъ обществѣ. Толстой излагаетъ въ ней свои мысли по поводу рѣчи извѣстнаго *Эмиля Зола* и письма *Дюма* къ редактору французскаго журнала „Gaulois": оба эти документа, содержащіе мнѣнія двухъ знаменитыхъ писателей о современномъ положеніи умовъ, были присланы Толстому редакторомъ „Revue des revues". Рѣчь Зола произнесена имъ на ежегодномъ собраніи парижскихъ студентовъ. Зола напоминаетъ слушателямъ объ увлеченіи наукой въ его молодости имъ самимъ и всѣми его современниками, которые были переполнены наукой, жили ею. „Какой энтузіазмъ, какія надежды одушевляли насъ, говоритъ о томъ времени Зола! Все знать, все мочь, все побѣдить! Посредствомъ истины сдѣлать человѣчество болѣе высокимъ и счастливымъ! Но насъ увѣряютъ, замѣчаетъ Зола, что ваше поколѣніе разрываетъ съ нашимъ, что вы не полагаете уже всю вашу надежду въ наукѣ, что вы признали такую соціальную и нравственную опасность въ томъ, чтобы все строить на наукѣ, что вы рѣшились возвратиться къ прошедшему и изъ остатковъ прежнихъ вѣрованій создать для себя живое вѣрованіе. Говорятъ, что наука неспособна вновь заселить небо, которое она опустошила, и возвратить счастье душамъ, наивный міръ которыхъ она разрушила. Наука не можетъ всего знать, не можетъ сразу все обогатить, все исцѣлить. Есть уже святые и пророки, которые ходятъ среди людей, восхваляя добродѣтель невѣжества, ясность простоты и необходимость для слишкомъ ученаго и состарившагося человѣчества освѣженія въ глубинахъ доисторической деревни среди предковъ, едва только отдѣлившихся отъ земли до всякаго общества и всякаго знанія". Зола понимаетъ причину этого необыкновеннаго явленія; это—

„усталость и возмущеніе въ концѣ настоящаго вѣка послѣ столь лихорадочнаго колоссальнаго труда, цѣль котораго состояла въ томъ, чтобы все знать и все сказать. Ждали долго, чтобы наука, разрушившая древній міръ, возсоздала его по тому идеалу, который мы имѣемъ о справедливости и счастьи. И потомъ, когда увидали, что справедливость все-таки не царствовала, что счастье не приходило, многіе отдались все растущему нетерпѣнію и отчаянію, доходятъ до того, что сомнѣваются въ уже пройденномъ пути, сожалѣютъ о томъ, что не легли въ полѣ, чтобы спать въ немъ цѣлую вѣчность. Къ чему знать, если нельзя знать всего? Ужь лучше оставаться въ чистой простотѣ, въ счастливомъ невѣдѣніи ребенка. Такъ людямъ кажется, что наука, будто бы обѣщавшая счастье, на нашихъ глазахъ обанкротилась“.

Но, возражаетъ Зола, наука развѣ обѣщала счастье? Она обѣщала истину, находить счастье въ которой—удѣлъ немногихъ избранныхъ. Наука, по мнѣнію большинства, приводитъ насъ къ уродливому праву сильнаго, такъ что разрушается всякая нравственность и общество влечется къ деспотизму. Дѣйствительность есть школа извращенія, безобразіе и преступленіе, и люди бросаются въ мечту о другомъ загробномъ мірѣ, гдѣ только можетъ найти удовлетвореніе наша потребность въ братствѣ и справедливости. Этотъ отчаянный призывъ къ счастью слышится теперь со всѣхъ сторонъ, движеніе захватило всѣ проявленія духа (музыку, литературу, живопись). Самъ Зола видитъ въ этомъ явленіи лишь неизбѣжную остановку въ поступательномъ позитивномъ и демократическомъ движеніи, которое несомнѣнно продолжится и въ грядущемъ вѣкѣ. Онъ находитъ единственный смыслъ жизни въ медленномъ завоеваніи наукой области неизвѣстнаго, открытіи законовъ міровыхъ явленій. Зола сочувствуетъ стремленіямъ пастырей душъ нашего смутнаго, пресыщеннаго и столь ищущаго времени, которые предлагаютъ моло-

дежи вѣру. Съ своей стороны онъ предлагаетъ ей же *вѣру въ научный трудъ,* какъ главнѣйшую обязанность въ жизни, —работѣ великаго дѣла, совершаемаго во всѣ вѣка. Только тотъ народъ силенъ, который трудится, и только трудъ даетъ мужество и вѣру. Ему принадлежитъ безпредѣльное будущее, въ которомъ трудъ будетъ общимъ освободителемъ и примирителемъ. Трудъ—средство для того, чтобы пріобрѣсти нравственное и физическое здоровье и разрѣшить вопросъ о пріобрѣтеніи наибольшаго возможнаго счастья на этой землѣ.

Толстой опровергаетъ мнѣніе Зола о такомъ всеисцѣляющемъ, благотворномъ значеніи труда для счастья людей. Понятіе науки, во имя которой Зола призываетъ трудиться современную молодежь, очень неопредѣленно и измѣнчиво, сообразно съ воззрѣніями каждаго отдѣльнаго періода въ жизни общества. Нельзя искать основъ жизни и ея двигателей во внѣшнихъ человѣческихъ формахъ жизни, какъ бы онѣ не назывались, религіей или наукой. Первая въ глазахъ Толстого--старая мудрость, суевѣріе прошедшаго, наука—мудрость новая, суевѣріе настоящаго, ложь, которая еще не развѣнчана. Трудъ для науки, какъ и поддержанія другихъ разнообразныхъ формъ жизни, безполезенъ и даже вреденъ людямъ. Толстой соглашается съ китайскимъ философомъ Лаодзи, что всѣ бѣдствія людей происходятъ не столько отъ того, что они не сдѣлали того, что нужно, сколько оттого, что они дѣлаютъ то, чего не нужно дѣлать. И поэтому Лаодзи правъ, когда онъ совѣтуетъ людямъ для избавленія отъ личныхъ и въ особенности общественныхъ бѣдствій соблюдать *недѣланіе.* Толстой нападаетъ на утвердившееся особенно въ Западной Европѣ, мнѣніе о трудѣ, какъ особеннаго рода добродѣтели: трудъ не только не дѣлаетъ человѣка добрымъ, но муравьиная гордость своимъ трудомъ дѣлаетъ его даже жестокимъ. Трудъ, упражненіе своихъ органовъ—потребность для человѣка, лишеніе которой составляетъ страданіе, но ни-

какъ не добродѣтель. Значеніе, приписываемое труду въ нашемъ обществѣ, могло возникнуть только въ видѣ реакціи противъ праздности, какъ признака благородства въ богатыхъ и мало образованныхъ классахъ.

А. Дюма заявляетъ въ своемъ „Письмѣ", что попытки разрѣшить разнаго рода великіе жизненные вопросы стары, какъ самый міръ, и что интересъ къ нимъ молодежи также естественъ, какъ неизбѣжно, наступающее рано или поздно для каждаго, разочарованіе въ юношескихъ идеалахъ. Но для человѣка они не исчезаютъ безслѣдно: въ немъ есть неудержимая потребность въ идеалѣ, которою только и объясняется тотъ фактъ, что человѣкъ бросался съ такимъ довѣріемъ и восторгомъ въ различныя религіозныя формулы, которыя, обѣщая ему безконечное, предлагали его сообразно природѣ человѣка и въ извѣстныхъ рамкахъ, необходимыхъ для идеала. Дюма допускаетъ вмѣстѣ съ Зола, что трудъ необходимъ для человѣка, но только не въ качествѣ панацеи противъ всѣхъ въ ней затрудненій. Чѣмъ бы человѣкъ не работалъ, мускулами или умомъ, его единственной заботой никогда не можетъ быть пріобрѣтеніе пищи, наживаніе состоянія или пріобрѣтеніе славы. Кромѣ тѣла и ума, въ человѣкѣ есть еще душа, неискоренимое, постоянное стремленіе къ свѣту, истинѣ. Дюма находитъ новую, общую душу въ группѣ индивидуальныхъ душъ, соединившихся въ виду предстоящаго единенія и правильнаго прогресса націй. Этой коллективной души нѣтъ въ вооруженіяхъ, гоненіяхъ народностей, она перешла въ другое мѣсто. Нашъ міръ вступаетъ въ эпоху осуществленія словъ: „любите другъ друга", безъ разсужденій о томъ, кто сказалъ эти слова, Богъ или человѣкъ. Дюма предсказываетъ наступленіе времени, когда „люди будутъ охвачены безуміемъ, бѣшенствомъ любить другъ друга", и убѣжденъ, что этотъ великій законъ братства долженъ когда-нибудь совершиться.

Толстой всецѣло на сторонѣ Дюма, который не льститъ самонадѣянной молодежи и пророчествуетъ о будущемъ внутреннемъ измѣненіи чувствъ людей, любовномъ ихъ единеніи. Несомнѣнно, что весь складъ жизни общества измѣнился бы до неузнаваемости, если бы это случилось, если бы вмѣсто эгоизма люди предались альтруизму. Но перемѣна образа ихъ жизни возможна только послѣ предварительнаго измѣненія въ мысляхъ людей, которымъ необходимо остановиться и обратить вниманіе на то, что имъ нужно понять. Когда люди перестанутъ одурять себя ложными вѣрованіями и неустаннымъ самодовольнымъ трудомъ надъ дѣлами, неоправдываемыми ихъ совѣстью, они тотчасъ же увидятъ, что единственный разумный смыслъ ихъ жизни въ томъ, чтобы любить другъ друга безъ различія личностей, семей, народностей. Для измѣненія жизнепониманія людямъ нужно опомниться, остановиться хоть на время въ той горячечной дѣятельности во имя дѣлъ, требуемыхъ языческимъ пониманіемъ жизни, которой они предаются. Имъ нужно освободиться отъ той суеты жизни (индѣйской „сансара“), которая болѣе всего другаго мѣшаетъ людямъ понять смыслъ ихъ существованія. Тогда проявится между людьми любовь ихъ другъ къ другу и всему живому и вмѣстѣ съ тѣмъ распадутся всѣ старыя формы жизни и появятся новыя, установится Царство Божіе и люди найдутъ то благо, которое обѣщано имъ [1]).

Толстой не скрываетъ отъ себя, съ какими трудностями связано исполненіе его ученія, идущаго въ разрѣзъ со всѣмъ современнымъ соціальнымъ строемъ. Въ „Бесѣдѣ досужихъ людей“ указано, что осуществленію этого ученія препятствуютъ условія жизни въ каждомъ возрастѣ человѣка. Нѣтъ ни одного человѣка, который былъ бы доволенъ вполнѣ своею мірской жизнью, проводимой въ заботахъ о себѣ и своихъ

[1]) Сочиненія Л. Н. Толстого. Дополненія къ XIII части, 144—194 стр.

семейныхъ, безъ думъ о ближнихъ и Богѣ. Горячему юношѣ, искренне сознавшему всѣ недостатки общественной жизни, (скученность населенія въ городахъ, раздѣленіе его на богатыхъ и бѣдныхъ, праздность и изнѣженность жизни первыхъ и нужды послѣднихъ и др.) и рѣшившемуся бросить ученіе, отказаться отъ имѣнія и уйти въ деревню, помогать работой бѣднымъ его отецъ ставитъ цѣлый рядъ возраженій. „Ты, говоритъ онъ сыну, еще легкомысленъ, неопытенъ, не сознаешь, какъ трудно прокладывать новые пути къ жизни, которой ты совсѣмъ не понимаешь. Тебѣ нужно получить образованіе подъ руководствомъ старшихъ, пріобрѣсти свои твердыя убѣжденія и только тогда начинать новую жизнь“. Всѣ старшіе согласились съ отцомъ. Замолчалъ и юноша. Тогда заговорилъ женатый, среднихъ лѣтъ мужчина, дошедшій путемъ опыта и разума до сознанія безполезности и ничтожества своей жизни. „Бьешься съ утра до вечера для семьи, а на самомъ дѣлѣ выходитъ, что и самому, и семьѣ не лучше. Поэтому хорошо бы перестать совсѣмъ заботиться о женѣ и дѣтяхъ и думать только о своей душѣ“. Не успѣлъ женатый договорить этихъ словъ, какъ на него напустились его жена и всѣ женщины. „Женатый человѣкъ, говорили они, имѣетъ свои опредѣленныя обязанности, которыми онъ не долженъ пренебрегать. Лишь когда семья поставлена на ноги, женатый можетъ распорядиться собою“. На его возраженіе, что онъ не хочетъ бросать семьи, а желаетъ лишь, чтобы дѣти смолоду пріучались къ нуждѣ, работѣ и помощи людямъ и братской жизни со всѣми, жена замѣтила, что „нельзя свою семью мучить. Пусть дѣти выростутъ въ покоѣ и потомъ сами рѣшатъ, что имъ нужно дѣлать“. Бывшій тутъ же старый человѣкъ согласился, что „семейному человѣку невозможно безъ грѣха перемѣнить свою жизнь. Другое дѣло старикъ, у котораго уже нѣтъ обязанностей и онъ можетъ раздать свое имѣніе и хоть предъ смертью пожить по хри-

стіански". Оказалось, однако, возраженіе и противъ рѣшенія старика. Его сынъ сказалъ, что „старому человѣку надо отдохнуть и что ему трудно въ 60 лѣтъ отстать отъ своихъ привычекъ". А племянница прибавила, что „будете въ нуждѣ, еще больше нагрѣшите. Богъ и такъ проститъ доброму дядюшкѣ его грѣхи. Къ чему и затѣвать, добавилъ еще другой старикъ: намъ съ тобой всего можетъ быть два дня жить осталось. Что за чудо, сказалъ въ заключеніе бесѣды одинъ молчавшій все время гость! Всѣ говорятъ, что живутъ худо и что нужно жить по Божьему, а какъ дошло до дѣла, то оказалось, что никому нельзя жить по новому, а всѣмъ и молодымъ и старымъ не отстать отъ стараго образа жизни. О новомъ же поговорить только можно" [1]).

Намъ остается сказать о литературныхъ произведеніяхъ графа Толстого, которыя появились одновременно съ „Исповѣдью" и послѣ нея, и въ которыхъ проводятся тѣ или другія идеи изъ общаго міровоззрѣнія нашего философа. Кромѣ упомянутыхъ нами „Смерти Ивана Ильича" и „Хозяина и работника", Толстой написалъ за это время повѣсть: „Ходите въ свѣтѣ, пока свѣтъ есть" (1887 г.), гдѣ онъ рисуетъ образецъ общественнаго быта, сообразнаго съ его взглядами и противоположнаго жизни современнаго общества. Этотъ идеалъ общественнаго устройства, который представляетъ здѣсь Толстой,—жизнь христіанской общины сто лѣтъ спустя послѣ появленія христіанства въ римской имперіи. Контрастъ между жизнью первыхъ христіанъ и язычниковъ изображается въ разговорахъ христіанина съ язычникомъ о преимуществахъ образа жизни и воззрѣнія христіанскаго и языческаго. По мнѣнію язычниковъ, обманъ или ошибка христіанъ состоятъ въ томъ, что они не хотятъ признать природы человѣка. Совершеннымъ исполнителемъ ихъ ученія можетъ быть

[1]) Сочиненія Толстого, ibidem, 197—202 стр.

только старикъ, выжившій изъ всѣхъ страстей своихъ. Ученіе христіанъ, непризнающихъ насилія, войнъ, судовъ, собственности, наукъ, искусствъ, всего, что дѣлаетъ жизнь легкою и радостною, было бы хорошо, если бы всѣ люди были похожи на ихъ Учителя. Но люди злы и подвержены страстямъ, чувствамъ гнѣва, мести, злобы противъ злыхъ, которыя необходимы для жизни людей. Христіане говорятъ, что эти чувства дурныя и что безъ нихъ люди были бы счастливы. На самомъ дѣлѣ негодованіе, злоба, месть, даже любовь къ женщинамъ, роскоши, блеску и величію свойственны и богамъ и потому неизмѣнныя свойства природы человѣка. Уничтоженіе его страстей равняется уничтоженію самого человѣчества. Откиньте право собственности, ни одинъ виноградникъ не будетъ перекопанъ, ни одно животное не будетъ воспитано и ухожено. Христіане утверждаютъ, что у нихъ нѣтъ собственности, но пользуются ея плодами. Все ихъ ученіе ведетъ только къ тому, чтобы вернуть людей къ ихъ первоначальному состоянію, къ дикости, къ животному. Они не признаютъ пользы наукъ и искусствъ, такъ что имъ не нужны храмы, статуи, театры, музеи. Наконецъ, христіане отрицаютъ всѣ дѣла жизни, бракъ, не заботятся о продолженіи рода человѣческаго. Единственная цѣль въ жизни для нихъ— работать, чтобы грубо кормиться и не имѣть ничего такого, что дано для украшенія жизни человѣка.

На всѣ эти обвиненія христіанъ со стороны язычниковъ одинъ изъ нихъ (Памфилій—Толстой) отвѣчаетъ вопросомъ, въ чемъ заключается природа человѣка, на которую ссылаются язычники въ оправданіе потворства своимъ страстямъ? Въ томъ ли, чтобы мучить непосильнымъ трудомъ, убивать своихъ братьевъ, изъ женщинъ дѣлать предметъ забавы, или въ томъ, чтобы жить въ любви и согласіи со всѣми, чувствуя себя членомъ одного всемірнаго братства? Затѣмъ Памфилій объясняетъ истинно христіанскія воззрѣнія на отно-

шенія между людьми, собственность, науку, искусство, бракъ, государство и истинную цѣль человѣческой жизни [1]).

Если мы припомнимъ еще такія общеизвѣстныя литературныя произведенія гр. Толстого, какъ его „Крейцерову сонату“, „Плоды просвѣщенія“, „Власть тьмы“ и цѣлый рядъ написанныхъ имъ въ разное время народныхъ сказокъ [2]), то этимъ, наконецъ, будетъ исчерпанъ весь кругъ литературныхъ и философскихъ сочиненій Толстого, такъ что мы теперь, можемъ представить въ сжатыхъ словахъ все общее, философско-моральное его міровоззрѣніе.

IV.

Толстой думаетъ, что не наука, а только религія разрѣшаетъ вопросъ, зачѣмъ человѣку жить на землѣ и въ какомъ отношеніи онъ находится къ безконечному міру, вѣчности? Человѣкъ не можетъ постигнуть безконечное своимъ ограниченнымъ разумомъ; пониманіе его дается только изученіемъ самой жизни, въ которой открывается, что во всѣхъ людяхъ живетъ, воплощается общее, міровое, безличное и разумное начало—*Богъ*. Поэтому всѣ люди представляютъ изъ себя нераздѣльное, единое цѣлое и между ними не должно быть неравенства и взаимнаго подчиненія. Всѣ люди свободны и равны между собою. Обыкновенно всѣ они стремятся только къ своему личному счастью, котораго требуетъ животная сторона нашей природы. Но если человѣкъ живетъ только для себя, вся его жизнь—одно жалкое прозябаніе. Стремленіе къ личному счастью влечетъ за собою неизбѣжно борьбу за него съ другими людьми, вноситъ зло въ жизнь, такъ что человѣкъ вмѣсто счастья испытываетъ одни стра-

---

[1]) Отдѣльное изданіе нѣкоторыхъ сочиненій Толстого, невошедшихъ въ 13 частей съ дополненіемъ къ послѣдней. Ниже мы будемъ имѣть случай не разъ возвратиться къ этой повѣсти Толстого.

[2]) О содержаніи всѣхъ этихъ произведеній см. ниже.

данія и смерть. Люди, думающіе только о преходящемъ, измѣнчивомъ личномъ счастьи, никогда не въ состояніи разрѣшить коренное жизненное противорѣчіе между нашей ничѣмъ неутолимой жаждой личнаго счастья и ожидающими насъ всюду безпрерывными страданіями и смертью. Это противорѣчіе разрѣшается подчиненіемъ человѣка закону міроваго разума, на который указывали не разъ великіе мудрецы міра: Будда, Конфуцій, Соломонъ, І. Христосъ. Законъ разума выражается въ взаимномъ служеніи, *любви* людей другъ къ другу, доступной особенно простымъ людямъ. Но мы не должны любить прежде всего и больше остальныхъ людей наиболѣе близкихъ къ намъ: родителей, жену или мужа, дѣтей. Эта предпочтительная любовь къ нимъ доставляетъ намъ личное удовольствіе и влечетъ за собою обыкновенно различныя столкновенія и страданія для другихъ. Истинная любовь предполагаетъ въ человѣкѣ способность къ полному отреченію отъ блага личности, состраданію къ людямъ и животнымъ, *жертвѣ* собой на пользу другихъ. Вся жизнь истинно любящаго человѣка посвящена выполненію правила: „никому не вреди, всѣмъ помогай". Такой человѣкъ никогда не гнѣвается, не клянется, не судится, сохраняетъ цѣломудріе, не противляется злу насиліемъ и постоянно служитъ всѣмъ людямъ. Ему не страшны ни болѣзни, ни старость, ни самая смерть. Вѣдь, люди боятся смерти только потому, что опасаются лишиться своей животной личности, всѣхъ надеждъ на личное счастье! Съ смертью исчезаетъ тѣло и сознаніе временной жизни, но не свойство нашей природы—любить другихъ. Кто истинно любитъ людей, тотъ убѣжденъ, что жизнь—не случайная игра силъ природы, а непрестающее движеніе, увеличеніе любви въ мірѣ. Поэтому онъ старается облегчить страданія другихъ. Безсмертіе человѣка—въ его дѣлахъ. Человѣкъ, который служитъ самоотверженно другимъ, можетъ быть покоенъ за удовлетвореніе своихъ жи-

вотныхъ потребностей, которое будетъ обезпечено ему другими [1]). Изъ жизни человѣка должно быть выброшено все, что служитъ къ охранѣ и развитію личности, всѣ лишнія потребности, созданныя цивилизаціей для блага не всѣхъ людей, а только нѣкоторыхъ общественныхъ классовъ. Человѣкъ долженъ отказаться отъ личной любви, семейной жизни, личной собственности съ ея раздѣленіемъ труда, благодаря которому одни трудятся, а другіе живутъ праздно, пользуясь всѣми благами, приспособленными лишь къ ихъ потребностямъ. Не нужны ни религія, какъ общеніе человѣка съ живымъ, личнымъ Божествомъ, ни современная наука и искусство, оправдывающія раздѣленіе общества на богатыхъ и бѣдныхъ и потакающіе однимъ прихотямъ и забавамъ богатыхъ. Ни наука, ни искусство въ настоящемъ ихъ видѣ не могутъ помочь народу въ страшной его нуждѣ: они только раздаютъ дипломы на праздность сословію ученыхъ и художниковъ, которые проводятъ сытую и праздную жизнь и далеки отъ идеала истиннаго служенія народу. Бѣднымъ нельзя помочь и деньгами, которыя достались богатымъ даромъ и развиваютъ въ бѣдныхъ праздность. Единственное средство помощи бѣднымъ—*личный*, полезный тѣлу и уму, *физическій трудъ*, которымъ должны удовлетворяться свои собственныя нужды и потребности другихъ людей. Городская, праздная жизнь съ ея соблазнами не годна для такой истинно нравственной дѣятельности на пользу другимъ. Поэтому нужно всѣмъ оставить города и переселиться въ деревню, гдѣ только можно достигнуть личнаго счастья. Въ деревнѣ люди станутъ въ постоянное общеніе съ природой; здѣсь только можетъ быть обезпечено всѣмъ матеріальное довольство посредствомъ *физическаго труда* и устроена истинная семейная жизнь, которой нѣтъ въ городахъ, гдѣ родители живутъ врозь

---

[1]) „Письма о жизни“ (соч. Толстого, 13 часть, 271 стр. и слѣд.).

между собою и съ своими дѣтьми, проводятъ почти все время, свободное отъ служебныхъ занятій, въ ѣдѣ сладкихъ кушаній, питьѣ разныхъ возбуждающихъ напитковъ и куреньи табаку. Только при деревенской, простой жизни можетъ быть достигнута нравственная чистота при воспитаніи дѣтей, у которыхъ въ городахъ ихъ воспитатели развиваютъ одну чувственность. Родители и дѣти будутъ жить вмѣстѣ въ любовномъ единеніи и радости. Женщина отвыкнетъ въ деревнѣ отъ пустой жизни въ городѣ и, оставивъ въ лучшемъ случаѣ праздные планы о высшихъ или медицинскихъ курсахъ и уравненіи своихъ правъ съ правами мужчинъ, можетъ выполнить свое естественное назначеніе быть матерью и воспитательницею своихъ дѣтей. Въ деревнѣ всѣ люди могутъ находиться другъ съ другомъ въ любовномъ общеніи, пользоваться хорошимъ здоровьемъ, не прибѣгая къ врачамъ, и умереть безъ болѣзни. При новомъ образѣ жизни людей излишни право и государство, которыя несовмѣстимы съ христіанскимъ ученіемъ смиренія и прощенія обидъ и любви ко всѣмъ людямъ. Въ современномъ обществѣ распространены правила человѣколюбія, состраданія къ ближнему, исповѣдуются начала свободы и братства, которыя одни безъ права и государства охранятъ людей отъ всякаго зла и обезпечатъ имъ счастье [1]. Современный государственный и весь общественный строй основанъ на одномъ *насиліи*, откуда вытекаютъ разнаго рода противорѣчія и, прежде всего, *экономическое*, которое заключается въ противоположности богатыхъ и бѣдныхъ классовъ въ обществѣ, поддерживаемой правомъ и государствомъ. *Государственное противорѣчіе* современной жизни выражается въ обязанности повиновенія законамъ, нарушающимъ требованія разума и справедливости

[1] См. статьи Толстого: „Въ чемъ счастье“, „Такъ что-же намъ дѣлать“, „Трудолюбіе или торжество земледѣльца“, „Первая ступень“ и др.

и христіанской любви къ ближнему. Такъ государство обязываетъ гражданъ принимать присягу въ судахъ, на военной службѣ, уплачивать подати и налоги, отправлять воинскую повинность, которая вмѣстѣ съ войной особенно рѣзко противорѣчитъ христіанскому ученію о всеобщемъ братствѣ людей. Спасеніе отъ современной бѣдственной, языческой жизни людей съ ея вѣчнымъ раздоромъ между убѣжденіями и самою дѣйствительностью—не въ какихъ-либо реформахъ общественныхъ учрежденій, которыя не могутъ помочь бѣдѣ, такъ какъ сами онѣ основаны на томъ же насиліи. Но Толстой проповѣдуетъ не разрушеніе всѣхъ существующихъ формъ общественной жизни, а только измѣненіе ея пониманія въ духѣ заповѣди о непротивленіи злу насиліемъ, которая требуетъ отреченія отъ исполненія разныхъ государственныхъ формъ насилія. Пусть люди признаютъ и исповѣдуютъ истину (заповѣдь о непротивленіи злу насиліемъ) и тогда на землѣ скоро настанетъ мирная, счастливая жизнь, приблизится Царство Божіе, которое заключается не въ улучшеніи внѣшнихъ условій и формъ жизни, а внутреннемъ совершенствованіи человѣка. Наступитъ новая, истинно христіанская жизнь: левъ будетъ лежать рядомъ съ ягненкомъ и люди перекуютъ мечи на плуги, а копья на серпы [1]). Но человѣчество не будетъ вѣчно жить на землѣ. Какъ только люди достигнутъ осуществленія закона единенія всего живущаго въ духѣ истины и любви, человѣчество перестанетъ существовать. Достиженію этой цѣли мѣшаютъ страсти человѣка: чревоугодіе и чувственная любовь. Поэтому люди должны избѣгать всего, что способствуетъ развитію чувственности, прекратить питаніе мясною пищею и довольствоваться растительною, избѣгать брака и, если кто вступаетъ въ него, сохранять нравственную чистоту даже въ брачной жизни. Такъ, заключаетъ

---

[1]) „Царство Божіе внутри васъ“ и др.

Толстой, будетъ исполненъ законъ разума на землѣ и сама она вмѣстѣ съ населяющими ее людьми исчезнетъ во вселенной, согласно предсказаніямъ религіи и современной науки [1]).

Имя Ф. Нитцше не пользуется такою популярностью, какъ гр. Толстого. Нитцше извѣстенъ болѣе въ ученомъ мірѣ, главнымъ образомъ, въ Германіи, гдѣ профессора нѣкоторыхъ университетовъ посвящаютъ спеціальные курсы теоріямъ Нитцше, образовалась огромная литература, музыка, даже политика въ духѣ идей Нитцше. Во Франціи появился вѣрный апостолъ нитцшеизма (Генрихъ Альбертъ). Вліяніе ученія Нитцше отразилось въ итальянской литературѣ, драмахъ скандинавскаго поэта Ибсена. Философіи Нитцше за послѣднее время удѣляетъ большое вниманіе и русская литература. Нитцше написалъ цѣлый рядъ сочиненій съ самыми странными названіями, необычнымъ изложеніемъ и не всегда хорошо уловимымъ смысломъ: „Несвоевременныя размышленія", „Человѣческое и сверхчеловѣческое", „Утренняя заря", „По ту сторону добра и зла", „Происхожденіе морали", „Такъ сказалъ Заратустра", „Въ сумеркахъ боговъ" и друг. Уже одни эти названія произведеній Нитцше показываютъ, что онъ разрѣшаетъ вопросы морали въ совершенно другомъ, противоположномъ Толстому, духѣ. Но Нитцше, какъ и Толстой, подвергаетъ предварительной и рѣшительной оцѣнкѣ всѣ нравственныя понятія своего времени и потомъ уже на развалинахъ разрушеннаго имъ строя европейскаго общества строитъ собственную моральную теорію, встрѣтившую горячихъ защитниковъ и еще болѣе противниковъ. Эта теорія появилась у Нитцше не вдругъ, а сложилась постепенно въ теченіе его долгихъ, сначала филологическихъ, занятій вопросами древне-греческаго искусства, затѣмъ произведеніями новаго—Р. Вагнера и, наконецъ, философіей Шопенгауэра, теоріей Дарвина и др.

[1]) „Крейцерова соната" и др.

Ф. Нитцше обнаруживаетъ съ перваго момента своей сознательной жизни страстное желаніе узнать полную, нелицепріятную истину о всѣхъ вещахъ въ мірѣ [1]) и начинаетъ добиваться ея съ помощью искусства, особенно же философіи. Нитцше различаетъ два рода искусства—*аполлоновское и діонисіевское*. Характерная черта перваго—стремленіе художника идеализировать предметы и воплощать въ произведеніяхъ свои идеальныя о нихъ представленія. Красота, изящество формы, создаваемыхъ художникомъ, произведеній дѣлаетъ ихъ безсмертными, вѣчными изображеніями его идеальныхъ представленій о мірѣ. Въ произведеніяхъ діонисіевскаго художника воплощается не только эта вѣчная красота, но и собственный его разумъ и воля, какъ наглядное олицетвореніе мірового духа и воли. Человѣкъ перестаетъ чувствовать себя болѣе индивидуумомъ; онъ сознаетъ себя только членомъ высшаго общенія, видитъ въ себѣ лишь отраженіе міровой воли. Такое состояніе испытывали древніе греки на праздникахъ въ честь Діонисія. Изъ живаго сознанія неразрывной связи человѣка съ міровыми силами произошла примитивная греческая трагедія, содержаніемъ которой были сначала миѳы, которые были уничтожены духомъ ученія Сократа,—врагомъ всего инстинктивнаго [2]). Ученикъ Сократа, Еврипидъ разрушилъ греческую трагедію, такъ какъ его произведенія вытекли не изъ діонисіевскихъ инстинктовъ, а критическаго разума. Нитцше считаетъ совершенно невѣрнымъ представленіе, что древнимъ грекамъ не были извѣстны жизненныя страданія. Греки далеко не были постоянно дѣтски веселымъ народомъ. Сказаніе о королѣ Мидасѣ [3]) вы-

---

[2]) Еще тринадцати лѣтъ Нитцше занималъ вопросъ о происхожденіи зла, разрѣшенію котораго онъ посвятилъ тогда первое свое философское сочиненіе („Genealogie der Moral“, Dritte Auflage von Naumann, 1894, Vorrede, 5—6 s.).

[2]) Nietzsche: „Götzendämmerung“, V Auflage v. Naumann, 10—14 s., 1896.

[3]) Мидасъ поймалъ однажды на охотѣ въ лѣсу мудраго Силена, спутника Діонисія, и спросилъ его, что самое лучшее и полезнѣйшее для человѣка. Си-

ражаетъ собою, по словамъ Нитцше, основное, тяжелое, трагическое чувство, безотрадное сознаніе древнихъ грековъ, что жизнь людей ничтожна, безцѣльна. Изъ этого чувства возникло у нихъ стремленіе создать что-либо, способное оправдать жизнь, сдѣлать ее сносной и примирить съ грубой дѣйствительностью. Это были:—Олимпъ, населенный богами съ человѣческими инстинктами и страстями, и произведенія древне-греческаго искусства [1]). Для Нитцше эти произведенія были интересны на столько, на сколько въ нихъ выражалась основная черта греческаго искусства облегчать тяжесть человѣческаго существованія, помогать развитію инстинктовъ человѣческой природы, которымъ Нитцше отводитъ главную роль въ своемъ философскомъ, жизненномъ міровоззрѣніи. Въ лицѣ новѣйшаго художника, знаменитаго *Ричарда Вагнера* Нитцше видѣлъ возобновившійся духъ діонисіевскаго искусства. Музыкальныя драмы Вагнера представляютъ собою образы первоначальной, управляющей міромъ, воли: музыка была въ глазахъ Нитцше лучшимъ средствомъ выраженія дѣятельности творческаго діонисіевскаго духа. Въ произведеніяхъ Вагнера слышны отголоски съ той невѣдомой, загробной стороны [2]).

При занятіяхъ вопросами искусства особенное вниманіе Нитцше привлекла личность и философія Шопенгауэра, вліяніе которой отразилось на взглядахъ Нитцше на искусство. Шопенгауэръ былъ въ его глазахъ сильной личностью, въ лицѣ которой „природа сдѣлала радостный прыжокъ“, создавши типъ человѣка, осмыслившаго цѣль своего существо-

---

ленъ отвѣчалъ, что наилучшее недостижимо для людей: оно состоитъ въ томъ, чтобы не существовать въ мірѣ, не быть въ немъ рожденными. Человѣку же остается только одно лучшее—поскорѣе умереть (Nietzsche: „Geburt der Tragedie“, § 3, 1872).

[1]) Nietzsche, ibidem.

[2]) Nietzsche: „Unzeitgemäzige Betrachtungen“. Viertes Stück: „Richard Wagner in Bayreuth“. 1 Auflage, 1876.

ванія [1]). Шопенгауэръ воплотилъ въ представленіи Нитцше высшій моральный идеалъ человѣка „въ своемъ страстномъ стремленіи къ сильной натурѣ, къ здравому и простому человѣчеству“ [2]). Такъ подъ вліяніемъ изученія философіи Шопенгауэра у Нитцше зародилась идея о „сверхчеловѣкѣ“, мысль о томъ, что основная задача культуры состоитъ въ созданіи этого „сверхчеловѣка“. Нитцше хорошо усвоилъ и главныя начала міровоззрѣнія Шопенгауэра о всемъ мірѣ, какъ объ единой, дѣйствующей волѣ, являющейся предъ нашимъ разумомъ въ видѣ цѣлаго ряда представленій. Воля человѣка связываетъ его съ единой міровой волей—положеніе, на которомъ немного позже Нитцше строитъ свое собственное міровоззрѣніе, отличное въ существенномъ по своимъ выводамъ отъ философіи Шопенгауэра. Однимъ изъ этихъ оригинальныхъ воззрѣній Нитцше, вынесенныхъ изъ знакомства съ философіей Шопенгауэра, былъ, какъ мы видѣли, взглядъ Нитцше на цѣль развитія человѣчества, изъ котораго произошло особенное отношеніе Нитцше къ исторіи. И къ ней Нитцше предъявляетъ тоже требованіе, какъ къ искусству: она должна интересовать ученаго на столько, на сколько въ ней раскрываются личные интересы, инстинкты отдѣльныхъ людей. Нитцше признаетъ вліяніе на человѣка и народъ его прошлаго, знаніе котораго помогаетъ различать возможное для людей отъ невозможнаго. Но въ тоже время исключительное руководство историческими примѣрами ослабляетъ силы людей, особенно же слабыхъ по своей природѣ. Поэтому Нитцше обращаетъ вниманіе въ исторіи только на то, что необходимо для народа, его культуры, способствуетъ развитію стремленій современнаго общества. „Только тотъ можетъ понимать прошедшее, какъ слѣдуетъ, говоритъ Нитцше, кто хо-

---

[1]—[2]) Derselber: Unz. Betrachtungen. Drittes Stuck: „Schopengauer als Frzieher“, 1874, 5 и 3 §§.

рошо, полно живетъ въ настоящемъ, кто обладаетъ сильными инстинктами, при помощи которыхъ онъ въ состояніи отгадать инстинкты своихъ предковъ и извлечь изъ ихъ жизни полезный для себя урокъ“ [1]).

Нитцше противъ того направленія въ общественной жизни, которое обозначается имъ именемъ „филистерства“, — обычнаго міровоззрѣнія средняго человѣка, который не рискуетъ подняться надъ общепринятыми, тривіальными мнѣніями, обычаями и всѣмъ образомъ жизни, опасается всякихъ порывовъ духа къ болѣе возвышеннымъ, благороднымъ предметамъ. Филистеръ не отрицаетъ у выдающихся людей права на особенное къ нимъ уваженіе, но въ тоже время онъ думаетъ, что люди не могутъ обойтись безъ учрежденій, разсчитанныхъ на взгляды, привычки, нужды средняго, обыкновеннаго человѣка. Такія учрежденія являются въ глазахъ филистера только возможными и разумными и къ нимъ долженъ примѣняться поэтому и всякій великій человѣкъ. Образцомъ такого филистерскаго пониманія вещей Нитцше считаетъ *Давида Штрауса*, который въ своемъ сочиненіи о старой и новой вѣрѣ („Der alte und neue Claube“) сознаетъ, что естественныя науки разрушаютъ христіанскій взглядъ на небесную, безсмертную жизнь, какъ и другія утѣшенія христіанской религіи. Но это признаніе господства надъ міромъ вмѣсто Высшаго Духа механическихъ силъ природы не мѣшаетъ филистеру Штраусу выражать свое удовольствіе и считать себя счастливымъ, такъ какъ нѣмцы вели успѣшную войну, въ Германіи процвѣтаютъ историческія и естественныя науки и національные композиторы создаютъ талантливыя музыкальныя произведенія. Штраусъ называетъ нездоровой и безполезной философію Шопенгауэра и провозгла-

---

[1]) Nietzsche: Unz. Betrachtüngen. Zveites Stuck: „Wom Nutze und Nachteil der Historie für das Leben“. 1873.

шаетъ въ качествѣ нравственнаго предписанія обязанность для каждаго жить для интересовъ рода. „Это значитъ, иронизируетъ надъ Штраусомъ Нитцше, живи, какъ человѣкъ, а не какъ обезьяна или тюлень. Но кто же этотъ человѣкъ: патагонецъ или магистръ Штраусъ? Никто, однако, не рискнетъ сказать: живи, подобно тому или другому! Каждый долженъ жить, какъ того требуютъ его стремленія, инстинкты, силы“ [1]).

Въ сочиненіи: „Человѣческое и сверхчеловѣческое“ [2]) Нитцше порываетъ съ тѣми скептическими, безотрадными взглядами Шопенгауэра, которые оказались противорѣчащими составившемуся собственному его міровоззрѣнію. Нитцше отказывается признать какія-либо сверхъестественныя причины естественныхъ явленій [3]) и допускаетъ только одни естественныя, общепонятныя ихъ основанія. Человѣкъ—высшій продуктъ природы, человѣческія дѣйствія—слѣдствія естественныхъ причинъ. Нитцше отрицаетъ рѣшительно всякую вѣру въ идеалистическое пониманіе дѣйствительнаго міра и обращается въ „философа дѣйствительности“, выбрасываетъ за бортъ всѣ отжившія, по его мнѣнію, свое время идеальныя представленія о мірѣ и человѣкѣ. Нитцше разсматриваетъ процессъ развитія морали въ человѣчествѣ и приходитъ къ тому заключенію, что нѣтъ никакого загробнаго нравственнаго міроваго порядка. Всѣ нравственныя понятія—только предразсудки, проникнутые представленіями о Высшемъ Существѣ, Божествѣ. Мораль развивается въ человѣ-

---

[1]) Unz. Betrachtungen: Erstes Stück: „David Straus, der Bekenner und Schriftsteller“. 1873, §§ 4, 88, 74, 7.

[2]) Menschliches und allzumenschliches. Ein Buch für freie Geister. 1878.

[3]) Въ „Ienseits von Gut und Böse“ Нитцше упрекаетъ Шопенгауэра и его послѣдователя Р. Вагнера въ пристрастіи къ объясненію явленій сверхестественными причинами (72—73 s.), въ „Götzendämmerung“ Нитцше называетъ Шопенгауэра наслѣдникомъ христіанской точки зрѣнія на искусство, науку, мораль и проч. (73 s.).

чествѣ естественнымъ путемъ изъ инстинктовъ и стремленій человѣческой природы. Нѣтъ никакихъ вѣчныхъ и неизмѣнныхъ законовъ добраго и злого. Мораль не безусловное повелѣніе Божества человѣку, но только кодексъ предписаній, продиктованныхъ людямъ сознаніемъ ихъ необходимости или пользы. Поэтому нравственныхъ взглядовъ столько же, сколько было на свѣтѣ цивилизацій, народовъ, особыхъ классовъ и даже отдѣльныхъ лицъ. Все въ жизни человѣка (истина, добро, красота), имѣетъ ту или другую цѣнность лишь потому, что оно полезно людямъ въ той или другой мѣрѣ. Вся нравственность вытекла изъ господствующихъ въ человѣческой жизни естественныхъ стремленій и инстинктовъ [1]).

Покончивши такимъ образомъ съ вопросомъ о зависимости человѣка отъ какого-либо Высшаго Существа, связывающаго его дѣйствія своими повелѣніями, Нитцше чувствуетъ себя вполнѣ свободнымъ, способнымъ создать новую, свободную науку о цѣнныхъ благахъ въ жизни чисто человѣческаго, а не божественнаго происхожденія. Онъ ставитъ себя во главѣ „новыхъ, безъименныхъ, непонятныхъ, преждевременно рожденныхъ провозвѣстниковъ неизвѣстнаго будущаго, завоевателей и изобрѣтателей, аргонавтовъ новаго жизненнаго идеала, нуждающихся для достиженія новой цѣли и въ новыхъ средствахъ, особенномъ здоровьѣ, мужествѣ и мудрости“ [2]). Всѣ свои основные взгляды Нитцше излагаетъ, главнымъ образомъ, въ четырехъ названныхъ нами большихъ сочиненіяхъ [3]) и отрывкахъ изъ неоконченнаго его труда [4]). Попытаемся указать въ главныхъ чертахъ философское міро-

---

[1]) Nietzsche: „Morgenrothe“, 1881.

[2]) „Die Fröhliche Wissenschaft“, 1882.

[3]) Also sprach Zaratustra, Ienseits von Gut und Böse, Genealogie der Moral, Götzendämmerung.

[4]) Der Wille zur Macht. Versuch Umwerthung aller Werthe. Erste Buch: Antichrist.

воззрѣніе Нитцше на основаніи этихъ послѣднихъ сочиненій, изъ которыхъ—главное „Такъ сказалъ Заратустра“: въ немъ изложены въ краткихъ, отрывочныхъ изреченіяхъ основные взгляды Нитцше. Самъ онъ называетъ это свое произведеніе „глубочайшей и независимѣйшей книгой изъ всѣхъ тѣхъ, которыя есть у людей“ [1]). И на самомъ дѣлѣ Нитцше затрогиваетъ въ своемъ „Заратустрѣ“ всѣ основные вопросы человѣческой жизни, разрѣшаемые имъ своеобразно, съ особенной точки зрѣнія. Благодаря своему изложенію, афористической формѣ, въ которую облекаются разсужденія Нитцше, особенно же разнообразнымъ поэтическимъ отступленіямъ, „Заратустра“ является оригинальнымъ философскимъ трудомъ, гдѣ самыя глубочайшія проблеммы міровой и человѣческой жизни трактуются безъ всякой системы и ихъ пониманіе авторомъ сплошь и рядомъ скрыто подъ притчами, пѣснями, снами, драматическими сценами, аллегоріями и проповѣдью Заратустры своимъ ученикамъ по поводу разныхъ случаевъ въ жизни [2]). По отношенію къ „Заратустрѣ“—этому такъ сказать евангелію нитцшеизма—послѣдующія философскія сочиненія Нитцше—только комментаріи, изложенныя въ болѣе доступной формѣ разсужденій, но также безъ всякой опредѣленной системы. Поэтому мы при своемъ изложеніи всего философскаго міровоззрѣнія Нитцше не будемъ, во избѣжаніе повтореній, останавливаться подробно на каждомъ изъ упомянутыхъ сочиненій Нитцше въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія, а воспользуемся всѣми ими вмѣстѣ для характеристики взглядовъ Нитцше на міръ и человѣка.— Нитцше, какъ мы видѣли, отвергаетъ вообще существованіе

[1]) Götzendämmerung, 105 s.

[2]) Самъ Нитцше считаетъ только того знатокомъ „Заратустры“, кто глубоко прочувствовалъ каждое изъ его выраженій: только тогда читатель можетъ усвоить себѣ „все лучезарное сіяніе, отдаленныя перспективы, широту и глубину“ содержанія Заратустры („Genealogie d. Moral“, V, 12—13 s.).

сверхестественнаго міра и, какъ его отраженія въ жизни, религіозныхъ понятій. Происхожденіе религіи и, связанныхъ съ нею представленій и чувствъ благоговѣнія и почитанія Божества, Нитцше сводитъ къ личнымъ гражданскимъ отношеніямъ покупателя къ продавцу и кредитора къ должнику, перенесеннымъ въ область отношеній членовъ рода къ своему умершему предку (культъ предковъ). Такъ греческіе боги были отраженіемъ могущественныхъ и властныхъ умершихъ людей, въ которыхъ обожествлялась животная сторона человѣческой природы [1]). Нитцше отмѣчаетъ равнодушіе въ современномъ западно-европейскомъ обществѣ къ религіи, которое поддерживается антихристіанскимъ направленіемъ всей новой философіи, начиная съ Декарта. Христіанство, какъ догма, уже пало, замѣчаетъ Нитцше [2]). Нитцше признаетъ важное значеніе религіи въ дѣлѣ развитія нравственныхъ чувствъ въ общественной жизни. Религія — могучее воспитательное и облагороживающее средство въ рукахъ правительствъ: она развиваетъ въ людяхъ, такъ цѣнимую Нитцше, энергію, волю (Wille zum Macht) къ дѣятельности. „Массѣ людей религія замѣчаетъ Нитцше, доставляетъ ничѣмъ незамѣнимое чувство удовлетворенія своимъ положеніемъ и занятіемъ, даетъ глубокій миръ сердцу, содержитъ оправданіе послушанія и всѣхъ мелочей обыденной жизни, униженнаго положенія массы и ея бѣдности и низкой степени матеріальнаго и духовнаго ея развитія. Религія даетъ страдающимъ утѣшеніе, внушаетъ мужество людямъ въ состояніи притѣсненія и отчаянія“ [3]). Но признавая такія высокія заслуги за христіанской религіей, о которой, очевидно, идетъ рѣчь у Нитцше, онъ въ тоже вре-

---

[1]) Genealogie der Moral, Zweite Abhandlüng, особенно 101—103 стр. и слѣд., 108 s.

[2]) Ibidem, 197 s.

[3]) Ienseits von Gute und Böse, VI Auflage v. Naumann, 1896, 71, 76, 78, 85—87 s.

мя недоволенъ тѣмъ, что христіанство внушаетъ человѣку презрѣніе къ земной жизни, ея удовольствіямъ и радостямъ, убѣждаетъ его терпѣть всякія жизненныя бѣдствія, предписываетъ людямъ не сопротивляться злу насиліемъ. По представленію Нитцше, христіанская религія запрещаетъ своимъ послѣдователямъ заботу о своемъ здоровьи, красотѣ, развитіи силъ своей природы и благосостояніи и воспитываетъ въ людяхъ ненависть къ мужеству, силѣ, свободѣ и независимости личности [1]. Нитцше осуждаетъ даже своего любимаго учителя Шопенгауэра за то, что онъ проповѣдуетъ необходимость состраданія къ несчастнымъ людямъ, которое ослабляетъ въ нихъ силу и мужество [2]. Вліянію же христіанства Нитцше приписываетъ „ухудшеніе европейской расы, измельчаніе современныхъ европейцевъ и развитіе среди нихъ посредственности“ [3].

Нитцше относится съ презрѣніемъ къ идеаламъ въ религіи, искусствѣ, наукѣ, если они связаны съ представленіями о сверхестественномъ мірѣ, построены на аскетическихъ началахъ. Въ появленіи аскетическихъ идеаловъ Нитцше видитъ выраженіе инстинкта самосохраненія противъ вырождающейся жизни, средство борьбы съ чувствомъ тяжести и утомленія, охватывающими людей по временамъ. Такова исторія всѣхъ великихъ религій міра, сліянія чуждыхъ другъ другу расъ, неудачныхъ эмиграцій, вліянія возраста и утомленія расы и т. п. событій. Во всѣхъ такихъ случаяхъ предпринимается борьба съ господствующимъ чувствомъ отвращенія къ жизни средствами, понижающими охоту къ ней

---

[1]) „Христіанская религія ставитъ, говоритъ Нитцше, своей задачей уничтожить сильныхъ, разочаровать людей въ великихъ надеждахъ, пренебрегать красотой, какъ ненужной для счастья, искоренить въ людяхъ всѣ инстинкты, свойственные высшему ихъ типу, стремленія къ господству, завоеванію, и возбудить вмѣсто любви къ землѣ и всему земному презрѣніе къ нему“ (ibidem, 89 s.).

[2]) Götzendämmerung, 87 s., Genealogie d. Moral, Vorrede, 8 s.

[3]) Ienseits von Gute und Böse, 90 s.

до низшей степени, съ удержаніемъ отъ всякихъ желаній и страстей (любви, ненависти, мести, брака и пр.). Жизнь замираетъ; послѣдніе ея отголоски выражаются въ безплодныхъ восклицаніяхъ: зачѣмъ? напрасно! и толстовскомъ сожалѣніи. Жизнь человѣка теряетъ въ его глазахъ всякую цѣль, пропадаетъ самая охота жить. Человѣкъ страдаетъ отъ сознанія невозможности разрѣшить задачу своей жизни, превращается въ болѣзненное существо. Но не самое страданіе мучитъ его; какъ мужественный и привыкшій къ страданіямъ звѣрь, человѣкъ не избѣгаетъ ихъ, а наоборотъ стремится къ нимъ, лишь бы они имѣли въ его глазахъ извѣстный смыслъ. Но этого смысла своихъ страданій человѣкъ не находитъ внѣ аскетическаго идеала, который приноситъ съ собою также глубокое страданіе, но тѣмъ не менѣе спасаетъ человѣка, возбуждаетъ въ немъ волю подъ видомъ презрѣнія къ жизни, отрицанія основныхъ ея условій. Аскетическій идеалъ, въ которомъ содержится требованіе бѣдности, смиренія и цѣломудрія, проповѣдуется болѣе аскетическими представителями религіи, которые только въ этомъ идеалѣ находятъ свою вѣру, волю, силу и интересъ. Аскетическое духовенство цѣнитъ земную жизнь людей только по отношенію къ загробной, видитъ въ первой одинъ переходъ къ послѣдней. Въ глазахъ представителей религіи всѣ заботы людей о настоящей жизни излишни, одно сплошное заблужденіе: вся земля есть не болѣе, какъ „аскетическая звѣзда“. Аскетическій жрецъ имѣетъ свою историческую миссію: онъ руководитель и защитникъ больного стада; въ власти надъ нимъ заключается его счастье и источникъ могущества. Сила и огромное вліяніе религіозныхъ аскетическихъ идеаловъ происходитъ изъ нужды людей въ утѣшеніи при своихъ страданіяхъ, которое имъ доставляютъ представители религіи. Они убѣждаютъ отказаться отъ всѣхъ преходящихъ радостей ничтожной и несовершенной жизни и стремиться лишь къ благамъ

загробной. Причину страданій они отыскиваютъ въ жизни и дѣятельности („винѣ“, „грѣхахъ“, „наказаніи“) самихъ больныхъ, которые такимъ образомъ находятъ въ себѣ достаточно силъ для жизни. Нитцше признаетъ, что христіанская религія предлагаетъ для смягченія страданій цѣлое сокровище всякихъ средствъ, въ числѣ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ любовь къ ближнему [1]).

Къ аскетическимъ идеаламъ стремятся и современные художники, которые смотрятъ свысока на окружающую ихъ дѣйствительность, создаютъ произведенія, гдѣ вмѣсто реальнаго міра олицетворяются тѣ или другія идеи автора. Во всѣ времена художники были служителями морали, философіи или религіи и въ тоже время поклонниками правительственнаго авторитета. Такъ Р. Вагнеръ измѣнилъ совершенно свои воззрѣнія на искусство, когда познакомился съ философіей Шопенгауэра, который видитъ въ музыкѣ отраженіе вѣчной міровой воли, отголосокъ съ той стороны. Вагнеръ сталъ теперь оракуломъ, жрецомъ, телефономъ изъ загробнаго міра, его произведенія получили отвлеченный характеръ (Парсиваль и др.): въ нихъ выразились аскетическіе идеалы [2]). Кромѣ Шопенгауэра, и другіе современные философы въ своихъ воззрѣніяхъ на искусство также бѣгутъ отъ дѣйствительности въ заоблачный міръ. Такъ Кантъ утверждаетъ, что произведеніе искусства доставляетъ чисто духовное наслажденіе. Но такой „настоящій зритель и артистъ“, какъ Стендаль, называетъ красоту „обѣщаніемъ счастья“ [3]). Философа, которымъ въ древности были: жрецъ, предсказатель, волшеб-

---

[1]) Genealogie der Moral; 141—142, 146, 153—154, 159—161, 167—168, 192—193, 198—200 s.

[2]) См. Nietzsche: „Der Fall Wagner“, 1888.

[3]) Въ „Götzendämmerung“ (73—74 s.) Нитцше выставляетъ противъ взгляда Шопенгауэра на искусство воззрѣніе Платона, что всякая красота отличается чувственнымъ характеромъ.

никъ, влечетъ къ аскетическому идеалу стремленіе освободиться отъ окружающей его дѣйствительной жизни. Философъ—звѣрь, какъ и всякій звѣрь, инстинктивно стремится къ лучшему обезпеченію тѣхъ благопріятныхъ условій, при которыхъ его силы могутъ развиться до высшей степени. Поэтому каждый философъ избѣгаетъ брака, какъ неодолимаго препятствія къ достиженію этой цѣли [1]). Аскетическіе идеалы предоставляютъ философу возможность вести жизнь, свободную и независимую отъ всякаго принужденія, шума, дѣлъ, обязанностей и заботъ, въ мірѣ мыслей—единственной области дѣятельности философа. Вся жизнь съ ея мелочами и будничными интересами мѣшаетъ широкому полету мысли истиннаго философа, который отдаляется отъ жизни, отрекается отъ всѣхъ ея радостей и дѣлается аскетомъ [2]).

Нитцше находитъ отраженіе аскетическихъ идеаловъ и въ современной *наукѣ*. Самые разнообразные ученые полагаютъ, замѣчаетъ Нитцше, что они окончательно отдѣлались отъ аскетическихъ идеаловъ, хотя на самомъ дѣлѣ они по прежнему ихъ исповѣдуютъ: они люди не съ свободнымъ духомъ, такъ какъ вѣрятъ въ истину, какъ высшее, абсолютное, совершенное, отвлеченное, божественное существо. Ученые стоятъ неподвижно въ фатальномъ недоумѣніи передъ, наблюдаемыми ими въ мірѣ, непонятными явленіями, невѣдомыми фактами, описываютъ ихъ, но опасаются ихъ объясненія, толкованія изъ собственнаго разума, предпочитая вѣрить въ истину, какъ Божество, обитающее въ невѣдомой области, внѣ личнаго размышленія самого человѣка" [3]). Нитцше не

---

[1]) „Всѣ великіе философы не были женаты (Гераклитъ, Платонъ, Декартъ, Спиноза, Лейбницъ, Кантъ, Шопенгауэръ); женатому философу—мѣсто въ комедіи и Сократъ женился, кажется, для того чтобы доказать эту мысль" (Genealogie d. Moral, 128 s.).

[2]) Genealogie d. Moral, 117—135 s.

[3]) Ibidem, 184—187 s.

видитъ ничего утѣшительнаго и полезнаго для блага людей въ господствѣ такого научнаго міровоззрѣнія въ современномъ обществѣ. „Особенное уваженіе къ ученымъ, перевѣсъ мандариновъ никогда не означаетъ что-либо хорошее. На ряду съ развитіемъ религіи сожалѣнія, демократіи, замѣны войны третейскими судами и равноправности женщинъ этотъ фактъ —признакъ утомленія, паденія всей жизни человѣчества“ [1]). Нитцше находитъ, что астрономическія открытія сдѣлали человѣка совершенно ничтожнымъ существомъ во вселенной [2]). Но и, помимо сродства современной науки съ аскетическими идеалами, ея настоящее состояніе и представители не нравятся Нитцше, въ глазахъ котораго вся философія въ теченіе своего двухтысячелѣтняго существованія—одно сплошное заблужденіе, рядъ предразсудковъ разныхъ философовъ. Нитцше иронизируетъ надъ открытіями Э. Канта въ теоріи познанія и нравственной жизни человѣка, суевѣріемъ Шопенгауэра и логиковъ, считаетъ, между прочимъ, празднымъ самый вопросъ о свободѣ воли у человѣка, у котораго есть только сильная или слабая воля [3]). Содержаніе всей философіи должно составлять ученіе о развитіи въ человѣкѣ сильной воли къ жизни [4]). Причина заблужденій философовъ кроется въ томъ, что они отдаютъ въ дѣлѣ познанія міра преимущество разуму предъ внѣшними чувствами человѣка, которыя вполнѣ правильно показываютъ все, что ни происходитъ на самомъ дѣлѣ съ разными предметами. Поэтому имени науки заслуживаютъ только знанія, основанныя на свидѣтельствѣ чувствъ; все остальное, обозначаемое этимъ именемъ науки, не—наука, а уродливое ея изображеніе. Тако-

---

[1]—[2]) Ibidem, 189—190 s.

[3]) См. ниже разсужденія Нитцше о свободѣ воли.

[4]) Ienseits d. Gut und Böse, 9—37 s. Въ „Götzendämmerung“ Нитцше замѣчаетъ, что „изъ рукъ философовъ не вышло ничего реальнаго: все, что они ни выдумали,—уродливыя понятія“ (16 s.).

вы: метафизика, теологія, психологія, теорія познанія, логика, математика. Вторая важная ошибка философовъ—смѣшеніе причины съ слѣдствіемъ: они ставятъ въ началѣ то, чему мѣсто въ концѣ. Это—общія, „высшія“ понятія, какъ масштабы всѣхъ вещей—существующее, безусловное, доброе, истинное, совершеннѣйшее, Богъ, какъ основная причина, источникъ бытія всего міра [1]). Это великое заблужденіе, по словамъ Нитцше, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ привычекъ человѣчества и называется имъ порчей разума со стороны представителей религіи и морали. Они говорятъ: „дѣлай то-то и то-то и ты будешь счастливъ“. Но добродѣтель человѣка—слѣдствіе его счастья, продолжительной жизни и богатаго потомства точно также, какъ роскошь и пороки не причина паденія народовъ, а, наоборотъ, его неизбѣжныя послѣдствія. Всякій недостатокъ въ отдѣльныхъ людяхъ, партіяхъ—результатъ вырожденія инстинктовъ, измельчанія воли. Нитцше считаетъ также „великимъ заблужденіемъ“ законъ причинности, принятый современной наукой. Корень этого закона—въ ложномъ убѣжденіи, что сознаніе человѣка, его духъ, воля—причина всѣхъ вещей. Но весь внутренній міръ полонъ обманчивыхъ образовъ и представленій, въ числѣ которыхъ находится взглядъ на волю и мотивацію дѣйствій человѣка: воля только сопровождаетъ человѣческія дѣйствія, въ которыхъ она не всегда и проявляется. Точно такой же второстепенный и случайный характеръ въ дѣятельности людей имѣютъ и мотивы ихъ поступковъ. Понятіе вещи—только отраженіе вѣры въ „я“, какъ причину. Нитцше объясняетъ давно сложившуюся въ людяхъ привычку „воображаемой причинности“ стремленіемъ найти всегда на мѣстѣ причины явленія что-либо успокоивающее извѣстное, пережитое, но ни въ какомъ случаѣ не новое,

---

[1]) Götzendämmerung, 17—19 s.

недозволенное, чуждое [1]). Къ понятію воображаемой причинности относится вся сфера религіи и морали, гдѣ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ смѣшивается причина съ слѣдствіемъ [2]). Въ ряду „заблужденій" философовъ Нитцше ставитъ еще заблужденіе свободной воли, „ученіе о которой выдумано съ цѣлью наказывать людей, виновныхъ въ нарушеніи религіозныхъ или юридическихъ предписаній. Теперь, когда самыя понятія вины и наказанія изгоняются совсѣмъ изъ міра и философы стремятся очистить отъ нихъ исторію, духовную жизнь, общественные институты и природу, въ нашихъ глазахъ совершенно неправильно мнѣніе, что есть нравственный міровой порядокъ, въ которомъ понятія вины и наказанія играютъ главную роль" [3]).

Нитцше рѣшительно отвергаетъ всѣ попытки философовъ вывести существованіе міра изъ понятія „я", отрицаетъ возможность какого-либо другаго, загробнаго міра, противоположнаго земной жизни, старается объяснить, какъ „истинный міръ, видимый нами", сталъ наконецъ басней, сопровождая свою „исторію заблужденія" пластическими описаніями" [4]). Свое собственное научное міровоззрѣніе Нитцше изо-

---

1) Ibidem, 32—37 s. Христіанинъ, замѣчаетъ Нитцше, думаетъ постоянно о своемъ „грѣхѣ", банкиръ о „дѣлахъ", дѣвушка о своей любви.

2) Ibidem. Нитцше даетъ своеобразное объясненіе разнообразнымъ явленіямъ религіозно-нравственной жизни, „непріятныхъ и пріятныхъ общихъ чувствъ" (37—39 s.).

3) Götzendämmerung, 30—40 s.

4) 1) Истинный міръ, достижимый для мудраго, живетъ въ немъ (Древнѣйшая форма идеи у Платона). 2) Истинный міръ теперь недостижимъ, но обѣщанъ мудрымъ, добродѣтельнымъ—раскаявшимся грѣшникамъ (Прогрессъ идеи, которая дѣлается болѣе утонченной, обманчивой, непонятной). 3) Истинный міръ недостижимъ, недоказанъ, но представляется въ видѣ утѣшенія, обязанности, императива (Закатъ древняго солнца, скрытаго въ облакахъ и сомнѣніи; идея стала совсѣмъ утонченной, блѣдной). 4) Истинный міръ недостижимъ, неизвѣстенъ и поэтому ни къ чему не обязываетъ, ни въ чемъ не утѣшаетъ (Сѣрое утро. Первый зѣвокъ разума. Пѣтушиное пѣніе позитивизма). 5) „Истинный міръ" сдѣлался безполезной, излишней, спорной идеей, которую мы упи-

бражаетъ въ слѣдующихъ чертахъ. Качества, свойства человѣка не даны ему Богомъ, не пріобрѣтены въ обществѣ, не наслѣдованы отъ его родителей и предковъ; не самъ человѣкъ вырабатываетъ ихъ своей дѣятельностью. Никто не можетъ отвѣчать, что человѣкъ созданъ съ тѣми или другими наклонностями, находится въ тѣхъ или другихъ условіяхъ. Онъ живетъ въ мірѣ не въ виду тѣхъ или другихъ цѣлей („идеала человѣка", его „счастья, нравственнаго совершенства"). Въ мірѣ, какъ цѣломъ, нѣтъ никакихъ цѣлей: онъ существуетъ самъ по себѣ [1]). Всякій аскетическій идеалъ заключаетъ въ себѣ противорѣчіе: при стремленіи къ нему „употребляютъ силу, чтобы заглушить всѣ ея источники", направляются противъ того, что полезно человѣческому тѣлу—удовольствія, красоты, ищутъ боли, мученій, несчастій, всякихъ лишеній, самопожертвованія, агоніи жизни [2]). Существующая христіанская мораль является въ глазахъ Нитцше противорѣчіемъ природѣ человѣка, ея отрицаніемъ. Христіанство объявило войну всѣмъ страстямъ человѣка (чувственности, гордости, властолюбію, корыстолюбію, мести и друг.), нападаетъ на корни самой жизни, природы человѣка. Всякая противоестественная мораль осуждаетъ инстинкты человѣка, которые, наоборотъ, господствуютъ въ морали здоровой. При трудности проблеммы о другой жизни и невозможности ея разрѣшенія сама дѣйствительная, настоящая жизнь заставляетъ найти ей оцѣнку, но не сплошное ея сужденіе. Современная мораль проповѣдуетъ слабую, усталую, падающую жизнь въ противоположность съ очаровы-

---

чтожаемъ (Свѣтлый день. Завтракъ. Возвращеніе здраваго смысла и веселья. Стыдъ Платона. Страшный шумъ всѣхъ свободныхъ душъ). 6) Вмѣстѣ съ истиннымъ міромъ уничтоженъ и кажущійся (Полдень. Мигъ кратчайшей тѣни. Конецъ долгаго заблужденія. Высшій пунктъ человѣчества. Начинается Заратустра. Ibidem, 22—23 s.).

[1]) Götzendämmerung, 40—41 s.

[2]) Genealogie der Moral, 142—143 s.

вающимъ богатствомъ типовъ, роскошью разнообразныхъ жизненныхъ формъ и ихъ измѣненій [1]). Признакъ паденія — бороться съ инстинктами, въ развитіи которыхъ только заключается счастье человѣка, цѣль всей его жизни, въ которой нѣтъ ничего, напоминающаго о безъисходномъ и отчаянномъ положеніи людей. Судьбу народа и человѣчества рѣшаетъ то, начинается ли она надлежащимъ образомъ — признаніемъ или отрицаніемъ главнаго въ человѣкѣ—тѣла. Поэтому греческая цивилизація была великимъ историческимъ событіемъ, цивилизація же христіанскихъ народовъ, думающая только о душѣ и пренебрегающая тѣломъ,—великое несчастье для человѣчества [2]).

Въ предисловіи къ одному изъ своихъ сочиненій („Genealogie der Moral") Нитцше описываетъ весь мучительный процессъ исканія истины въ, занимавшемъ его съ ранней молодости, вопросѣ о происхожденіи христіанской „морали сожалѣнія", любви къ ближнему. Долго онъ сомнѣвался въ томъ, какое значеніе имѣютъ обычныя понятія о добрѣ и злѣ, полезны они или вредны человѣческому благополучію. Выражается ли въ нихъ бѣдность, вырожденіе жизни или, наоборотъ, ея полнота, сила, мужество, надежда на лучшее будущее? Послѣ большихъ колебаній и трудовъ Нитцше пришелъ къ оригинальнымъ выводамъ какъ относительно происхожденія морали, такъ и ея сущности. Мы остановимся немного подольше на этихъ взглядахъ Нитцше, такъ рѣзко отличающихся отъ моральныхъ воззрѣній гр. Толстого.

Нѣтъ нравственныхъ явленій, замѣчаетъ Нитцше, а есть только моральное ихъ толкованіе [3]), которое онъ и производитъ. Мораль была всегда прокустовымъ ложемъ [4]). Существенное въ каждой системѣ морали—это ея принудительный ха-

---

[1]—[2]) Götzendämmerung, 25, 28—29, 67, 101 s.
[3]) Ienseits von Gut und Böse, 100 s.
[4]) Genealogie d. Moral, 95 s.

рактеръ, сохраняющійся продолжительное время и въ извѣстномъ направленіи. Необходимымъ средствомъ дисциплины человѣческаго духа является произволъ, тираннія, рабство: въ морали проповѣдуется ненависть къ чрезмѣрной свободѣ, нужда въ ограниченномъ горизонтѣ, стѣсненіе перспективы. Во всѣ времена, какъ только появились люди, существовали ихъ союзы (роды, общины, племена, народы, государства, церкви), въ которыхъ всегда большое число людей повиновалось меньшему. Этотъ стадный инстинктъ послушанія родителямъ, учителямъ, законамъ, общественному мнѣнію переходитъ по наслѣдству и выражается теперь въ европейскомъ обществѣ въ „моральномъ лицемѣріи“ повелителей, отдающихъ приказанія въ качествѣ представителей древнихъ или высшихъ предписаній (Бога, конституціи, права, закона). Стадный человѣкъ пользуется теперь особеннымъ уваженіемъ; онъ—какъ бы единственно дозволенный родъ человѣка, надѣленный качествами, которыя дѣлаютъ его полезными стаду: общественнымъ смысломъ, благожелательностью, прилежаніемъ, умѣренностью, скромностью, состраданіемъ. Нитцше утверждаетъ, что пока мораль имѣетъ такой характеръ, полезна обществу, нельзя говорить о любви къ ближнему, которая замѣняется въ этомъ случаѣ страхомъ предъ нимъ: всѣ сильныя и опасныя для общества наклонности, какъ хищничество, корыстолюбіе, месть и др. порицаются, какъ безнравственныя стремленія. Наоборотъ, противоположныя наклонности удостоиваются особенной похвалы. Все, что возвышаетъ отдѣльное лицо надъ стадомъ и внушаетъ ближнему страхъ (высокій и независимый разумъ, сильная воля и т. п.) называется *зломъ*. Наоборотъ, скромное, обыкновенное настроеніе, *посредственность* всякаго рода вмѣняется въ особую честь каждому ихъ обладателю. Изъ тысячи складокъ совѣсти современной Европы раздается повелительный голосъ стаднаго страха: „мы желаемъ быть въ полной безо-

пасности". Все, что мы сейчасъ называемъ хорошимъ, *добрымъ*—выраженіе этого стаднаго инстинкта въ человѣкѣ. Современная европейская мораль—нравственность стаднаго звѣря, которая опирается на религію, отражается въ политическихъ и общественныхъ учрежденіяхъ и должна привести неизбѣжно къ общему вырожденію человѣка, его окончательному превращенію въ настоящаго стаднаго звѣря [1]).

Происхожденіе морали, различіе между понятіями „добро" и „зло" не имѣетъ, по мнѣнію Нитцше, никакого отношенія къ отличію альтруистическихъ и эгоистическихъ дѣйствій человѣка: такой неразрывный контрастъ между двумя родами этихъ понятій (добрый—альтруистическій, злой—эгоистическій) происходитъ уже въ эпоху паденія аристократической морали, господства стаднаго инстинкта въ обществѣ. Сначала „добрые" были знатные, сильные, высокопоставленные люди въ противоположность низшимъ, обыкновеннымъ людямъ, черни. Этотъ „пафосъ знатности и дистанціи", продолжительное и доминирующее основное чувство господства высшихъ въ отношеніи къ низшимъ—источникъ противоположности понятій „хорошій" и „дурной". Нитцше отвергаетъ взглядъ Г. Спенсера, что понятія „добра" и „зла" сливаются съ незабвенными представленіями человѣчества о пользѣ, цѣлесообразности и вредѣ и нецѣлесообразности извѣстныхъ дѣйствій людей. Повсюду, утверждаетъ Нитцше, понятія „знатный", „благородный"—основное понятіе, изъ котораго развивается понятіе „добраго" въ смыслѣ духовнаго превосходства (seelisch-vornehm), между тѣмъ какъ понятія „обыкновенный", низкій переходятъ въ понятіе „худого". Понятіе „добраго" означаетъ человѣка высшаго ранга, превосходство его въ силѣ, человѣка богатаго, обладающаго истиной, первоначально члена дворянскаго сословія благо-

---

[1]) Ienseits von Gut und Böse, 116—139 s.

роднаго [1]). Въ древнѣйшихъ жреческихъ кастахъ понятія „добраго" и „злого" сливались съ понятіями „чистый" и „нечистый", которыя также означали разницу между высшимъ (жреческимъ) и низшимъ сословіемъ (чернью). Нитцше не находитъ словъ, чтобы изобразить весь вредъ господства въ человѣчествѣ этихъ древнѣйшихъ жреческихъ кастъ со всѣми имъ предписаніями постовъ, вегетаріанства, половаго воздержанія, враждебной всѣмъ чувствамъ метафизикой, наклонностью къ гипнотизированію и исчезновенію въ Нирванѣ. Сужденія жрецовъ о цѣнности вещей на самомъ дѣлѣ радикально противоположны рыцарско-аристократической морали, которая предполагаетъ сильное развитіе чувственности и цвѣтущее здоровье вмѣстѣ со всѣми условіями ихъ сохраненія (войной, охотой, танцами, приключеніями, турнирами). Жрецы были злѣйшими, но безсильными врагами всего этого. Весь вредъ, причиненный на землѣ знатнымъ, сильнымъ, господамъ не можетъ сравняться съ тѣмъ, что сдѣлали евреи,—этотъ жреческій народъ, который отомстилъ своимъ врагамъ радикальной переоцѣнкой всѣхъ вещей. Вопреки аристократической морали (добрый—знатный, сильный, красивый, счастливый) евреи установили, что добрые только несчастные, бѣдные, безсильные, низшіе, единственно достойные спасенія—страдающіе, больные, лишенные всѣхъ благъ міра, ненавидимые всѣми. Наоборотъ, знатные, сильные—злые, жестокіе, порочные, безбожные люди, осужденные на вѣчное проклятіе. Евреи начали „возстаніе рабовъ въ морали", которое продолжается болѣе двухъ тысячъ лѣтъ. Ихъ пророки слили въ одно понятіе слова: „богатый, безбожный, злой, насильственный, чувственный" и въ первый разъ за-

---

[1]) Нитцше находитъ филологическое доказательство своей мысли въ обозначеніи у древнихъ грековъ и римлянъ членовъ высшаго сословія, дворянства терминами ἀγαθός и bonus, указывающими на высшее ихъ происхожденіе, и κακός и malus—членовъ низшаго сословія (Genealogie d. Moral, 24—25 s.).

пятнали именемъ постыднаго слово „міръ“ [1]). Изъ корня этого дерева ненависти евреевъ выросла новая любовь, рабская, стадная мораль. Въ противоположность аристократической морали съ ея тріумфомъ человѣческой личности рабская мораль отрицаетъ ее. Знатный человѣкъ обладаетъ открытымъ, довѣрчивымъ характеромъ, чувствуетъ себя дѣятельнымъ, сильнымъ существомъ, человѣкъ мести—молчаливая, скрытная натура; онъ хочетъ униженія, смиренія. Нитцше находитъ, что эта раса знатныхъ состоитъ изъ хищныхъ, бѣлокурыхъ звѣрей, которые время отъ времени нуждаются въ проявленіи, разнузданности своихъ дикихъ инстинктовъ. Въ этомъ отношеніи одинаковы: римское, арабское, германское, японское дворянство, гомеровскіе герои, скандинавскіе викинги. Эта дерзость знатныхъ расъ, бѣшеная, нелѣпая, внезапная, невѣроятность ихъ предпріятій, равнодушіе и презрѣніе къ безопасности, тѣлу, жизни, ихъ бурная веселость, страсть къ разрушенію и жестокость при побѣдахъ придали имъ въ глазахъ потерпѣвшихъ нарицательное имя варваровъ, готовъ и вандаловъ. Предполагая, что смыслъ всякой культуры превратить хищнаго зрѣря—человѣка въ нѣжнаго, цивилизованнаго, домашняго звѣря, необходимо признать всѣ эти реакціонные и мстительные инстинкты, съ помощью которыхъ были побѣждены знатные роды, истинными орудіями культуры. Однако, представители заглушенныхъ и стремящихся къ освобожденію инстинктовъ, потомки всякаго европейскаго и неевропейскаго рабства, всего доарійскаго населенія въ отдѣльности представляютъ собою регрессъ человѣчества. Эти „орудія культуры“—стыдъ человѣчеству, протестъ противъ культуры вообще! Нитцше напоминаетъ о, чувствуемомъ всѣми, страданіи при видѣ господства ничѣмъ неисцѣлимой посредственности во всѣхъ областяхъ европей-

[1]) Ienseits von Gut und Böse, 126—127 s.

ской общественной жизни и всеобщей тоскѣ и ожиданіи появленія болѣе совершенныхъ, сильныхъ и счастливыхъ экземпляровъ человѣческаго рода, которые могли бы укрѣпить вѣру въ человѣка. Онъ предвидитъ большую опасность отъ этого всеобщаго измельчанія и уравненія, которыя съ каждымъ шагомъ въ жизни европейскаго общества дѣлаются все болѣе и тревожнѣе. Нитцше возмущается ходячимъ воззрѣніемъ, вмѣняющимъ въ заслугу безсильнымъ ихъ слабость: это — мудрость плохаго разбора, которую имѣютъ даже насѣкомыя [1]). Требовать отъ сильнаго, чтобы онъ ничѣмъ не обнаруживалъ своей силы также нелѣпо, какъ ожидать отъ слабаго проявленій силы, могущества. Жизнь въ мірѣ состоитъ въ безпрерывномъ движеніи. Тысячи лѣтъ происходитъ на землѣ борьба между противоположной оцѣнкой „добра“ и „зла“, начавшаяся въ древнемъ мірѣ. Римляне были сильнѣйшимъ, знатнѣйшимъ на землѣ народомъ. Евреи, наоборотъ, были жреческимъ народомъ, обладавшимъ геніальною національною моралью, людьми, которые выдавались своимъ мстительнымъ характеромъ. Римъ, обвинявшій своихъ враговъ — евреевъ въ ненависти къ человѣческому роду, былъ побѣжденъ ими. Въ эпоху возрожденія произошло блестящее оживленіе классическаго идеала, но вслѣдъ за тѣмъ онъ поблекъ посреди новаго тріумфа бурнаго движенія черни (въ Германіи и Англіи) — реформаціи и для классическаго Рима насталъ прежній гробовой покой. Въ политическихъ событіяхъ XVII и XVIII стол. побѣда надъ классическимъ идеаломъ народнаго (еврейскаго) движенія сопровождалась шумнымъ одушевленіемъ и великимъ ликованіемъ массы. Но въ тоже время античный идеалъ неожиданно выступилъ предъ изумленными

---

[1]) Genealogie d. Moral, 42—43 s. Нитцше изображаетъ въ сильной драматической сценѣ, какъ „на землѣ фабрикуются идеалы“, присвоивая всѣмъ добродѣтелямъ христіанской морали своеобразное толкованіе, согласное съ собственными воззрѣніями Нитцше (45—47 s.).

глазами человѣчества въ неслыханномъ великолѣпіи, и еще разъ раздался сильный и настоятельный голосъ за привилегію меньшинства противъ стремленій большинства къ уравненію и униженію всѣхъ людей [1]). Гёте былъ попыткой возвратить людей къ эпохѣ возрожденія, естественности [2]). Послѣднимъ остаткомъ порывовъ на другой путь явился Наполеонъ I, въ которомъ воплотилась загадка идеала человѣческой силы и могущества [3]).

Нитцше убѣжденъ, что каждое возвышеніе человѣческаго типа было до сихъ поръ дѣломъ аристократическаго общества и такъ будетъ всегда, пока оно сохранитъ увѣренность въ необходимости различія между слоями въ общественной жизни, разнообразія индивидуальностей у людей и рабства въ какомъ бы то ни было смыслѣ. Начало всякой новой культуры на землѣ ознаменовывалось нападеніемъ хищныхъ и знатныхъ, обладающихъ непочатымъ запасомъ сильныхъ желаній и воли, на слабыя, мирныя расы, которыя занимались скотоводствомъ или торговлею, или дряхлыя культуры, въ которыхъ остатки жизненной силы исчезали въ блестящихъ фейерверкахъ порока и сильнаго подъема духа. Нитцше видитъ зерно хорошей и здоровой аристократіи, оправданіе ея существованія въ ея вѣрѣ, что всѣ жертвы, приносимыя ей массой, и самое общество предназначены только для развитія высшаго рода людей. Утверждать, что основнымъ принципомъ общественной жизни является удержаніе отъ взаимной вражды и проведеніе идеи равенства значитъ въ глазахъ Нитцше провозглашать паденіе и разрушеніе самой жизни, которая всегда заключается въ присвоеніи, завладѣніи слабымъ, его притѣсненіи, жестокости: жизнь—воля къ силѣ. Всѣ эти черты взаимныхъ отношеній людей отнюдь не

---

[1]) Götzendämmerung, 103—104 s,
[2-3]) Genealogie d. Moral, 18—54 s.

характеризуютъ только примитивную, грубую, несовершенную организацію общества: эксплуатація слабаго сильнымъ—органическая необходимость въ жизни вообще [1]). Альтруистическая мораль современнаго европейскаго общества—плохой признакъ: она означаетъ начало конца, указываетъ на паденіе инстинктовъ. Мы не стали нравственнѣе оттого, что представляемъ собою людей, склонныхъ къ мягкому, нѣжному обращенію другъ съ другомъ, готовыхъ щадить и помогать другимъ, обладающихъ разнообразными гуманными стремленіями, способными возбудить гомерическій смѣхъ въ современникахъ Цезаря Борджіа. Каждая неэгоистическая мораль подъ видомъ дружбы къ людямъ представляетъ собою на самомъ дѣлѣ одинъ вредъ болѣе высшимъ, сильнымъ, привилегированнымъ. Нитцше считаетъ признакомъ полуварварства всѣ добродѣтели современнаго человѣка (скромность, благодарность, терпѣніе, мужество, самопожертвованіе) и демократическое смѣшеніе всѣхъ сословій и расъ. Наблюдаемому смягченію нравовъ Нитцше противопоставляетъ суровую жестокость обычаевъ, какъ результатъ излишка жизненности въ людяхъ. Сильныя времена и аристократическія культуры смотрятъ съ презрѣніемъ на сожалѣніе, любовь къ ближнему: эти качества въ такія эпохи считаются выраженіемъ недостатка въ самоуваженіи, чувства собственнаго достоинства. Значеніе историческихъ періодовъ опредѣляется наличностью въ нихъ положительныхъ силъ и въ этомъ отношеніи по сравненію съ эпохой возрожденія—послѣднимъ великимъ временемъ—наше время слабая, ничтожная эпоха; всѣ наши

---

[1]) Ienseits von Gut und Böse, 235—238 s. Жестокость—черта высокой культуры. Чувства римлянъ на аренѣ, восторги мучимыхъ христіанъ, восхищеніе испанцевъ при видѣ костровъ и боя быковъ, аскетическія религіозныя бичеванія финикіянъ и вообще всякія попытки подавить чувственность, угрызенія совѣсти—все это коренится въ одномъ и томъ же чувствѣ жестокости (ibidem, 186—189 s., Genealogie d. Moral, 71—75 s.).

добродѣтели—послѣдствіе нашей слабости [1]). А между тѣмъ упадокъ современной жизни, быстрое уменьшеніе силъ, организующихъ общество, раздѣляющихъ его на сильныхъ и слабыхъ возводится современной соціологіей въ идеалъ общественной жизни. Представитель этого направленія въ соціологіи Гербертъ Спенсеръ—такой же декадентъ, какъ и выставляемый имъ общественный идеалъ—грядущая побѣда альтруизма [2]).

Есть, заключаетъ свои разсужденія о морали Нитцше, два ея типа: *мораль господъ и мораль рабовъ.* Нравственныя воззрѣнія возникаютъ или среди господствующихъ классовъ общества или подчиненныхъ, зависимыхъ, рабовъ. Въ первомъ случаѣ возвышенное состояніе душъ властвующихъ—признакъ, отличающій ихъ высшій рангъ. Знатный человѣкъ смотритъ съ презрѣніемъ на низшую массу народа, людей трусливыхъ, мелочныхъ, думающихъ лишь о своихъ ничтожныхъ интересахъ, унижающихся предъ всѣми, нищенствующихъ льстецовъ, лжецовъ [3]). Мнѣніе властнаго человѣка опредѣляетъ цѣну всѣмъ вещамъ. Въ этой морали самообожанія на первомъ планѣ стоитъ чувство полноты, необычайнаго могущества, сознаніе богатства, излишка силъ. Знатный человѣкъ помогаетъ несчастному, но не изъ сожалѣнія къ нему, а лишь вслѣдствіе порыва, вытекающаго изъ избытка силъ. Мужественный и могущественный человѣкъ далекъ отъ взгляда, что самопожертвованіе нравственно: вѣра въ самого себя, гордость, вражда и ироническое отношеніе къ безпомощности—черты морали господъ, въ глазахъ которыхъ только тотъ пользуется почетомъ, кто владѣетъ собою, знаетъ

---

[1]) Götzendämmerung, 82—88 s.

[2]) Ibidem.

[3]) Основной догматъ въ воззрѣніяхъ всякой аристократіи, что простой народъ лживъ. Поэтому члены древне-греческой аристократіи называли себя единственно „правдивыми, честными, истинными“ (Ienseits der Gut und Böse, 240 s.).

время, когда говорить и молчать, кто строгъ и суровъ къ себѣ [1]). Глубокое уваженіе предъ возрастомъ и обычаями, предками, способность и обязанность къ продолжительной благодарности и мести по отношенію къ себѣ равнымъ, утонченность въ мщеніи и дружбѣ—типическія черты морали господъ, противоположной „современнымъ идеямъ", чуждой имъ совершенно. Поэтому-то эту мораль такъ трудно открыть среди этихъ идей и въ жизни современнаго общества [2]). Здѣсь есть только одинъ типъ сильнаго, но болѣзненнаго человѣка, который принужденъ жить при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Это—типъ преступника, которому недостаетъ простора для развитія его инстинктовъ сильнаго человѣка, его живѣйшихъ природныхъ стремленій, добродѣтелей. На нихъ смотрятъ теперь со страхомъ, подозрительно. Невозможность проявлять открыто свои вкусы и слѣдовать своимъ наклонностямъ заставляетъ сильнаго человѣка прибѣгать къ осторожности, хитрости, держитъ его въ постоянномъ напряженіи. Безпрерывная опасность, въ которой онъ находится, преслѣдованіе его за всякое проявленіе своихъ инстинктовъ возбуждаетъ въ немъ самомъ недовѣріе и вражду къ нимъ. Такъ въ нашемъ ненормальномъ обществѣ съ его мягкими нравами и господствомъ посредственности человѣкъ съ естественными наклонностями неизбѣжно вырождается въ преступника [3]). Современное государство борется цѣлымъ рядомъ средствъ (наказаніемъ и др.) противъ всѣхъ старыхъ инстинктовъ дикаго, свободнаго человѣка, у котораго они за невозможностью внѣшняго проявленія обращаются внутрь.

---

[1]) „Жестокое сердце вложилъ Вотанъ мнѣ въ грудь" говоритъ о себѣ одинъ изъ гордыхъ викинговъ въ древней скандинавской сагѣ. „Кто не имѣетъ такого сердца въ юности, тотъ никогда не будетъ имѣть его", прибавляетъ сага (Ienseits etc., 240 s.).

[2]) Ibidem, 239—240 s.

[3]) Götzendämmerung, 97—98 s.

Противъ такого человѣка возбуждается въ обществѣ вражда, его преслѣдуютъ, на него нападаютъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого насильственнаго отдѣленія людей отъ ихъ прошлой, звѣриной жизни, объявленіе войны старымъ ихъ инстинктамъ, удовлетвореніе которыхъ доставляло имъ ранѣе такъ много наслажденія, предписываніе имъ новаго жизненнаго быта вызываетъ въ людяхъ страданія, болѣзнь. Этотъ скрытый, насильно сдерживаемый инстинктъ свободы (воли къ силѣ)—источникъ происхожденія „худой совѣсти", самопожертвованія, въ которомъ выражается жестокая наклонность человѣка къ собственному мученію и бичеванію [1]).

Другой типъ морали—рабская мораль, въ которой понятіе о добродѣтеляхъ противоположно взгляду на нихъ въ морали господъ. Въ рабской морали предпочитаются качества, которыя могутъ облегчить страдающимъ ихъ жизнь на землѣ: сожалѣніе, готовность къ помощи, теплое сердце, терпѣніе, прилежаніе, смиреніе, дружба. Поэтому рабская мораль—нравственность исключительно утилитарнаго (полезнаго) характера. Въ рабской морали только возникаетъ противоположность между добромъ и зломъ. Всѣ добродѣтели сильныхъ людей—зло въ глазахъ рабовъ, возбуждающее въ нихъ страхъ: добрый по морали рабовъ—совершенно добродушный, безопасный человѣкъ, легко поддающійся всякому обману. Рабская мораль также предъявляетъ требованія свободы, счастья, но удовлетвореніе ихъ происходитъ здѣсь совершенно другимъ путемъ, нежели въ морали господъ, которымъ только доступна любовь, какъ страсть: ея изобрѣтеніе приписывается провансальскимъ рыцарямъ—поэтамъ [2]). Нитцше провозглашаетъ эгоизмъ необходимымъ качествомъ души сильнаго, который считаетъ своимъ неотъемлемымъ правомъ, что-

---

[1]) Genealogie d. Moral, 95—101 s.
[2]) Ienseits von Gut und Böse, 242—243 s.

бы люди низшаго рода, слабые, безсильные служили ему и жертвовали собою въ его пользу [1]). Цѣнность эгоизма, значеніе его въ жизни зависитъ, замѣчаетъ Нитцше, оттого, насколько онъ помогаетъ развитію жизни. Эгоизмъ пріобрѣтаетъ необыкновенную важность, когда при его помощи создаются наиболѣе благопріятныя условія для всей жизни индивидуума. При небрежномъ отношеніи къ требованіямъ эгоизма наступаетъ вырожденіе инстинктовъ общества: въ немъ начинаютъ господствовать разные пороки,—нужда въ сильныхъ и частыхъ возбужденіяхъ, свойственныхъ истощеннымъ натурамъ [2]). Повсюду въ Европѣ теперь наблюдается, по словамъ Нитцше, эта болѣзненная чувствительность и воспріимчивость къ страданіямъ, господствуетъ формальный культъ страданія, поддерживаемый религіей и философіей. Чувствуется всѣми нужда въ сильныхъ людяхъ, которыхъ недостаетъ во всѣхъ областяхъ народной жизни. Въ каждой изъ важныхъ жизненныхъ проблеммъ неизбѣжно подразумѣвается стремленіе современнаго человѣка къ развитію своей личности; нѣкоторыя попытки къ разрѣшенію этихъ проблеммъ называемыя „убѣжденіями", ничто иное, какъ ступень къ познанію собственной природы. Таковъ, напримѣръ, такъ называемый женскій вопросъ [3]).

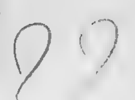
Нитцше рѣзко возстаетъ противъ современнаго движенія въ европейскомъ обществѣ въ пользу женщинъ, ихъ образованія и расширенія гражданскихъ правъ, вообще развитія ихъ самостоятельности и независимости отъ мужчинъ (эмансипаціи). Желать сдѣлать женщину самостоятельной и съ этой цѣлью просвѣщать мужчинъ о женской природѣ—одно изъ худшихъ послѣдствій извращенія всего европейскаго общества, всеобщаго распространенія въ немъ чувства непа-

---

[1]) Ibidem, 251—252 s.

[2]) Götzendämmerung, 33 s.

[3]) Ienseits von Gut und Böse, 270, 266—267 и 191 s.

висти. Въ женщинѣ такъ много постыднаго, что до сихъ поръ сдерживалось въ ней лишь страхомъ передъ мужчиной: она педантична, поверхностна, мелочна, притязательна, необузданна, нескромна, беззаботна, легкомысленна, жадна къ наслажденiямъ! Нитцше считаетъ признакомъ дурного вкуса стремленiе женщинъ къ образованiю, которое до сихъ поръ, къ счастью, было дѣломъ мужчинъ, ихъ особенной къ тому способности. Если женщина обнаруживаетъ склонность быть ученой, то это означаетъ, что не все въ порядкѣ въ ея природѣ. Даже лучшая женщина обнаруживаетъ интересъ къ литературѣ только мимоходомъ и если кто-либо замѣчаетъ ея литературныя занятiя [1]). Неплодовитость женщины сопровождается всегда наклонностью къ вкусамъ мужчины [2]). Нельзя вѣрить всему тому, что сами женщины пишутъ о своей жаждѣ просвѣщенiя. Скорѣе всего въ этомъ желанiи быть образованными выражается, свойственная женщинамъ, наклонность нравиться мужчинѣ и властвовать надъ нимъ. Женщина не любитъ истину; ея главное искусство—притворяться, лгать; первое дѣло для нея—украшать себя всѣми способами. Мы мужчины должны сознаться, что намъ въ женщинахъ нравится этотъ инстинктъ и искусство казаться прекрасными и притворяться. Наша серьезность представляется намъ почти глупостью подъ обаянiемъ взглядовъ и милыхъ наивностей женщины. Мужчины до сихъ поръ видѣли въ женщинахъ птичекъ, спускающихся съ недосягаемой высоты въ клѣтки, которыя необходимо запирать, чтобы онѣ оттуда не улетѣли. Все современное движенiе въ пользу женщинъ, равнаго съ мужчинами ихъ воспитанiя, сравненiя правъ и обязанностей обоихъ половъ клеймится со стороны Нитцше, какъ типическое выраженiе недалекаго ума мужчинъ и демократическихъ на-

---

[1]) Götzendämmerung, 3 s.
[2]) Ienseits von Gut und Böse, 105 s.

клонностей всей общественной жизни. Благодаря побѣдѣ промышленнаго духа надъ воинственными и аристократическими стремленіями, современная женщина также хочетъ пріобрѣсти хозяйственную и юридическую самостоятельность. Въ дѣйствительности, однако, вмѣсто прогресса замѣчается регрессъ въ положеніи женщины. Со времени французской революціи вліяніе женщины стало во всѣхъ дѣлахъ гораздо незначительнѣе съ тѣхъ поръ, какъ она начала добиваться разныхъ правъ [1]). Эмансипація женщины—любопытный фактъ, свидѣтельствующій объ увеличивающемся ослабленіи и истощеніи инстинктовъ въ природѣ женщины: теперь она должна потерять устойчивость на почвѣ, гдѣ ей всегда принадлежало первенство, у мужчины же исчезнетъ вѣра въ особенное, идеальное назначеніе женщины, вѣра въ „вѣчно-женственный“ элементъ ея природы. Наоборотъ, на женщину мужчина вынужденъ будетъ теперь смотрѣть, какъ на какого-то дикаго и нѣжнаго звѣря, который нуждается въ его защитѣ и пощадѣ. Нитцше иронизируетъ надъ подражаніемъ со стороны европейской женщины разнымъ попыткамъ мужчинъ привить ей спеціальныя свойства своей природы. „Хотятъ, чтобы женщина читала газеты, занималась политикой, литературой, портятъ ея нравы болѣзненной и опаснѣйшей изъ всѣхъ родовъ новѣйшей нѣмецкой музыкой и дѣлаютъ изъ нея истеричное существо, неспособное къ главному своему призванію—родить сильныхъ дѣтей“. Вообще желаютъ культивировать женщину и изъ „слабаго пола“ образовать сильный, совершенно забывая, что культивированіе человѣка шло всегда рука объ руку съ болѣзненностью, ослабленіемъ силы воли, что наиболѣе сильныя и вліятельныя женщины (напр., мать Напо-

[1]) Три знаменитыхъ французскихъ женщины начала XIX стол.—Роланъ, Сталь и Ж. Зандъ—въ глазахъ Нитцше только три комическихъ фигуры, лучшій аргументъ противъ женской эмансипаціи и самостоятельности (Ienseits v. Gut und Böse, 193 s.).

леона I) обязаны большимъ вліяніемъ и властью надъ мужчинами своей силѣ воли". Нитцше считаетъ свойствами женской природы хищническую, хитрую, кошачью ловкость, наивность въ эгоизмѣ, дикость, непонятность и неуловимость всѣхъ ея желаній и добродѣтелей. Мужчина до сихъ поръ боялся и сожалѣлъ женщину, какъ страдающій, нуждающійся въ любви и осужденный на разочарованіе, опасный, но изящный звѣрокъ [1]).

Самъ Нитцше рекомендуетъ дать просторъ въ женщинѣ чувственнымъ, инстинктивнымъ наклонностямъ ея природы, которыя находятъ удовлетвореніе въ бракѣ: въ каждомъ истинномъ бракѣ, основанномъ на сердечной взаимной привязанности супруговъ, исчезаетъ различіе между цѣломудріемъ и чувственностью. Поэтому, между прочимъ, немалая заслуга Лютера заключается въ томъ, что онъ имѣлъ мужество обнаружить свои чувственныя наклонности [2]). Зависимое положеніе женщины въ обществѣ обусловливается инстинктомъ материнства, проявляющимся въ бракѣ [3]). Неспособная къ дружбѣ, женщина знаетъ только одну любовь. Она—рабыня и тиранъ по природѣ [4]). Поэтому, женщина на Востокѣ и даже въ древней Греціи, отъ Гомера до Перикла, была предметомъ владѣнія и исключительной собственности мужчины [5]). Нитцше смотритъ и на современную женщину съ той же восточной точки зрѣнія. Въ современномъ бракѣ онъ видитъ одинъ изъ признаковъ паденія европейской культуры. Смыслъ брака заключается въ отвѣтственности семей за выборъ супруговъ, принципіальной нерасторжимости брака и юридической отвѣтственности мужа. Бракъ представляетъ собою общественный институтъ, разсчитанный

---

[1]) Ibidem, 191—200 s.
[2]—[3]) Genealogie d. Moral, 116 и 133 s.
[4]) Also sprach Zarathustra, 78 s.
[5]) Ienseits von Gut und Böse, 196 s.

на продолжительное существованіе и обладающій опредѣленной организаціей. Истинное основаніе брака—половой инстинктъ, стремленіе къ власти надъ женщиной и дѣтьми со стороны мужчины [1]). Въ глазахъ Нитцше женщина только мать и хозяйка [2]). Женщина для мужчины опасная игрушка: она должна служить ему въ дни отдыха отъ напряженной войны. Жена должна повиноваться и родить мужу дѣтей [3]).

Происхожденіе права и государства связывается у Нитцше съ, указываемою имъ, противоположностью между моралью господъ и рабовъ. Источникъ права—борьба сильныхъ, могущественныхъ противъ реактивныхъ, мстительныхъ чувствъ и идей, которыя сдерживаются въ извѣстныхъ размѣрахъ закономъ—повелительнымъ предписаніемъ о томъ, что можетъ быть дозволено, какъ справедливое, и запрещено, какъ противорѣчащее справедливости, интересамъ сильныхъ. Право—только средство къ созданію великаго и могущественнаго цѣлаго—государства, но не учрежденіе, предназначенное для осуществленія начала равенства: право съ послѣднимъ значеніемъ принципъ, опасный для жизни общества, посягательство на будущность людей, знакъ ихъ утомленія и неминуемаго исчезновенія [4]). Поэтому и современное западно-европейское демократическое государство возбуждаетъ въ Нитцше одно только презрѣніе и гнѣвъ. Всѣ современныя общественныя учрежденія никуда не годны и въ числѣ ихъ новое демократическое государство—форма паденія политической организаціи общества [5]), измельчанія, униженія людей. Все демократическое движеніе въ европейскомъ обществѣ—плодъ господства христіанской религіи и морали. Поэтому

---

[1]—[2]) Ienseits v. Gut und Böse, 193—194, 196 s., Götzendämmerung, 91—92 s.
[3]) Also sprach Zarathustra, 92, 99—100 s.
[4]) Genealogie d. Moral, 83—85, 137 s.
[5]) Götzendämmerung, 91 s.

Нитцше отворачивается отъ новой демократіи, какъ примитивной общественной формы; въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ дѣлаются безпрерывныя попытки внушить стаду мудрыхъ европейцевъ мысль о томъ, что имъ принадлежитъ власть, которая на самомъ дѣлѣ въ рукахъ небольшаго числа предводителей этого стада, какъ „первыхъ слугъ своего народа" или „орудій общаго благосостоянія" [1]). Государство въ глазахъ Нитцше—чудовище, созданное для уничтоженія народовъ: въ немъ перепутаны всѣ понятія о добромъ и зломъ. Истинная жизнь людей начинается только тамъ, гдѣ прекращается государство [2]). Нитцше не нравится общее стремленіе европейскихъ народовъ къ сохраненію мира. Онъ—самый горячій сторонникъ *войны*, которую объявляетъ всѣмъ современнымъ чувствамъ, идеямъ и учрежденіямъ [3]). Нитцше вмѣняетъ себѣ въ особую заслугу возбужденіе вражды въ современномъ обществѣ и вооружается противъ христіанскаго „мира души". Отрекаются отъ истинной жизни, если отказываются отъ войны, которая была всегда плодомъ глубокой мудрости великихъ людей. „Миръ души"— просто недоразумѣніе, по мнѣнію Нитцше, который видитъ въ немъ начало усталости, первую тѣнь наступающаго вечера, предвѣстника освобожденія отъ перенесенной болѣзни, знакъ удовлетворенной страсти, старческую слабость воли, желаній или, наконецъ, выраженіе зрѣлости въ созданіи, дѣятельности, достиженіи свободной воли [4]). Понятіе свободы употребляется Нитцше только для обозначенія власти воинственныхъ инстинктовъ въ мужчинѣ надъ мирными стремленіями разныхъ родовъ людей. Всякій свободный человѣкъ

---

[1]) Ienseits von Gut und Böse, 130, 136 s.

[2]) Also sprach Zarathustra, 65—68 и 190 s.

[3]) „Война—одно изъ средствъ переоцѣнки всѣхъ вещей". Поэтому одно изъ своихъ послѣднихъ сочиненій Нитцше называетъ „великимъ объявленіемъ войны всему обычному, вѣковому міровоззрѣнію" (Götzendämmerung, Vorwort).

[4]) Götzendämmerung, 26—27 s.

непремѣнно воинъ. Высшій его типъ нужно искать тамъ, гдѣ встрѣчается наибольше силы, сопротивленія, но только не въ обществѣ съ „либеральными учрежденіями“ [1]). Нитцше призываетъ всѣхъ къ продолжительной войнѣ, которой люди „болѣе обязаны, нежели любви къ ближнему. Не сожалѣніе, но мужество спасало до сихъ поръ несчастныхъ“ [2]).

Нитцше иронизируетъ надъ любовью къ отечеству, иногда вспыхивающею у современныхъ европейскимъ народовъ, „часами національныхъ волненій, патріотической тоски и всякихъ обычныхъ чувствительныхъ моментовъ“. Несимпатичны Нитцше и другія черты современной европейской жизни, какими она отличается отъ жизни нецивилизованныхъ народностей. Позади демократическаго политическаго движенія въ Европѣ совершается безпрерывно огромный процессъ сближенія всѣхъ европейцевъ, ихъ возрастающая независимость отъ условій климата, расы и вообще опредѣленной среды. Демократизированіе Европы направляется къ созданію рабскаго типа людей [3]). Современный рабочій вопросъ—совершенная нелѣпость: изъ рабочихъ типа китайцевъ хотятъ сдѣлать господъ [4]). Во всѣхъ европейскихъ странахъ распространена болѣзнь воли. Нитцше располагаетъ ихъ въ этомъ отношеніи въ извѣстномъ порядкѣ. Сначала идетъ Франція, гдѣ болѣзнь воли развилась до крайней степени. Затѣмъ немного сильнѣе ея Германія, особенно на сѣверѣ. Далѣе идетъ Англія. Наибольшей степени силы развитія воля достигла въ Россіи. Она—единственная, много обѣщающая въ Европѣ сила, крѣпкое, единое государство, противоположное остальнымъ мелкимъ европейскимъ государствамъ [5]). Нитцше высказываетъ большія опасенія за дальнѣйшее существованіе

---

[1]) Ibidem, 89—90 s.
[2]) Also sprach Zarathustra, 62—64 s.
[3]) Ienseits von Gut und Böse, 204—208 s.
[4]—[5]) Götzendämmerung, 93, 91 s.

западно-европейскихъ странъ, живущихъ подъ вѣчнымъ страхомъ нападенія со стороны могущественной Россіи. Чтобы освободить Европу отъ этой большой опасности, нужны не одни только войны въ Индіи и всякія политическія осложненія въ Азіи, но также, главнымъ образомъ, и то, чтобы Европа рѣшилась разъ навсегда покончить съ системой раздробленія ея на мелкія государства и создать одну, господствующую надъ всей Европой, касту, въ которой воплотилась бы единая воля. Теперь не время для политики мелкихъ государствъ: ближайшее столѣтіе—эпоха борьбы за всемірное господство, новый воинственный періодъ, въ которой Европа уже вступила въ настоящемъ столѣтіи [1]).

Характеризуя общественную жизнь отдѣльныхъ западноевропейскихъ народовъ, Нитцше, прежде всего, отказывается признать, установившуюся за нѣмцами, репутацію глубокаго ума, который скорѣе отличается порывами къ неизвѣстному, неясному, неопредѣленному. „Нѣмецъ не только существуетъ, онъ развивается. Понятіе развитія—нѣмецкая выдумка, которая вмѣстѣ съ нѣмецкой музыкой и пивомъ прививаетъ нѣмецкіе вкусы ко всѣмъ европейскимъ народамъ“. Нѣмецкая наука тяжеловѣсна и отвлеченна; нѣмецкое искусство безвкусно. Англія лишена способности къ философіи; она—страна, гдѣ господствуютъ новыя плебейскія идеи. Современная Франція—мѣсто возвышенной культуры, всѣхъ чаръ скептицизма и высшей школы вкуса для всей Европы. Философія Шопенгауэра сдѣлалась теперь во Франціи какъ-бы національной, какъ и взгляды Гегеля, воплотившіеся въ историческихъ трудахъ Тэна. Три обстоятельства обусловливаютъ превосходство французовъ надъ другими европейскими народами. Это, во первыхъ, способность къ артистическому воодушевленію, привязанность къ формѣ въ искусствѣ. Кромѣ

---

[1]) Ienseits von Gut und Böse, 154—156 s.

того, культура Франціи отличается морализирующимъ характеромъ и, наконецъ, самая натура француза представляетъ собою удачное соединеніе южнаго темперамента и сѣверной разсудочности [1]). Независимо отъ этихъ національныхъ качествъ главныхъ европейскихъ народностей, у всѣхъ нихъ проявляются одна и таже, рѣзко осуждаемая Нитцше, склонность, къ осуществленію идеи равенства, которая означаетъ конецъ справедливости: неравное никогда не можетъ сдѣлаться равнымъ [2]). Съ особенной силой онъ нападаетъ на всякія современныя соціалистическія и политическія теоріи и конституціи, въ которыхъ Нитцше видитъ одно изъ слѣдствій разложенія и паденія европейскаго общества [3]).

Но если Нитцше не удовлетворяютъ ни современное общее, нравственно-соціальное міровоззрѣніе, ни весь строй жизни европейскаго общества, то что же онъ предлагаетъ ему взамѣнъ такъ рѣзко и рѣшительно отвергаемыхъ имъ общеевропейскихъ идей и учрежденій? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ положительныя воззрѣнія самого Нитцше, высказываемыя имъ мимоходомъ при критикѣ взглядовъ и институтовъ европейскаго общества, и особое его, извѣстное намъ, сочиненіе: „Also sprach Zarathustra". Человѣкъ въ глазахъ Нитцше въ одно и тоже время твореніе и творецъ: въ его природѣ—матерія, хаосъ, разные обрывки, безсмыслица и, однако, онъ самъ творецъ своей силы, величія, мощи [4]). Онъ надѣленъ творческою способностью создавать представленія о мірѣ. Вся его тѣлесная и духовная жизнь только разнообразная игра всякаго рода влеченій, страстей, инстинктовъ нашей природы. Въ этихъ инстинктахъ—корень нравственности для истиннаго, сильнаго духомъ и тѣломъ че-

[1] и [3]) Ienseits von Gut und Böse, 208—227 и 136—137 s., Götzendämmerung, 88 s.

[2]) Götzendämmerung, 102 s.

[4]) Ienseits von Gut und Böse, 181 s.

ловѣка, который гордъ и презираетъ жалкую толпу слабыхъ рабовъ и стремится подчинить ихъ себѣ при помощи права и государства. Сильный человѣкъ самъ опредѣляетъ, что такое добро и зло, потому что онъ знаетъ, что ему полезно или вредно. Сильный духомъ не нуждается въ сверхестественномъ мірѣ, вѣра въ который произошла изъ безсилія угнетенныхъ и страдающихъ, ихъ неспособности овладѣть этимъ міромъ, приспособить его къ своимъ цѣлямъ [1]). Образцомъ такихъ сильныхъ людей были древніе, жизнерадостные греки и римляне, которые давали полный просторъ всѣмъ влеченіямъ и страстямъ, инстинктамъ своей природы. Они были сильны духомъ и тѣломъ, такъ какъ ихъ мораль, вытекающая изъ инстинктовъ природы человѣка, его жажды жизни [2]), давала имъ сознаніе могущества, превосходства надъ массою дѣйствительныхъ рабовъ. Новая, христіанская мораль, обезпечивающая толпѣ господство надъ лучшимъ меньшинствомъ, должна быть оставлена для блага дальнѣйшей цивилизаціи общества. Послѣдняя должна совершаться въ интересахъ наиболѣе сильныхъ и энергичныхъ людей, богато одаренныхъ отъ природы и способныхъ добиться признанія своего превосходства надъ массой. Ко вкусамъ такого рода людей нужно приспособить всю общественную жизнь со всѣми ея учрежденіями. Въ обществѣ долженъ установиться взглядъ, что совершенство человѣка и задача всей его жизни заключается не въ служеніи невѣдомымъ высшимъ цѣлямъ (аскетическимъ идеаламъ), а развитіи всѣхъ инстинктовъ человѣческой природы. Наука и искусство должны спуститься съ заоблачныхъ высотъ на землю и заняться здѣсь реальными потребностями

---

[1]) Also sprach Zarathustra, 38—39 s.

[2]) „Основная черта эллинскаго инстинкта—его воля къ жизни", которая выражается въ мистеріяхъ Діонисія: „въ нихъ торжествуетъ вѣчная жизнь, вѣчное ея возвращеніе, глубочайшій инстинктъ жизненности" (Götzendämmerung, 112—113 s.).

людей, развить въ нихъ любовь къ жизни. Семейная жизнь можетъ быть дозволена только энергичнымъ людямъ съ сильно развитыми инстинктами и способностью добиться самостоятельнаго и независимаго положенія въ обществѣ. Право и государство предназначаются для однихъ только сильныхъ духомъ и тѣломъ. Такъ какъ люди неравны въ своихъ силахъ, инстинктахъ и стремленіяхъ, то поэтому должны быть неравны и ихъ права и обязанности. Поэтому современному государству слѣдуетъ оставить всякія заботы о благосостояніи народныхъ массъ. Подобное демократическое направленіе въ дѣятельности европейскаго государства—признакъ вырожденія, упадка современной культуры.

„Мы новые люди, замѣчаетъ Нитцше, наслѣдники угрызеній совѣсти, самовольныхъ мученій, къ которымъ люди привыкли въ продолженіе тысячелѣтій. Человѣкъ слишкомъ долго относился къ своимъ естественнымъ наклонностямъ подозрительно, видѣлъ въ нихъ одно злое, исполненіе котораго вызывало въ немъ мученія совѣсти. Необходимо добиться того, чтобы, наоборотъ, эти ея угрызенія появлялись у людей при всякихъ неестественныхъ склонностяхъ, при всякаго рода призывахъ къ прежнимъ идеаламъ, инстинктамъ, враждебнымъ жизни, природѣ человѣка. Но, спрашиваетъ Нитцше, къ кому должны быть обращены эти наши надежды, кто въ состояніи произвести такое коренное измѣненіе въ чувствахъ, понятіяхъ и учрежденіяхъ? Для достиженія этой цѣли нужны люди особаго рода, которыхъ едва-ли можно встрѣтить въ текущемъ столѣтіи, люди, закаленные въ войнахъ и побѣдахъ и привыкшіе къ приключеніямъ, опасностямъ, болямъ, завоеванію. Отъ нихъ требуется привычка къ рѣзкому горному воздуху, зимнимъ непогодамъ, крѣпкое здоровье“ [1]). Нитцше возлагаетъ большія надежды на настоя-

---

[1]) Genealogie der Moral, 110—112 s.

щихъ философовъ, которые послѣ тяжелой предварительной работы могутъ потрудиться надъ созданіемъ новыхъ цѣнностей въ разныхъ областяхъ (логической, художественной, моральной). Эти „истинные философы явятся въ этомъ случаѣ властными законодателями: они опредѣлятъ долгъ каждаго и назначеніе человѣка, овладѣютъ прошедшимъ, возмутся творческой рукой за будущее, пользуясь всѣми нужными для этого средствами“ [1]). Нитцше увѣренъ, что рано или поздно, но въ болѣе лучшія времена сравнительно съ настоящею тяжелою эпохой долженъ появиться человѣкъ „великой любви и презрѣнія, творческій духъ, который освободитъ людей отъ ихъ проклятія, наложеннаго на нихъ прежними идеалами, отъ нигилизма и возвратитъ людямъ надежду на настоящую жизнь на землѣ. Типъ этого сильнаго человѣка грядущаго, который отрѣшится отъ современныхъ религіозныхъ, моральныхъ и всѣхъ обычныхъ понятій, обычаевъ и учрежденій и будетъ жить только согласно съ инстинктами своей природы,—„сверхчеловѣкъ“ (Übermensch), *Заратустра* [2]).

Этотъ Заратустра—мудрецъ, жившій десять лѣтъ на горѣ въ гордомъ уединеніи и размышленіяхъ о судьбахъ людей и затѣмъ спустившійся къ нимъ, чтобы научить новой жизни, гдѣ каждый могъ бы быть единственнымъ господиномъ и судьею всѣхъ своихъ мыслей, всего поведенія. Заратустра въ сопровожденіи орла и змѣи, эмблемъ гордости и мудрости, и своихъ учениковъ ходитъ по землѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ поучаетъ людей, какъ имъ устроить этотъ новый образъ своей жизни, внушаетъ имъ безпрерывно, что они должны забыть все, чѣмъ люди жили до сихъ поръ, и выработать изъ себя сильныхъ духомъ и тѣломъ и свободныхъ личностей съ энергичной волей, рѣши-

---

1) Ienseits von Gut und Böse, 161—162 s.

2) Genealogie der Moral, ibidem.

мостью развить всѣ инстинкты и влеченія своей природы и жить только согласно съ ними. Настоящее время—лишь переходная эпоха къ періоду, когда настанетъ царство „сверхчеловѣка“ [1]). Человѣческій духъ долженъ пережить три превращенія: изъ верблюда, на котораго навалена вся тяжесть обычныхъ понятій и нравовъ, сдѣлаться львомъ, сила и мужество котораго нужна людямъ, чтобы обезпечить себѣ свободу и создать новыя цѣнности, и, наконецъ, стать ребенкомъ, подобно ему забыть все прошедшее и начать, играя, новую жизнь [2]). Люди должны прислушаться къ искреннимъ и частымъ голосамъ здороваго тѣла, не презирать его во имя души,—его орудія, а, наоборотъ, признавать его требованія и исполнять ихъ, предаваться всѣмъ удовольствіямъ и страстямъ, веселиться беззаботно, смѣяться, пѣть пѣсни, танцовать. Проводя свою жизнь въ наслажденіяхъ, люди должны отворачиваться отъ „проповѣдниковъ смерти“, которые внушаютъ имъ презрѣніе къ плоти и постоянно напоминаютъ о страданіяхъ и смерти. Цѣломудріе не всегда добродѣтель: часто изъ за нея проглядываетъ чувственность. Взгляды на то, что хорошо или дурно, чрезвычайно разнообразны на землѣ: но всюду самъ человѣкъ создаетъ мѣру вещей, самъ оцѣниваетъ ихъ. У человѣчества нѣтъ какой-либо единой цѣли [3]). Труденъ путь того, кто берется за созданіе новыхъ цѣнностей! Но Заратустра идетъ этой тяжелой дорогой и учитъ людей оставаться вѣрными землѣ, не убѣгать отъ ея радостей въ призрачную, туманную даль общепринятыхъ представленій о невѣдомой жизни. Не любовь къ ближнему онъ внушаетъ людямъ, а любовь къ отдаленнѣйшему, будущему (сверхчеловѣку). Нельзя питать сожалѣнія къ тому, что должно быть уничтожено. Заратустра не

---

[1]) Also sprach Zarathustra, 5—26 s.
[2]—[3]) Also sprach Zarathustra. 29—32, 40—47, 59—61, 74, 80—83 s.s.

любитъ представителей религіи—проповѣдниковъ состраданія къ ближнему, смиренія, униженія, восхваляющихъ страданія, мученія грѣшниковъ и обѣщающихъ загробныя награды за добродѣтель [1]). Много есть разныхъ взглядовъ на то, что такое добродѣтель, и, не смотря на это, всѣ считаютъ себя добродѣтельными. Вѣрятъ въ справедливость, какъ одну изъ этихъ добродѣтелей. На самомъ дѣлѣ люди не равны и не должны быть равны другъ другу. Заратустра — свѣтъ среди ночного мрака; его духъ—пѣснь любящаго, жажда любви. Онъ стремится къ жизни, любитъ ее только, хотя въ немъ и появляется иногда сомнѣніе, зачѣмъ жить и вообще стоитъ-ли жить? Умираютъ мечты юности, ея невинныя утѣхи и незабвенныя радости. Остается одно безсмертное въ человѣкѣ, неизмѣняющееся съ годами: это—его воля, неистощимый источникъ жизни, стремленіе къ истинѣ, творчеству новаго міра. Рядомъ съ повелѣвающими должны находиться и тѣ, которые желали бы повиноваться имъ, признавать въ нихъ своихъ господъ. Нужна творческая воля для разрушенія существующихъ понятій о добромъ и зломъ и созданія новаго рода цѣнностей. Во всѣхъ образованныхъ странахъ масса всякихъ остатковъ прошедшаго, религіозныхъ воззрѣній и обычаевъ. Люди лицемѣрятъ, когда они выказываютъ презрѣніе къ земному, которое они любятъ всѣми инстинктами своей природы [2]). Человѣкъ любитъ жизнь, какъ солнце—источникъ всего живаго на землѣ. Земля имѣетъ кору,

---

[1]) „Сверхчеловѣкъ“ Нитцше—полная противоположность современному христіанину во взглядахъ на задачи всей земной жизни. Поэтому Нитцше и ставитъ себѣ цѣль дать совершенно другую оцѣнку всѣмъ вещамъ, которую онѣ имѣютъ въ христіанскомъ міровоззрѣніи (см. „Antichrist“ и друг. сочиненія Нитцше).

[2]) „Самымъ лучшимъ было бы для меня, говоритъ лицемѣръ, взирать на жизнь безъ всякихъ желаній, чувствовать себя счастливымъ отъ такого равнодушнаго ея созерцанія, любить землю подобно, отдаленной отъ нея, лунѣ и только взорами наблюдать всѣ земныя красоты“ (Also sprach Zarathustra, 175 s.).

у которой есть особыя болѣзни. Одна изъ нихъ—человѣкъ. Заратустра не нашелъ настоящихъ, цѣльныхъ людей на землѣ, а только ихъ части, на которыя они раздроблены какъ бы послѣ губительнаго сраженія. Единственный зритель, надѣленный желаніями и творецъ будущаго, былъ самъ Заратустра съ его мечтами о сверхчеловѣкѣ, предварительной подготовкѣ къ его появленію. Полный загадокъ и горечи, путешествовалъ онъ повсюду, питая ненависть ко всему мелочному ходу жизни народовъ. Заратустра скорѣе желалъ бы слышать шумъ, громъ, бурю, нежели эту подозрительную тишину [1]). Все обычное ученіе о счастьи и добродѣтели внушаетъ ему одно презрѣніе: подъ добродѣтелью понимаютъ то, что дѣлаетъ людей нѣжными и скромными. Но это—жалкая посредственность. Слишкомъ много пощады, самопожертвованія, любви къ ближнему въ людяхъ! Заратустра увѣщеваетъ ихъ любить лишь самихъ себя—и смѣется надъ всякимъ сожалѣніемъ. Всѣ смотрятъ на него, какъ на дикаго и чуждаго людямъ и поэтому одинокаго, отшельника, который тѣмъ не менѣе не видитъ ничего дурного, порочнаго въ развитіи чувственности въ людяхъ, властолюбія и здороваго себялюбія, свойственныхъ сильнымъ натурамъ. Люди страдаютъ подъ тяжестью разныхъ странныхъ словъ и ложной оцѣнки вещей, отъ которой Заратустра освободитъ ихъ своимъ новымъ ученіемъ, разбудитъ отъ вѣковой спячки своею проповѣдью о добрѣ и злѣ. Настоящій человѣкъ не имѣетъ самостоятельныхъ цѣлей въ своей жизни: онъ только переходъ къ новой зарѣ, сверхчеловѣку. Заратустра даетъ людямъ новыя заповѣди, научаетъ ихъ не щадить своего ближняго и любить грядущаго, отдаленнаго. До сихъ поръ не знали, а только мечтали о звѣздахъ и будущемъ, не зна-

---

[1]) Also sprach Zarathustra, 87—90, 108—111, 84—86, 123—135, 140—143, 181, 149—165, 170, 175, 178, 188, 201—204, 219—240 s.s.

ли и о томъ что хорошо и дурно. Лучшій, благородный, сильный желаетъ и долженъ господствовать надъ народомъ: въ обществѣ людей всегда есть нужда въ властителѣ [1]). Будьте жестоки и безпощадны ко всѣмъ—такова заповѣдь Заратустры людямъ: только жестокій—истинно благородный [2]). Человѣку нужно худшее въ виду его блага: все злѣйшее—его лучшая сила и основаніе для созданія новаго добра. Заратустра называетъ себя учителемъ вѣчнаго возрожденія всѣхъ вещей въ мірѣ, а также и человѣка. Тоскливое чувство и жалобы Заратустры разрѣшаются пѣніемъ и танцами въ честь жизни, невинной, нетерпѣливой, подвижной, изобрѣтательной, и—вѣчности. Заратустра слышитъ затѣмъ отчаянный призывъ къ помощи, идетъ на этотъ крикъ и встрѣчается съ цѣлымъ рядомъ людей, которые спѣшатъ къ нему, желая поучиться новой жизни. Онъ встрѣчаетъ сначала предсказателя, потомъ двухъ королей, изъ которыхъ одинъ выражаетъ горячее желаніе, чтобы поскорѣе явился на землѣ могущественный, сильный человѣкъ [3]). Другой король восхваляетъ войну, какъ источникъ жизни на землѣ. Старый волшебникъ искалъ истиннаго, простаго, мудраго, великаго человѣка, Заратустру, который неожиданно самъ набрелъ потомъ на добросовѣстнаго изслѣдователя мудрости человѣческаго духа. Къ Заратустрѣ же приходитъ извѣрившійся, послѣдній представитель религіи (папа), который надѣется найти въ Заратустрѣ послѣдняго набожнаго и святаго человѣка, незнакомаго съ тѣмъ, что дѣлается во всемъ мірѣ [4]). Въ своемъ путешествіи Заратустра приходитъ въ долину, извѣстную подъ именемъ—„змѣиной смер-

---

[1]) Ibidem, 243—245, 247—248, 253, 265—266, 271—276, 279—281, 285—287, 291 s. и 305 s.

[2]) Ibidem, 308 s., cp. Götzendämmerung, Anhang: „Hammer redet“.

[3]) Нѣтъ большаго несчастія на землѣ, какъ если сильнѣйшіе люди—не первые между всѣми: тогда наступаетъ господство черни и ея добродѣтелей (354 s.).

[4]) Also sprach Zarathustra, 315, 317—318, 320—335, 345, 347, 351—355, 357—360, 369, 371—372 s.

ти“: здѣсь были однѣ голыя скалы, никакой растительности, ничего живаго. Только старыя зеленыя змѣи приходятъ умирать въ это ужасное мѣсто. Здѣсь же живетъ „ненавидимый всѣми“ человѣкъ, котораго никто не видитъ, кромѣ Бога. Но сознаніе этой зависимости отъ Него тяжело „ненавистному человѣку“, который сталъ поэтому атеистомъ. Когда Заратустра увидалъ его, то почувствовалъ сожалѣніе, которое такъ долго Заратустра пытался уничтожить въ себѣ. Но онъ подавилъ въ себѣ сожалѣніе и сердце его снова стало жестоко: сильному духу сомнѣніе недоступно. Заратустрѣ встрѣтился еще странствующій нищій, который когда-то былъ богачемъ, но оставилъ свое богатство и искалъ счастья среди не людей, а животныхъ. Возвратившись въ свою хижину, Заратустра нашелъ тамъ всѣхъ, кто встрѣчался ему на пути, привѣтствовалъ своихъ гостей — „высокихъ людей“ и продолжалъ съ ними бесѣды о высшемъ, сильномъ человѣкѣ, котораго не признаетъ чернь съ ея ожиданіями всеобщаго равенства [1]. Послѣ нѣсколькихъ сценъ, въ которыхъ выразились разные протесты со стороны тѣхъ или другихъ гостей Заратустры противъ его ученія, обширная книга о немъ заканчивается побѣдоноснымъ, торжествующимъ сознаніемъ самого Заратустры, что совершились всѣ перемѣны, нужныя для появленія сверхчеловѣка: спала съ людей тяжесть обычныхъ понятій и вѣрованій, явился левъ и близко появленіе дѣтей Заратустры. Теперь онъ, „страстный и сильный, покинулъ свою хижину, подобно солнцу, выходящему изъ туманныхъ горъ“ [2]).

Когда появится этотъ, желанный Нитцше, Заратустра, неизвѣстно. Но онъ убѣжденъ, что пришествіе въ міръ „сверхчеловѣка“ неминуемо. Каждая женщина должна меч-

---

[1]) Ibidem, 378—387, 401—426 s.
[2]) Also sprach Zarathustra, 427—472 s.

тать лишь о томъ, чтобы сдѣлаться его матерью [1]). Прообразы „сверхчеловѣка" Нитцше видитъ въ выдающихся историческихъ личностяхъ (напр., въ Наполеонѣ I и др.) [2]). „Великіе люди, замѣчаетъ онъ, необходимы; но они появляются случайно и всегда сильнѣе, старше, умнѣе своего времени. Но только великія эпохи,—конецъ ихъ знаетъ такихъ людей" [3]). Такое время настанетъ для человѣчества, когда оно, отказавшись отъ своихъ настоящихъ понятій и учрежденій, возвратится къ природѣ, естественной жизни человѣка съ свободной, плодотворной игрой всѣхъ его силъ и инстинктовъ [4]). Таково пониманіе прогресса у Нитцше, который не допускаетъ мысли объ его возможности при господствѣ въ европейскомъ обществѣ христіанской религіи и морали, такъ противоположныхъ всѣмъ идеаламъ Нитцше: христіанство возстаетъ противъ всякихъ привиллегій, оно—евангеліе бѣдныхъ, угнетенныхъ, безсмертная религія любви [5]). Величіе прогресса соразмѣряется, по мнѣнію Нитцше, съ количествомъ того, что жертвуется для него. Поэтому онъ называетъ прогрессомъ, если все человѣчество будетъ принесено въ жертву для того, чтобы появился одинъ сильный духомъ и тѣломъ человѣкъ [6]). Но пока станетъ возможнымъ его появленіе, каждый больной объявляется Нитцше паразитомъ общества, котораго врачи не должны лѣчить. Каждый пусть имѣетъ мужество гордо жить, пока это возможно, и также гордо, свободно и радостно умереть въ присутствіи дѣтей и постороннихъ свидѣтелей въ сознаніи, что онъ достигъ того, что могъ, умираетъ въ надлежащее время, послѣ испытан-

---

1) Ibidem, 92 s.
2) Genealogie d. Moral, 53 s.
3) Götzendämmerung, 96—97 s.
4) Ibidem, 101—102 s.
5) Ibidem, 47 s.
6) Genealogie der Moral, 86—87 s.

ной борьбы за свое существованіе. Свободный въ своей жизни, человѣкъ долженъ быть свободенъ и въ своей смерти [1]).

V.

Мы познакомились съ общимъ характеромъ философскихъ, нравственныхъ и всѣхъ соціальныхъ воззрѣній графа Толстого и Ф. Нитцше, такъ рѣзко различающихся во взглядахъ на задачи жизни человѣка и высшіе идеалы всей будущей цивилизаціи общества. Возникаетъ естественно вопросъ, какъ могли появиться въ наше время двѣ эти моральныхъ системы, совершенно противоположныя другъ другу и, что еще болѣе удивительно, какъ каждая изъ нихъ нашла въ обществѣ массу горячихъ сторонниковъ—въ тоже время противниковъ другой? Уже одинъ рѣзкій контрастъ нравственныхъ взглядовъ Толстого и Нитцше наводитъ на мысль, что европейское общество конца XIX вѣка переживаетъ какой-то особенный, критическій періодъ своей жизни, когда людей не удовлетворяютъ тѣ культурныя ея формы, въ которыхъ они живутъ въ настоящее время. А между тѣмъ, эта общественная жизнь Европы такъ богата всякаго рода благами, духовными и матеріальными, что ими можетъ быть удовлетворенъ самый изысканный вкусъ любого европейца! Всѣ эти блага достались обществу не даромъ, цѣною вѣковаго, непрестаннаго труда, который въ XIX ст. подъ вліяніемъ необыкновеннаго успѣха въ развитіи естественныхъ наукъ принялъ самыя разнообразныя формы. Не отстало отъ матеріальнаго прогресса развитіе въ современной Европѣ науки, разныхъ формъ искусства, общественныхъ и политическихъ учрежденій. Умъ человѣка поднялся на необыкновенную высоту въ своихъ вѣчныхъ поискахъ за истиной. Ему сдѣлались

---

[1]) Götzendämmerung, 83—84 s., Also sprach Zarathustra, 101—104 s.

доступны тайны мірозданія, бывшія для человѣчества загадкой цѣлые десятки столѣтій. Въ произведеніяхъ искусства въ XIX ст. европейское общество владѣетъ неисчерпаемымъ источникомъ благородныхъ чувствъ и возвышенныхъ стремленій къ идеаламъ правды, добра и красоты. Вся современная общественная жизнь предоставляетъ человѣку самый широкій просторъ въ развитіи всѣхъ силъ его природы, даетъ ему всѣ средства для достиженія самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ цѣлей. Но такое, повидимому, совершенно здоровое и жизнерадостное существо, каковъ современный европеецъ, не радуютъ, окружающія его, блестящія формы общественной жизни, въ которой онъ принимаетъ самъ такое видное, дѣятельное участіе. Его начинаетъ утомлять вѣчная работа надъ накопленіемъ матеріальныхъ благъ, неустанная погоня за ними, которая не сопровождается справедливымъ, равномѣрнымъ участіемъ въ нихъ всѣхъ людей. Въ современномъ человѣкѣ поднимается и все болѣе и болѣе заявляетъ о себѣ чувство полной неудовлетворенности окружающимъ его общественнымъ бытомъ, такъ далекимъ отъ идеаловъ равенства и свободы, провозглашенныхъ въ качествѣ основаній общественнаго быта еще сто лѣтъ тому назадъ. Все текущее столѣтіе прошло въ неудачныхъ, безплодныхъ попыткахъ провести въ жизнь эту идею о равной свободѣ всѣхъ людей, какъ необходимое условіе для достиженія разнообразныхъ, жизненныхъ ихъ цѣлей. Вмѣсто ожидаемаго примиренія на этой общей почвѣ интересовъ различныхъ общественныхъ классовъ Европа присутствуетъ предъ картиной все болѣе и болѣе обостряющихся отношеній между представителями капитала и труда, заставляющихъ многихъ ученыхъ и политиковъ искать спасенія въ однихъ только экономическихъ реформахъ, которыя не въ состояніи, однако, оправдать возлагаемыя на нихъ надежды. Политическія бури первой половины XIX ст. смѣнились во вторую его половину грознымъ

соціальнымъ вопросомъ, трудно разрѣшимымъ при современныхъ условіяхъ общественной жизни. Каждый дальнѣйшій шагъ въ дѣятельности общества открываетъ предъ нимъ въ перспективѣ сильно и неудержимо надвигающіеся на него разнаго рода жизненные вопросы, требующіе скораго и настоятельнаго разрѣшенія. Всѣ они для современнаго человѣка обобщаются въ одинъ общій, роковой для него, вопросъ о томъ, къ чему онъ долженъ стремиться въ своей дѣятельности, которая сплошь и рядомъ оказывается ничтожной, безплодной для примиренія идеальнаго представленія о человѣкѣ въ смыслѣ ученія о нравственности христіанства и современной науки морали съ дѣйствительною жизнью, борьбой въ ней разнообразныхъ, противоположныхъ интересовъ? Мыслящій человѣкъ нашей эпохи жадно прислушивается къ мнѣніямъ авторитетныхъ людей, предлагающихъ ему то или другое разрѣшеніе волнующаго его вопроса, и чѣмъ ни рѣзче расходятся, рекомендуемыя ему, новыя формы общественной жизни съ современными, тѣмъ бо́льшее вниманіе онъ обращаетъ на нихъ въ надеждѣ *разомъ* покончить со всѣми своими сомнѣніями и увидать на дѣлѣ исполненіе своихъ страстныхъ упованій на общее благосостояніе и счастье. Несомнѣнно также, что вниманіе современнаго европейскаго общества къ взглядамъ Толстого и Нитцше вытекаетъ еще изъ того обстоятельства, что эти два философа-моралиста придерживаются совершенно различныхъ, противоположныхъ міровоззрѣній. Одинъ (Толстой) проповѣдуетъ альтруистическую мораль, мечтаетъ о торжествѣ христіанской заповѣди о любви къ ближнему, о побѣдѣ надъ всѣми, противорѣчащими ей, понятіями и учрежденіями. Другой (Нитцше) отрицаетъ и эту мораль самопожертвованія, и всѣ, основанныя на ней, понятія и учрежденія современнаго общества, оправдываетъ въ тѣхъ и другихъ всѣ отступленія въ сторону развитія языческаго, эгоистическаго начала и надѣется на

побѣду его въ болѣе или менѣе ближайшемъ будущемъ надъ христіанскимъ міровоззрѣніемъ. Отсюда понятно, почему одна часть современнаго общества, вѣрящая въ настоящія религіозно-нравственныя воззрѣнія и убѣжденная въ ихъ превосходствѣ и неминуемомъ осуществленіи въ будущемъ, примыкаетъ къ симпатичнымъ ей взглядамъ гр. Толстого. Всѣ же люди, нераздѣляющіе этихъ оптимистическихъ воззрѣній, сами съ наклонностями, привычками въ духѣ идей Нитцше и увѣренные при видѣ многочисленныхъ фактовъ изъ современной общественной жизни въ необходимомъ преобладаніи себялюбивыхъ стремленій человѣка надъ альтруистическими его наклонностями, такіе люди естественно склоняются въ сторону рѣзкой критики всего современнаго быта и самостоятельныхъ понятій и соціальныхъ плановъ Нитцше, такъ оригинальныхъ по своему содержанію и особенно формѣ. Такъ можно объяснить тотъ фактъ, какимъ образомъ при однихъ и тѣхъ же условіяхъ жизни общества возникли, такъ сильно различающіяся другъ отъ друга, нравственныя воззрѣнія гр. Толстого и Ф. Нитцше и почему имена и взгляды обоихъ этихъ писателей-моралистовъ сдѣлались необыкновенно популярными.

Общность соціальныхъ условій, при которыхъ возникли моральныя системы Толстого и Нитцше, отразилась на многихъ *сходныхъ* чертахъ ихъ нравственнаго міровоззрѣнія. И Толстой, и Нитцше одинаково задались цѣлью пересмотрѣть весь запасъ нравственныхъ понятій, въ которыхъ европейское общество напрасно ищетъ источника исцѣленій отъ одолѣвающихъ его всякаго рода бѣдствій. Въ лицѣ обоихъ этихъ писателей воплощается пытливый, одолѣваемый сомнѣніями, вѣчно ищущій истины умъ европейца конца XIX ст., который сознаетъ всю необходимость выдти изъ лабиринта, бросающихся въ глаза, противорѣчій въ общественной жизни между нравственными и соціальными его идеалами и дѣй-

ствительными въ ней порядками. На эти противорѣчія наводятъ Толстого и Нитцше ихъ первоначальныя литературныя занятія, дѣятельность въ области искусства, въ произведеніяхъ котораго всегда отражается вся жизнь съ ея лучшими и худшими сторонами. Но Толстой и Нитцше скоро замѣтили, что искусство не можетъ дать отвѣта на тѣ важнѣйшіе вопросы жизни, на которыхъ оба они остановили свое вниманіе. Поэтому и тотъ, и другой обращаются за отысканіемъ фундамента для предполагаемаго ими зданія новой морали и созданія ея самой къ философіи, издавна занимавшейся изученіемъ вѣчныхъ загадокъ человѣческой и міровой жизни. Изъ всѣхъ многочисленныхъ философовъ XIX ст. наши писатели-моралисты избрали себѣ въ учителя Шопенгауэра, во взглядахъ котораго отразились ярко всѣ особенности общественной жизни Запада въ XIX ст. Каждый изъ нихъ взялъ наиболѣе важную на его взглядъ сторону въ общемъ ученіи Шопенгауэра и съ его помощью предпринялъ работу рѣшительной и безпощадной критики всѣхъ понятій и учрежденій европейскаго общества, начиная съ религіозныхъ. И Толстой, и Нитцше отрицательно относятся къ современному пониманію христіанства, оба отвергаютъ сверхестественный элементъ въ религіи, признавая въ тоже время общественное значеніе христіанства, какъ необходимаго и драгоцѣннаго средства для удовлетворенія потребности массы въ жизненномъ идеалѣ. Вмѣсто, отвергнутой ими, религіи европейскаго общества каждый изъ нихъ создаетъ теперь свою особенную религію, связанную съ представленіемъ объ улучшеніи только земной жизни людей, ихъ благосостояніи, счастьи. Порицанію обоихъ философовъ подвергаются и современная наука, искусство, семейная жизнь, юридическія и политическія учрежденія. И Толстой, и Нитцше указываютъ на безпрерывныя колебанія, шаткость современныхъ понятій о добрѣ и злѣ, какъ источникъ цѣлаго ряда ненормальныхъ явле-

ній, тяжелаго положенія отдѣльныхъ лицъ и общественныхъ классовъ. Оба они недовольны состояніемъ современной науки и искусства и взглядами общества на женщину, его заботами объ ея духовномъ развитіи и самостоятельности въ обществѣ. И Толстой, и Нитцше признаютъ за правомъ и государствомъ только значеніе историческихъ учрежденій, которыя въ, проэктируемомъ ими, будущемъ обществѣ будутъ излишними. И тотъ, и другой—философы дѣйствительности, на изученіи которой каждый изъ нихъ строитъ собственное міровоззрѣніе на сущность жизни, какъ безпрерывное движеніе къ совершенству. Толстой вмѣстѣ съ Нитцше вѣритъ въ прогрессъ человѣческаго рода, но идеалъ его будущаго различенъ, даже противоположенъ у каждаго изъ нихъ. Оба они одинаково выставляютъ на видъ контрастъ между древней и новой культурой европейскаго общества, причемъ симпатіи Нитцше всецѣло на сторонѣ античной цивилизаціи (Грековъ и Римлянъ), а гр. Толстой мечтаетъ о возвращеніи людей къ начальной эпохѣ европейской культуры, первымъ вѣкамъ христіанства. Но въ вопросѣ о томъ, *какъ* должна быть устроена вся жизнь европейскаго общества въ недалекомъ будущемъ, какія должны быть произведены въ ней измѣненія, наши моралисты совершенно расходятся.

Существенное *различіе* между Толстымъ и Нитцше въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, что первый кладетъ въ основу своей морали христіанское ученіе, хотя и своеобразно имъ понятое. Нитцше же открываетъ походъ противъ христіанства и его морали, противопоставляя ему свою мораль античнаго образца. Толстой громитъ современное общество за весь языческій порядокъ его жизни. Нитцше нападаетъ на него за то, что въ жизни европейскаго общества привилась христіанская мораль смиренія, терпѣнія, сострадания и самоотверженія,—добродѣтелей, чуждыхъ любимому Нитцше языческому міру. Толстой и Нитцше предлагаютъ

европейскому обществу двѣ разныхъ дороги: первый призываетъ его идти впередъ по пути безпрерывно развивающагося самоотверженія, совершеннаго отказа отъ личнаго счастья, всѣхъ благъ современной культуры, отвращающихъ человѣка отъ достиженія этого высшаго нравственнаго идеала. Второй увѣряетъ, что общество можетъ сохранить всю существующую культуру, но только изгнавши изъ нея этотъ христіанскій идеалъ самоотверженія, который мѣшаетъ созданію общественнаго строя, гдѣ могли бы найти мѣсто всѣ проявленія человѣческихъ влеченій, страстей, самое широкое развитіе всѣхъ силъ природы человѣка. Для графа Толстого вся жизнь современнаго общества съ ея наукой, искусствомъ, семейной жизнью, юридическими и политическими порядками—только тормазъ для примѣненія христіанскаго идеала любви къ ближнему: вся она, по словамъ Толстого, основана на насиліи, которое противорѣчитъ истинному пониманію христіанскаго ученія. Наоборотъ, Нитцше оставляетъ въ современной жизни все, что изгоняетъ изъ нея Толстой, но съ условіемъ, чтобы всѣ общественныя учрежденія были полезны только сильнымъ духомъ и тѣломъ, отдѣльнымъ личностямъ, но не всей народной массѣ въ томъ или другомъ государствѣ. Съ ея именемъ у Нитцше связывается неразрывно представленіе о толпѣ жалкихъ, ничтожныхъ, больныхъ и несчастныхъ людей, какомъ-то лишнемъ хламѣ, ненужномъ балластѣ въ современной жизни, который только препятствуетъ появленію въ ней лучшихъ экземпляровъ человѣческой природы. Но могущественный, сильный народъ долженъ господствовать надъ слабымъ. Толстой готовъ сохранить въ своемъ проэктируемомъ обществѣ *науку и искусство*, которыя должны перестать служить интересамъ однихъ только праздныхъ и богатыхъ людей, какъ теперь, и помогать всему народу въ улучшеніи всѣхъ условій матеріальной и духовной его жизни. Нитцше осуждаетъ науку и искусство

какъ разъ за то, что они много еще думаютъ объ этомъ народѣ, и предлагаетъ представителямъ науки и искусства позаботиться только объ интересахъ и удовольствіяхъ сильныхъ и богатыхъ людей и народовъ. Толстой считаетъ современную *музыку* за средство развитія чувственности въ богатыхъ и праздныхъ людяхъ и поэтому изгоняетъ ее изъ жизни. Нитцше музыка какъ разъ пріятна тѣмъ, что она поощряетъ эту чувственность въ людяхъ съ развитыми инстинктами и страстями. Его Заратустра постоянно танцуетъ и поетъ пѣсни, гдѣ восхваляется эта здоровая чувственность, незнающая никакихъ предѣловъ и ограниченій, кромѣ потребности къ удовлетворенію влеченій физической природы человѣка. Нитцше только противъ такого рода музыкальныхъ произведеній, въ которыхъ слышатся голоса съ невѣдомой, загробной стороны, отражаются идеальныя представленія о ней художниковъ (аполлоновское искусство). Красота, изящество, пластичность образовъ искусства должна носить чувственный характеръ, „обѣщать счастье человѣку" (діонисіевское искусство). Предъ взорами Толстого постоянно стоитъ его идеалъ нравственнаго усовершенствованія личности, ради котораго онъ готовъ пожертвовать всѣми удобствами современной городской жизни, которая только развращаетъ людей, совѣтуетъ всѣмъ переселяться въ деревню и вступать здѣсь въ непосредственное, любовное общеніе съ простымъ народомъ—воплощеніемъ всевозможныхъ добродѣтелей. Нитцше ужасаетъ одна мысль о возможности разрушенія современной городской цивилизаціи и возвращенія людей къ примитивному, сельскому быту, смѣшеніи въ безразличную массу сильныхъ съ слабыми, лучшихъ съ худшими. Толстой страстно полемизируетъ противъ войны, изображаетъ въ художественныхъ образахъ всѣ тяжелыя ея послѣдствія для жизни людей. Для Нитцше же война—удѣлъ храбрыхъ и сильныхъ мужчинъ, которые должны бороться съ слабыми и покорить ихъ себѣ. Толстой предназначаетъ

семью для тихой, наполненной личными привязанностями жизни, гдѣ женщина могла бы выполнить съ успѣхомъ свою естественную роль матери и воспитательницы своимъ дѣтей. Нитцше думаетъ не о мирной, идиллической жизни людей, а о войнѣ сильныхъ съ слабыми даже въ семьѣ, гдѣ сильный—мужчина долженъ подчинить себѣ слабую женщину, заставляя ее отказаться отъ мысли о равенствѣ съ мужчиной и оставляя только одну мечту сдѣлаться со временемъ матерью „сверхчеловѣка“. Поэтому Нитцше не осуждаетъ человѣчество на неизбѣжную гибель, какъ это дѣлаетъ Толстой, а предсказываетъ впереди блестящую будущность поколѣнію сильныхъ, мужественныхъ человѣческихъ личностей. Съ этою цѣлью браки у Нитцше заключаются для поощренія чувственныхъ наклонностей въ людяхъ, которыя Толстой старается искоренить въ нихъ всѣми мѣрами въ виду нравственнаго ихъ совершенствованія. Наконецъ, для Толстого право и государство—учрежденія, возникшія изъ преобладанія сильныхъ надъ слабыми, постоянно поддерживали и теперь служатъ только богатымъ и поэтому подлежатъ упраздненію въ идиллическомъ „Царствѣ Божіемъ“, которое осуществится тогда на землѣ. Нитцше признаетъ такое же происхожденіе права и государства, какъ и Толстой, но затѣмъ мирится съ ними и поручаетъ имъ миссію помогать развитію новой аристократіи, сильныхъ личностей и появленію въ будущемъ ихъ типа—„сверхчеловѣка“. Вся мораль Нитцше проникнута стремленіемъ развить всю человѣческую личность со всѣми ея потребностями до крайнихъ предѣловъ этого развитія; все нравственное міровоззрѣніе Толстого исходитъ изъ его убѣжденія, что отдѣльный человѣкъ долженъ направить всѣ свои усилія на нравственное усовершенствованіе своей личности, долженъ пожертвовать всѣмъ благу общества, народа.

Таковъ рѣзкій контрастъ морально-общественныхъ идеаловъ графа Толстого и Ф. Нитцше, изъ которыхъ каждый

съ своей точки зрѣнія жестоко нападаетъ на всю жизнь современнаго общества. Очевидно, что взятая въ отдѣльности критика Толстого или Нитцше не страшна обществу, которое видитъ въ ней только одностороннее, доходящее до крайняго преувеличенія, развитіе основныхъ взглядовъ того и другаго писателя. Каждый легко усмотритъ въ воззрѣніяхъ Толстого и Нитцше противопоставленіе двухъ противоположныхъ, морально-общественныхъ идеаловъ и, сочувствуя обоимъ моралистамъ въ ихъ обличеніяхъ современнаго общества въ разныхъ недостаткахъ, въ тоже время не можетъ согласиться цѣликомъ съ тѣмъ или другимъ философомъ-моралистомъ. Такъ всякій сознаетъ справедливость упрековъ Толстого и Нитцше въ формальномъ лицемѣрномъ отношеніи большинства людей къ христіанскимъ обязанностямъ, равнодушномъ, только механическомъ выполненіи почти всѣми религіозныхъ обрядовъ, въ которомъ отсутствуетъ истинно религіозное чувство. Всѣ мы знаемъ, какъ эта, умерщвляющая всякій искренній, живой порывъ къ добру, религіозная обрядность парализуетъ часто выполненіе великихъ, безсмертныхъ нравственныхъ завѣтовъ Основателя христіанской религіи. Намъ также симпатично требованіе Толстого отъ всѣхъ христіанъ, чтобы они стремились къ нравственному совершенствованію, а не подчинялись своимъ страстямъ, не заботились исключительно о развитіи чувственныхъ наклонностей своей природы. Но мы не можемъ согласиться съ Толстымъ, что христіанская мораль, понятая имъ противно христіанской религіи, должна остаться безъ всякаго фундамента, безъ догматическаго ученія, сохраняющагося въ церкви, что христіанскую вѣру въ Бога, какъ Высшее живое и личное Существо, можно замѣнить представленіемъ о какомъ-то безличномъ, мертвомъ, міровомъ разумѣ, который и не можетъ поэтому дать людямъ живой законъ любви. Тѣмъ болѣе намъ кажется противорѣчащею здравому смыслу,

указаніямъ исторіи, всему складу жизни европейскаго общества и нашему личному сознанію мысль Нитцше, что христіанская религія должна быть изгнана изъ общества, гдѣ она будто бы мѣшаетъ появленію сильныхъ личностей своими заботами о благѣ слабыхъ. Религіозныя представленія о Божествѣ, и отношеніи къ Нему міра и человѣка не имѣютъ ничего общаго съ, возникающими въ узкой области имущественной жизни человѣка, отношеніями кредитора къ должнику. Появленіе такого рода юридическихъ отношеній—фактъ уже развитаго общественнаго быта,—неизвѣстно примитивной жизни людей, которыя, однако, уже имѣютъ извѣстныя религіозныя представленія. Культъ предковъ произошелъ изъ почитанія дикарями, а затѣмъ жителями древнихъ, историческихъ государствъ (восточныхъ, греческихъ и римскаго) умершихъ предковъ, пользовавшихся при своей жизни особымъ уваженіемъ за высокія, духовныя и тѣлесныя, качества. Культъ мертвыхъ, выразившійся въ принесеніи жертвъ на ихъ могилахъ родственниками умершихъ и вѣрованіи древнихъ въ вліяніе ихъ на судьбу живыхъ,—одна изъ древнихъ религій, отличная по своему основному характеру отъ антропоморфизма—обожествленія древними греками и римлянами разныхъ, хорошихъ и дурныхъ, свойствъ и качествъ человѣческой природы. Если мы къ этимъ двумъ древнимъ религіямъ (культу предковъ и антропоморфизму) присоединимъ еще болѣе распространенную въ древности религію физической природы, которая состояла въ обожествленіи разныхъ силъ природы, то этотъ фактъ исконнаго существованія и разнообразія религій служитъ лучшимъ доказательствомъ глубокой потребности человѣка въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, которая не исчезаетъ и впослѣдствіи съ развитіемъ цивилизаціи общества, а, наоборотъ, принимаетъ здѣсь болѣе возвышенную форму. Уже въ первобытныхъ религіяхъ замѣтно присутствіе сверхестественнаго элемента, вѣрованіе въ живое, личное Бо-

жество, которое Само открываетъ о себѣ человѣку. Такой характеръ откровенія имѣли, напримѣръ, восточныя религіи. Человѣкъ представляетъ обыкновенно всю свою жизнь въ зависимости отъ Высшей Силы, съ Которой онъ находится въ постоянномъ общеніи и отъ Которой исходятъ предписанія, одобренія или порицанія его поведенія. Нарушеніе религіозныхъ предписаній влечетъ за собою представленіе о *грѣхѣ* и обязанности примиренія съ Богомъ, умиротворенія своей совѣсти посредствомъ молитвъ, религіозно-правственныхъ подвиговъ, жертвъ.

Всѣ эти общія черты религіи (вѣра въ общеніе человѣка съ живымъ, личнымъ Божествомъ, сверхестественное откровеніе—догматическое ученіе о Богѣ—и освященіе имъ человѣческаго поведенія) находятся во всѣхъ міровыхъ религіяхъ, начиная съ религій всѣхъ первобытныхъ обществъ. Дикари населяютъ божествами, духами, привидѣніями небо, воздухъ, воду, всѣ окружающіе ихъ предметы, надѣляютъ одушевляемые ими предметы своими собственными качествами и въ своемъ поведеніи сообразуются съ воображаемой волей боговъ, которую истолковываютъ жрецы. Всѣ божества восточныхъ народовъ, какъ и древнихъ грековъ и римлянъ, были высшія существа, личныя божества, оставившія послѣ себя откровенія своимъ почитателямъ (Будда у индусовъ, Зороастръ у персовъ, Озирисъ и Изида у египтянъ, Конфуцій у Китайцевъ, Зевесъ у грековъ, Юпитеръ у римлянъ). Тотъ же характеръ личнаго отношенія человѣка къ Высшему Существу, личному, живому Богу представляетъ собою христіанская религія съ ея возвышеннымъ откровеніемъ о Божествѣ (догматическимъ ученіемъ) и высшею моралью, санкціонированною вѣрой въ Бога, какъ высшаго Судью и Мздовоздаятеля. Даже позитивистъ О. Контъ, отрицавшій весь сверхестественный элементъ въ религіи, требовалъ отъ своихъ послѣдователей почитанія „Человѣчества“, какъ высшаго, живаго су-

щества, способнаго внять обращеннымъ къ нему молитвамъ при богослуженіи. Въ теченіе всей исторіи человѣчества мы встрѣчаемся съ жертвами Богу, сначала кровавыми (людьми, животными), потомъ денежными: въ нихъ выражалось всегда сознаніе грѣховности, желаніе примиренія съ оскорбленнымъ божествомъ и моленіе о защитѣ въ безпомощномъ состояніи человѣка и обезпеченіи ему всякаго рода благъ, счастья на землѣ. Отсюда вытекаетъ потребность въ богослуженіи, религіозныхъ обрядахъ, которые существуютъ во всѣхъ религіяхъ. Необходимымъ посредникомъ между Богомъ и людьми является особый классъ лицъ—жрецы, духовенство, пользовавшееся въ древнихъ государствахъ, особенно на Востокѣ, громаднымъ вліяніемъ на всю общественную жизнь. Поэтому-то Нитцше такъ сильно нападаетъ на древнія жреческія касты съ ихъ моралью воздержанія отъ проявленія инстинктовъ человѣческой природы, за господство которыхъ въ жизни человѣка такъ ратуетъ Нитцше. Во всей древности господствовалъ, восхваляемый имъ всѣми способами, культъ сильныхъ личностей и народовъ, царствовала, желанная Нитцше, аристократія въ смыслѣ деспотическаго господства надъ массою отдѣльныхъ знатныхъ и могущественныхъ лицъ, родовъ, племенъ и народовъ. Отъ грубаго произвола, жестокаго эксплоатированія населенія всѣми этими экземплярами сильныхъ личностей во вкусѣ Нитцше массы народа стонали цѣлые вѣка, страдали и погибали въ безпощадной борьбѣ за существованіе, на которую ихъ обрекало рабское подчиненіе повелителямъ разныхъ именъ и положенія. „Раса хищныхъ, бѣлокурыхъ звѣрей“ находила наслажденіе въ „бѣшеной, нелѣпой, внезапной страсти къ разрушенію и жестокости, разнузданности своихъ дикихъ инстинктовъ“. Неизвѣстно, до какихъ предѣловъ дошла бы эта разнузданность, жестокость и совершенное презрѣніе знатныхъ и сильныхъ людей къ интересамъ массы и ея стремленіямъ. Исторія только говоритъ намъ, что христіанство появилось

въ такой моментъ въ жизни человѣчества, когда въ римской имперіи господствовали подобныя сильныя личности, нестѣснявшіяся въ проявленіи своихъ грубыхъ, животныхъ влеченій, когда громадныя массы рабовъ служили прихотямъ гордыхъ и высокомѣрныхъ римскихъ гражданъ, напоминавшихъ собою „сверхчеловѣка" Нитцше своимъ полнымъ пренебреженіемъ къ участи несчастныхъ рабовъ и служеніемъ культу плоти, своимъ страстямъ. Древнему обществу грозило полное разрушеніе и паденіе и оно было спасено только христіанствомъ, возвѣстившимъ для громадныхъ массъ рабовъ начала братства, равенства всѣхъ предъ Богомъ. Вмѣсто себялюбиваго преслѣдованія людьми своихъ цѣлей христіанство поставило основаніемъ взаимныхъ отношеній людей любовь къ ближнему, которая цѣлые вѣка, медленно проникала въ жизнь людей, пока въ послѣднее столѣтіе не сдѣлалась главнымъ источникомъ прогресса въ европейскомъ обществѣ. Всѣ важнѣйшія реформы въ немъ на пользу народныхъ массъ, совершенныя за это время, могутъ быть объяснены лишь громаднымъ запасомъ въ обществѣ альтруистическихъ чувствъ, въ которомъ значительная доля принадлежитъ христіанской любви къ ближнему. Безъ нея трудно понять, почему наиболѣе сильные и богатые общественные классы поступаются своими правами и привиллегированнымъ положеніемъ въ обществѣ въ пользу низшихъ классовъ народа, охотно идутъ на встрѣчу ихъ стремленіямъ къ развитію своего матеріальнаго благосостоянія и пріобрѣтенію гражданскихъ и политическихъ правъ, равныхъ съ правами высшихъ классовъ [1]). Независимо отъ различія общественныхъ классовъ, христіанство допускаетъ семейную жизнь со всѣми ея идеалами, а также и жизнь человѣка въ обществѣ и государствѣ.

---

[1]) Блестящія доказательства всего важнаго вліянія христіанства на ходъ европейской цивилизаціи см. въ книгѣ *Бенжамена Кида:* „Соціальная эволюція". Изданіе Поповой. Спб. 1897.

Христіанство же, чего не хочетъ признать Нитцше, возвысило вообще человѣческую личность, внушаетъ ей сознаніе о высокихъ, нравственныхъ задачахъ человѣческой жизни, ради осуществленія которыхъ люди сдерживаютъ себя въ проявленіи чувственности, развитіи эгоистической наклонности своей природы. Нравственное ученіе христіанства, недостаточное примѣненіе котораго одна изъ главныхъ причинъ разнообразныхъ бѣдствій въ современной общественной жизни, христіанская мораль находится въ неразрывной связи съ христіанскимъ догматическимъ ученіемъ о Богѣ. Этотъ фактъ связи догмы съ моралью наблюдается одинаково во всѣхъ религіяхъ. Такъ примитивная религія—обоготвореніе силъ природы и человѣка; первобытная мораль—освященіе господства въ жизни людей грубыхъ, животныхъ стремленій, ихъ инстинктовъ, мораль Нитцше, способная возвратить людей къ эпохѣ варварства, давно пережитой ими, но едва ли заставить ихъ мечтать о страстно ожидаемомъ Нитцше царствѣ „сверхчеловѣка". Религія буддистовъ, наиболѣе распространенная и теперь въ Азіи, заключается въ вѣрѣ въ безпредѣльную пустоту, совершенное небытіе (Нирвану), ничтожество всего міра. Отсюда мораль буддизма состоитъ въ полномъ отреченіи отъ міра и его интересовъ, заглушеніи всѣхъ желаній и стремленій, въ вѣрѣ въ *Карму*—неизбѣжныя послѣдствія нашего образа дѣятельности въ прошлой и настоящей жизни [1]). Въ христіанствѣ Богъ—высшій образецъ, идеалъ духовнаго совершенства для людей; христіанская мораль—любовь къ Богу и ближнимъ, въ которой выражается стремленіе людей приблизиться къ этому идеалу. Христіанская мораль проповѣдуетъ не паденіе жизни, а ея высшее, нравственное возрожденіе; она даетъ людямъ типъ крѣпкой

[1]) См., переведенную Толстымъ, буддійскую сказку „Карма" въ 14 т. его сочиненій.

нравственными силами и развитіемъ человѣческой личности, совершенно неизвѣстный древнему, языческому міру. Нитцше, для котораго понятіе морали сливается съ представленіемъ о господствѣ въ жизни человѣка однихъ грубыхъ, животныхъ влеченій человѣческой природы, не знаетъ нравственной свободы человѣка, которая заключается въ его независимости отъ рабскаго подчиненія этимъ инстинктамъ и самостоятельности въ преслѣдованіи нравственныхъ идеаловъ, духовнаго совершенствованія личности. Нитцше, очевидно, не имѣетъ понятія о сущности морали, когда онъ приписываетъ ей принудительный характеръ, который отсутствуетъ въ истинной морали, обыкновенно сопровождаетъ проявленія въ обществѣ идеи права и дѣятельности государственной власти и свойственъ развѣ только „морали господъ", непривыкшихъ обращать вниманіе на какіе либо протесты подчиненныхъ имъ „рабовъ". Контрастъ между моралью господъ и рабовъ у Нитцше—пластическая картина противоположности между древнимъ и новымъ міромъ, въ которой, однако, первый представленъ въ искусственномъ, ложномъ освѣщеніи, а на послѣдній наложены слишкомъ густыя и мрачныя тѣни и краски. Древняя аристократія держала массу народа въ настоящемъ „рабскомъ" подчиненіи себѣ: послѣдняя была на самомъ дѣлѣ „стадомъ", предназначеннымъ служить прихотямъ и вкусамъ „господъ". Только эти всесильные и, незнающіе ни въ чемъ преграды своему произволу, господа считали себя обладателями міра и возводили всѣ проявленія своей необузданной чувственности (развратъ, властолюбіе, корыстолюбіе, месть и проч.) въ „добро". Все же, что стояло на пути къ удовлетворенію этихъ инстинктовъ „господъ", являлось въ ихъ глазахъ „зломъ". Далеко не всегда знатные, могущественные люди въ древности были вмѣстѣ съ тѣмъ „добрыми" въ смыслѣ духовнаго превосходства, которое чаще попадалось въ средѣ низшихъ, непривиллегированныхъ людей и даже настоящихъ рабовъ.

Съ появленіемъ христіанства измѣнился въ корнѣ взглядъ на то, что такое добро и зло, появилась истинная мораль, какъ идеалъ нравственнаго совершенствованія, стремленіе къ которому обязательно для *всѣхъ* людей. Теперь на первомъ планѣ стоятъ не нѣсколько отдѣльныхъ лицъ или отдѣльный классъ общества, интересамъ котораго обречена безповоротно служить вся народная масса, встрѣчающая за эту рабскую преданность одно только высокомѣрное презрѣніе и жестокое обхожденіе со стороны сильныхъ. Интересы всей массы, ранѣе гонимой, страдающей, и притомъ не одни матеріальные, но, главнымъ образомъ, интересы высшаго рода—духовное ея совершенство—развитіе во всѣхъ людяхъ чувства, идеи долга и нравственныхъ качествъ, такъ презираемыхъ Нитцше, милосердія, состраданія, любви къ ближнему—такова сущность новой, христіанской морали, сдѣлавшейся залогомъ возрожденія всей послѣдующей жизни людей, ихъ оживившихся надеждъ на возможное счастье на землѣ. Для достиженія этихъ высокихъ нравственныхъ задачъ оказались не менѣе, если только не болѣе нужными высокій и независимый разумъ и твердая, энергичная воля, которые Нитцше присвоиваетъ только своей „морали господъ". Осуществленіе нравственныхъ идеаловъ жизни человѣка требуетъ отъ него глубокаго ихъ пониманія и неуклоннаго, напряженнаго слѣдованія по разъ намѣченному пути: эти же качества человѣческой личности, очевидно, не совмѣстимы съ представленіемъ о *посредственности*, какъ нравственномъ идеалѣ современнаго европейскаго общества. Отсутствіе нравственныхъ идеаловъ въ человѣкѣ или же неустойчивое, случайное вниманіе къ задачамъ нравственной жизни происходитъ обыкновенно вслѣдствіе преобладанія въ человѣкѣ влеченій, страстей, забвенія о своемъ достоинствѣ, общемъ всѣмъ людямъ. Новая христіанская мораль считаетъ такую жизнь порочною, *злою*, потому что при ней человѣкъ возвра-

щается къ жизни животныхъ, отъ которой онъ ушелъ такъ далеко въ теченіе исторіи человѣчества, и забываетъ о высшихъ, духовныхъ задачахъ своей дѣятельности. Всякое уклоненіе отъ нравственныхъ идеаловъ чувствуется *совѣстью* человѣка, живымъ въ немъ голосомъ, направляющимъ на правильный путь личнаго совершенствованія и заставляющимъ сдерживать чрезмѣрное развитіе грубыхъ, животныхъ стремленій человѣческой природы. Мученія совѣсти являются у человѣка при отступленіи отъ нравственнаго закона, но не при пожертвованіи собою на пользу другихъ, которое доставляетъ человѣку чувство нравственнаго удовлетворенія, высшій родъ земного счастья. На почвѣ, такъ восхваляемой Нитцше, языческой „морали господъ" выросло одно презрѣніе къ человѣку, если только онъ не въ состояніи отомстить за насиліе надъ нимъ. Создался цѣлый *институтъ рабства*, опозорившій древнюю цивилизацію и продолжавшій не малое время тормозить своими остатками въ средніе вѣка развитіе христіанской цивилизаціи. Что рабъ былъ не человѣкъ, а только „одушевленное орудіе" въ хозяйственной жизни свободнаго человѣка—его господина, вещь, которую можно было употреблять на что угодно, это извѣстно всякому, кто интересовался жизнью древнихъ народовъ. Общеизвѣстны также и многочисленные примѣры жестокаго, безчеловѣчнаго обращенія съ рабами ихъ господъ, незнавшихъ границъ въ изобрѣтеніи мученій и казни, неугодившихъ имъ въ чемъ-либо, несчастныхъ рабовъ. Можно сказать словами самого же Нитцше, что античная мораль „нападала на корни самой жизни, природы человѣка" въ огромной массѣ зависимаго населенія для того, чтобы сохранить, правда, сильнѣйшіе, но ни сколько не лучшіе въ духовномъ отношеніи экземпляры отдѣльныхъ людей или общественныхъ классовъ и народовъ. Жизнь всѣхъ древнихъ народовъ, восточныхъ (индусовъ, персовъ, китайцевъ и др.) и древнихъ грековъ и римлянъ ха-

рактеризуется тѣмъ же постояннымъ господствомъ вражды, мести въ взаимныхъ сношеніяхъ государствъ и преобладаніемъ личныхъ, эгоистическихъ интересовъ могущественныхъ представителей власти или членовъ господствующихъ классовъ. Здѣсь царствовала таже „мораль господъ", забывавшихъ ради удовлетворенія своихъ личныхъ вкусовъ о благѣ массы людей, дѣйствительно угнетенныхъ и страдающихъ подъ невыносимымъ игомъ разнаго рода „господъ". Но ни религія, ни мораль въ древности не жалѣли этихъ несчастныхъ, лицъ и народовъ, обреченныхъ на погибель и погибавшихъ въ невыносимыхъ мученіяхъ отъ непосильныхъ трудовъ на пользу „хищныхъ звѣрей—знатныхъ и властныхъ господъ".

Новая мораль европейскаго общества спасаетъ, какъ замѣчаетъ и самъ Нитцше, всѣхъ людей одинаково отъ отчаянія при личныхъ несчастіяхъ, внушаетъ мужество при ихъ перенесеніи, даетъ людямъ истинный „миръ души", какъ залогъ истиннаго счастья на землѣ. Христіанская религія—религія любви, по сознанію Нитцше, предлагаетъ, по словамъ же Нитцше, могучее средство для смягченія человѣческихъ страданій—любовь къ ближнему, которая несовмѣстима съ местью, совершенно исключаетъ ее, какъ проявленіе грубой, животной природы человѣка, зло его жизни. Нравственные идеалы христіанства такъ высоки, а, нужныя для ихъ осуществленія, силы человѣка и его жизнь такъ ограничены, что представленіе о необходимости загробной жизни, гдѣ возможно это достиженіе, является неразлучнымъ съ понятіемъ христіанства, какъ и другихъ религій съ извѣстною высотою нравственныхъ воззрѣній (напр., въ буддизмѣ). Самъ Нитцше, такъ много думающій о земной жизни, невольно наталкивается на вопросъ о смыслѣ этой жизни человѣка, сознаетъ, что онъ не можетъ разрѣшить задачу своей земной жизни, которая такимъ образомъ должна продол-

жаться за гробомъ. Но изъ такого взгляда на земную жизнь нельзя заключить, какъ это дѣлаетъ Нитцше, что христіанство — религія аскетовъ, требующая совершеннаго отказа отъ земныхъ радостей, полнаго отреченія отъ всѣхъ благъ: оно только указываетъ человѣку высшій, нравственный идеалъ его жизни и предостерегаетъ его отъ излишняго увлеченія земными, преходящими благами, которое тормозитъ нравственное усовершенствованіе личности. Достижимый только нѣкоторыми единичными личностями, аскетическій идеалъ нравственнаго совершенства не обязателенъ для всѣхъ христіанъ, которые должны заботиться лишь о томъ, чтобы измѣнчивые, случайные интересы земной жизни не отвлекали ихъ отъ стремленія къ вѣчному и постоянному благу — высшему добру и правдѣ. Нитцше правъ, когда онъ утверждаетъ, что смыслъ античной цивилизаціи въ особенномъ развитіи культа тѣла, животной стороны природы человѣка, а существенная черта новой цивилизаціи—развитіе духовной части его натуры въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Но за этой духовной стороной признано людьми высшее значеніе въ новое время; ея развитію новые европейскіе народы обязаны сильнымъ подъемомъ своего матеріальнаго благосостоянія, которое въ равной мѣрѣ дѣлается все болѣе и болѣе доступнымъ всѣмъ классамъ общества по мѣрѣ поднятія уровня ихъ нравственнаго и умственнаго развитія и послѣдующаго, неминуемаго пріобщенія ихъ къ благамъ цивилизаціи. Въ духовной жизни новаго европейскаго общества на первомъ планѣ стоитъ нравственный, альтруистическій идеалъ, приближеніе къ которому представляется людямъ необходимымъ условіемъ личнаго счастья, высшаго совершенства всѣхъ духовныхъ силъ человѣческой личности.

Толстой не отрицаетъ такъ рѣшительно, какъ Нитцше, христіанскую религію вмѣстѣ съ ея моралью. Онъ даже называетъ изложеніе своихъ нравственныхъ воззрѣній „своей

религией", которая, однако, не имѣетъ ничего общаго ни съ религией вообще, ни тѣмъ болѣе съ христіанствомъ. Въ „религіи" Толстого нѣтъ догматическаго (откровеннаго) ученія о Богѣ, причинѣ происхожденіи міра и положенія въ немъ человѣка. Не находимъ мы въ его „религіи" санкціи человѣческаго поведенія, религіознаго освященія, обязанности выполнить нравственное ученіе Толстого. Все оно вмѣстѣ съ „его заповѣдями" оказывается шаткимъ, произвольнымъ, такъ что трудно повѣрить, чтобы нашлись люди, ожидающіе отъ случайнаго примѣненія морали Толстого въ какомъ либо мѣстѣ отдѣльными лицами водворенія общаго райскаго благополучія на землѣ, какъ на это, повидимому, надѣется самъ Толстой. Онъ отвергаетъ также и, необходимую во всякой религіи, обрядовую сторону вмѣстѣ съ неизбѣжными представителями религіи въ обществѣ, посредниками между людьми и Божествомъ—духовенствомъ. „Религія" гр. Толстого далека отъ христіанства: онъ отвергаетъ христіанское ученіе, какъ божественное откровеніе о Богѣ, объ І. Христѣ, какъ Сынѣ Божіемъ, всю догматическую сторону (Никейскій символъ вѣры), а также и обрядовую—необходимость богослуженія. Толстой выбрасываетъ также изъ своей „религіи" ученіе о церкви, какъ хранительницѣ истиннаго понимания христіанскаго ученія, чудеса, таинства. Путемъ совершенно произвольнаго толкованія Свящ. писанія Толстой доходитъ до такого взгляда, что ученіе І. Христа есть не болѣе, какъ „пониманіе жизни", изъясненіе того, что весь смыслъ ея состоитъ въ обезпеченіи человѣку его матеріальнаго благосостоянія посредствомъ исполненія „заповѣдей" Толстого, особенно же главной между ними—заповѣди о непротивленіи злу насиліемъ. Однако, мораль Толстого взята имъ не изъ евангелія, хотя онъ и увѣряетъ въ противномъ, отыскивая свои „заповѣди" въ нагорной проповѣди І. Христа. Эти „заповѣди", какъ мы видѣли, были извѣстны Толстому гораздо раньше его рѣшенія

взяться за изученіе евангелія съ цѣлью „отдѣлить въ немъ ложь отъ истины“.

Все нравственное ученіе Толстого—естественный выводъ изъ его общаго, философскаго ученія, которое представляется механическимъ соединеніемъ, страннымъ, удивительнымъ смѣшеніемъ самыхъ разнообразныхъ понятій и теорій, принадлежащихъ какъ древнимъ, такъ и наиболѣе распространеннымъ современнымъ философамъ. Такъ взглядъ Толстого на Божество, какъ высшій, безличный міровой разумъ, очевидно, взятъ имъ у Гартмана, напоминаетъ собою, кромѣ того, представленіе Платона о существованіи въ невѣдомомъ, надзвѣздномъ мірѣ идей—матерей, какъ вѣчныхъ образцовъ всего видимаго міра: Толстой утверждаетъ, что Богъ воплощается, живетъ въ людяхъ; каждый человѣкъ поэтому сынъ Бога и, слѣдовательно, всѣ люди обладаютъ божественной природой. Это воззрѣніе Толстого о воплощеніи Божества въ людяхъ наводитъ на мысль о восточномъ, пантеистическомъ міровоззрѣніи, по которому весь міръ—само Божество, являющееся въ немъ только въ разныхъ формахъ. Свои взгляды на природу человѣка Толстой позаимствовалъ отчасти у Аристотеля, буддистовъ, Конта, но еще болѣе у своего любимаго учителя, Шопенгауэра [1]). Аристотель признаетъ существованіе въ мірѣ идеи—формы вещи—и матеріи: Толстой также различаетъ разумную (идейную) часть природы человѣка—его сознаніе, разумѣніе жизни, и вещество, животную оболочку человѣческой души, животную личность. Человѣкъ въ его погонѣ за личнымъ счастьемъ—жалкое, мимолетное и призрачное существо—таковъ взглядъ на человѣка буддистовъ и вмѣстѣ съ ними и нашего философа. Не трудно убѣдиться, что Толстой только повторяетъ слова Конта и Шопенгауэра, когда онъ

---

[1]) Толстой подражаетъ Шопенгауэру въ отрицаніи всего догматическаго ученія христіанства и во взглядѣ на І. Христа, какъ только Мудреца, Учителя.

говоритъ, что люди всѣ эгоисты, стремятся лишь къ своему личному счастью, и что имъ нужно для этого же своего счастья забыть себя совершенно, любить не своихъ близкихъ, а всѣхъ людей, сожалѣть страждущихъ. Разумное сознаніе говоритъ человѣку, замѣчаетъ Шопенгауэръ, о невозможности достигнуть личнаго блага, ничтожности личности, ея преходящей жизни и неизбѣжности страданія для всѣхъ людей. Сознаніе у людей измѣнчиво; неизмѣненъ, одинаковъ у нихъ одинъ характеръ, врожденный всѣмъ людямъ (у Толстого свойство нашей природы — любить другихъ). Личность не должна, увѣряетъ Контъ, имѣть собственнаго счастья; она обрекается имъ всецѣло на подчиненіе цѣлямъ человѣчества, на исключительное служеніе обществу. Самоотверженная любовь къ другимъ для избавленія ихъ отъ страданій—такова же задача дѣятельности человѣка по Шопенгауэру и Толстому. Всѣ три философа видятъ идеалъ счастливой жизни человѣка въ возможно большемъ ограниченіи своихъ потребностей, съуженіи духовныхъ стремленій, всякихъ проявленій личнаго начала въ наукѣ, искусствѣ, существующихъ только для блага всего общества. Съ точки зрѣнія разума, господствующаго въ мірѣ, мертвая матерія, все чувственное является источникомъ зла, которое заражаетъ всю духовную жизнь человѣка. Вотъ еще новое основаніе для Толстого отрицать всѣ формы внѣшней жизни людей—науку, искусство, семью, собственность, право и государство,—разъ онѣ служатъ тѣлеснымъ, личнымъ цѣлямъ человѣческой личности! Все, что не истинно, то противорѣчитъ закону разума. Поэтому его выполненію препятствуютъ: гнѣвъ, клятва, судъ, войны, нарушеніе цѣломудрія, и вообще всякое насиліе. Отсюда—заповѣди Толстого съ ихъ отрицательнымъ характеромъ и отсутствіе въ его морали положительной заповѣди. Къ мысли объ этихъ „заповѣдяхъ“ Толстой пришелъ еще посредствомъ ученія Шопенгауэра, который выставляетъ состраданіе главнымъ основа-

ніемъ нравственности. Только сострадательный человѣкъ можетъ дѣйствовать по правилу, предлагаемому Шопенгауэромъ въ руководство нравственной дѣятельности человѣка: „никому не вреди, всякому помогай, сколько можешь". Такой человѣкъ не можетъ допустить мести за причиненное зло, не въ состояніи платить зломъ за зло и сопротивляться ему насиліемъ. Онъ будетъ избѣгать всѣхъ формъ зла и насилія: гнѣва, суда, клятвы, войны, нарушенія цѣломудрія. Для Шопенгауэра животная природа человѣка, не смотря на всю ея мимолетность и призрачность, основаніе жизни человѣка, поэтому сохраненіе здоровья и пріобрѣтеніе матеріальныхъ благъ—существенное въ дѣятельности человѣка. Также и Толстой считаетъ обезпеченіе всѣмъ людямъ матеріальнаго довольства главною цѣлью ихъ дѣятельности. Поэтому онъ такъ усиленно рекомендуетъ физическій трудъ, какъ полезный тѣлу и уму каждаго человѣка и уничтожающій раздѣленіе людей на богатыхъ и бѣдныхъ, которое препятствуетъ одинаковому и достаточному удовлетворенію матеріальныхъ нуждъ всѣхъ людей. Это, желанное Толстымъ, матеріальное равенство людей возможно лишь, по его представленію, при превращеніи современной городской жизни въ сельскую жизнь людей на лонѣ природы, гдѣ въ общеніи съ ней исчезнутъ всѣ лишнія потребности, всѣ утѣхи чувственности, праздныя мечты и забавы мужчинъ и женщинъ и каждый изъ нихъ исполнитъ свое естественное назначеніе въ жизни. Въ стремленіи Толстого доставить всѣмъ людямъ путемъ личнаго физическаго труда на ихъ пользу возможность избѣжать страданій и получить наслажденіе, достигнуть счастья, можно видѣть отраженіе идей извѣстнаго ученаго, Герберта Спенсера, который такъ много сдѣлалъ для выясненія альтруистическаго характера современной морали. Не безъ вліянія на образъ мыслей Толстого осталась распространенная теорія Дарвина о развитіи всего существующаго, его прогрессѣ, со-

вершенствованіи. Толстой также увѣренъ въ возможности такого безпрерывнаго движенія, развитія людей, цѣль котораго „осуществленіе закона единенія всего, живущаго въ духѣ любви и истины“. Это представленіе о цѣли мірового прогресса принадлежитъ Гартману, который защищалъ взглядъ, что міръ существуетъ для расширенія области сознательнаго разума, единенія всѣхъ существъ міра, безконечнаго ихъ просвѣщенія. Каждый человѣкъ своими дѣлами, самоотверженіемъ можетъ заслужить безсмертіе въ потомствѣ—мысль, которая одинаково встрѣчается какъ у Конта, такъ и у Толстого. Послѣдній вмѣстѣ съ своимъ главнымъ учителемъ, Шопенгауэромъ, усиленно рекомендуетъ людямъ идеалъ аскетическаго самоуничтоженія, послѣ того какъ люди исполнятъ законъ разума, любви къ людямъ. Наконецъ, по общему, основному характеру нравственныя воззрѣнія Толстого сходны съ взглядами современной *независимой школы морали* (Гюйо и др.). Эта школа думаетъ обосновать систему морали, помимо всякихъ отвлеченныхъ представленій о Высшемъ Существѣ, назначеніи міра и человѣка, на одномъ изученіи духовной жизни человѣка на землѣ.

Такой смѣшанный, сборный характеръ общаго, основнаго міровоззрѣнія Толстого, въ связи съ которымъ находится и вся его мораль, заставляетъ насъ признать только самое отдаленное и чисто внѣшнее ея отношеніе къ христіанскому ученію о нравственности. Присвояя своимъ „заповѣдямъ“, несвойственный имъ, эпитетъ евангельскихъ, Толстой и въ этомъ случаѣ подражаетъ Шопенгауэру, котораго Нитцше недаромъ называетъ „наслѣдникомъ христіанской точки зрѣнія на мораль“ за его проповѣдь состраданія къ несчастнымъ, страдающимъ людямъ. Попытаемся разобраться въ этой пестрой путаницѣ, своего рода амальгамѣ не христіанскихъ, а, заимствованныхъ изъ разныхъ источниковъ, своеобразныхъ мнѣній и разсужденій Толстого объ основаніяхъ и цѣли нравственной жизни человѣка.

Толстой проповѣдуетъ, повидимому, христіанское начало любви къ ближнему, какъ главную цѣль и содержаніе нравственной дѣятельности людей. Но источникъ этой любви у него—Богъ, какъ безличный, безсознательный міровой разумъ, который поэтому не можетъ установить такого высокаго закона для людей: изъ безличнаго, безсознательнаго не можетъ выдти разумное, общепонятное правило ихъ дѣятельности, отличающееся чертами высшаго, идеальнаго характера и требующее для своего примѣненія разумнаго, сознательнаго къ нему отношенія людей. Безсознательный міровой разумъ не могъ создать міръ съ его законосообразностью и цѣлесообразностью, не въ состояніи и указать человѣку смыслъ его существованія на землѣ. Законъ любви Толстого, если бы онъ все-таки возникъ помимо такого представленія о Божествѣ, не можетъ служить общеобязательнымъ правиломъ человѣческаго поведенія: всякая мораль нуждается въ *санкціи*, освященіи ея какимъ-либо авторитетомъ (Богомъ, народомъ, государствомъ), отчетливомъ сознаніи того, почему она должна быть осуществлена. Но такой санкціи у морали Толстого нѣтъ: приводимыя имъ соображенія въ пользу своего взгляда объ обязательномъ выполненіи „закона любви“ скорѣе лишаютъ его всякаго общаго значенія и превращаютъ въ пустую формулу, мертвую букву. Трудно представить себѣ, какъ этотъ законъ любви къ людямъ можетъ быть выполненъ ими, какъ существами, по взгляду Толстого, призрачными, лишенными самостоятельности и свободной воли, „дифференціалами исторіи“. Тѣже люди въ ученіи Толстого—„воплощенныя божества“, которыя, слѣдовательно, не нуждаются въ религіи и нравственныхъ обязанностяхъ. Почему человѣкъ долженъ любить ближнихъ, изъ ученія Толстого не видно. Изъ него скорѣе можно заключить, что разъ люди должны думать лишь о своемъ земномъ, главнымъ образомъ, матеріальномъ благополучіи, то имъ всего естественнѣе, выгоднѣе жить для себя,

а не для другихъ. Толстой имѣетъ самое превратное представленіе о природѣ человѣка, въ которомъ съ перваго и до послѣдняго момента его сознательной жизни сохраняется мысль, что онъ—одно и тоже лицо. Всегда человѣкъ чувствуетъ себя *личностью*, обладающею разумомъ, нравственнымъ чувствомъ (совѣстью) и свободной волею; постоянно онъ стремится къ удовлетворенію при совмѣстной жизни съ другими людьми въ своей дѣятельности коренныхъ потребностей своей природы въ религіи, морали, наукѣ, искусствѣ. Характеръ человѣка не есть что либо неизмѣнное; онъ приходитъ въ міръ не съ заранѣе готовымъ отношеніемъ къ нему, которое вырабатывается постепенно, развивается въ извѣстномъ направленіи его нравственной дѣятельности. Въ природѣ человѣка любить сначала себя, а потомъ уже и другихъ. Христіанское ученіе освящаетъ эту предпочтительную любовь къ себѣ, послѣ любви къ Богу, и предписываетъ любить ближнихъ (сначала родителей, дѣтей и проч.) по образцу этой любви къ себѣ. Любить другихъ даже и невозможно безъ любви къ самому себѣ. Каждый долженъ позаботиться о томъ, чтобы приготовить себя на служеніе ближнимъ, а это немыслимо безъ заботъ о своемъ существованіи, о развитіи всѣхъ силъ своей природы, какъ и обладанія разнаго рода благами (матеріальными и духовными). Мы любимъ, прежде всего, нашихъ родителей, жену или мужа, дѣтей, родныхъ, друзей, а потомъ уже и всѣхъ остальныхъ людей. Любовь ко всѣмъ людямъ у Толстого—платоническое пожеланіе такой любви, предполагающее отказъ отъ естественныхъ нашихъ влеченій къ наиболѣе близкимъ намъ по плоти и духу людямъ. Человѣкъ не всегда можетъ думать только о помощи другимъ людямъ, когда онъ самъ такъ часто нуждается въ ихъ помощи (во время дѣтства, болѣзней, старости). Мы и не должны любить ближнихъ, облегчать имъ страданія, если они, какъ увѣряетъ насъ Толстой, нужны

человѣку для того, чтобы при ихъ посредствѣ убѣдиться въ невозможности личнаго счастья. Но если бы мы, все-таки, захотѣли помогать людямъ, то эта помощь можетъ выразиться не въ одномъ только *физическомъ трудѣ*, который не у всякаго спорится въ рукахъ и далеко не всегда можетъ приносить пользу другимъ. Нашимъ ближнимъ болѣе полезны наши заботы объ ихъ умственномъ развитіи (умственный трудъ), а также добрые совѣты и дѣла (трудъ нравственный). Толстой противорѣчитъ себѣ, когда онъ такъ восхваляетъ физическій трудъ, какъ панацею отъ всякихъ общественныхъ золъ: Толстой противъ мнѣнія Зола о благотворномъ значеніи труда для счастья людей и рекомендуетъ примкнуть къ мнѣнію китайскаго мудреца Лаодзи, предлагающаго *недѣланіе*, прекращеніе дѣлъ, которыя не нужны для искорененія бѣдствій людей. Значитъ, Толстой, слѣдуя этому рецепту Лаодзи, совѣтуетъ самую ограниченную сферу труда, гдѣ, однако, долженъ примѣняться его универсальный „законъ любви“.

Эта любовь къ другимъ людямъ не тоже у Толстого, что христіанская любовь къ ближнему, какъ живое, жизненное правило взаимныхъ отношеній людей, охватывающее всю ихъ жизнь. Онъ даже не считаетъ ее „заповѣдью“ вопреки прямому указанію евангелія. Толстой признаетъ христіанское ученіе о любви къ Богу и ближнему выраженіемъ сущности христіанства, положительнымъ ученіемъ Христа, которое, однако, „не нужно разъяснять“. Эта христіанская любовь къ ближнему въ ученіи Толстого—только идеальное представленіе о лучшемъ, совершеннѣйшемъ образѣ жизни людей въ проэктируемомъ имъ обществѣ. Вмѣсто нея онъ предлагаетъ въ руководство людямъ какое-то отвлеченное правило о фантастической любви ко всѣмъ людямъ и притомъ въ формѣ *пяти* отрицательныхъ заповѣдей. Всѣ эти заповѣди (не клянись, не судись, не разводись, не воюй и не сопротивляйся злу насиліемъ)—разнообразныя формы этой послѣдней, корен-

ной заповѣди, которая, по словамъ Толстого, выражаетъ всю сущность христіанскаго ученія. Толстой, значитъ, забываетъ, что онъ туже сущность христіанства видитъ въ любви къ Богу и ближнему и въ тоже время выдаетъ свои „заповѣди“ за *повертки* съ истиннаго пути, въ указаніи котораго не нуждается истинно вѣрующій въ ученіе Христа. Выходитъ, что „заповѣди“ Толстого нужны не всякому, и притомъ число подобныхъ „повертокъ“ съ истинной дороги добра въ сторону зла можетъ быть увеличено произвольно. Въ духѣ ученія Толстого, напр., можетъ быть еще предписано: „не одурманивайся виномъ или табакомъ, не занимайся мнимой наукой и искусствомъ, не предавайся чувственности“ и т. д. Всѣ заповѣди Толстого—отрицательныя предписанія, изъ которыхъ нельзя вывести опредѣленнаго правила положительной дѣятельности для человѣка. Въ нихъ рекомендуется человѣку „не дѣлать“, удерживаться отъ цѣлаго ряда поступковъ, но какъ изъ такого „недѣланія“ вытекаетъ самоотверженная любовь къ людямъ, этого Толстой не разъясняетъ. Трудно понять, какая связь существуетъ между любовью къ людямъ—положительной и несомнѣнной евангельской заповѣдью и, произвольно выставляемыми, Толстымъ отрицательными его заповѣдями? Какъ выполненіе чисто отрицательныхъ нравственныхъ предписаній можетъ быть идеаломъ нравственнаго совершенства и въ тоже время возможною степенью его достиженія въ наше время? Впрочемъ, самъ Толстой признаетъ, что онъ даетъ только однѣ отрицательныя заповѣди въ своей морали и въ нѣкоторыхъ изъ своихъ произведеній [1]) показываетъ, что главная заповѣдь, основаніе нравственной дѣятельности людей—это не его „пять заповѣдей“, а любовь къ ближнему, какъ положительное правило въ жиз-

[1]) Въ сказкахъ: „Чѣмъ люди живы“, „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“, „Два старика“.

ни людей. Рекомендуя свои „заповѣди“ въ руководство всѣмъ людямъ, Толстой совсѣмъ забываетъ условія, среди которыхъ они теперь живутъ. Онѣ совершенно невыполнимы въ средѣ, лишенной всего, безъ чего немыслима жизнь человѣческой личности. Нельзя себѣ представить жизнь людей внѣ извѣстныхъ формъ общественности (собственности, права и государства), гдѣ только признается личность человѣка, охраняются ея права и представляются всѣ средства для достиженія ея цѣлей. Безъ собственности въ смыслѣ не владѣнія членами своего тѣла, въ принадлежности которыхъ каждому никто никогда не сомнѣвался, а внѣшнихъ предметовъ, всякаго рода благъ (матеріальныхъ и духовныхъ) немыслимо удовлетвореніе не только матеріальныхъ потребностей человѣка, но и развитіе всѣхъ духовныхъ силъ его природы. Безъ помощи права и государства онъ безсиленъ въ борьбѣ съ природой и осужденъ на то, чтобы видѣть неосуществленными самыя важнѣйшія стремленія своей личности, завѣтные ея идеалы. Впрочемъ, можно выполнить всѣ заповѣди Толстого, но въ тоже время остаться совершенно безнравственнымъ человѣкомъ. Такъ человѣкъ можетъ не воевать (по трусости, льготѣ по воинской повинности), не судиться (вслѣдствіе особеннаго положенія въ обществѣ), не клясться (по отсутствію для этого поводовъ), соблюдать нравственную чистоту (по болѣзни, истощенію, старости) и не сопротивляться злу насиліемъ (по полному безсилію или потому, что предъ такимъ человѣкомъ и безъ того всѣ преклоняются). Но въ тоже время такой „толстовецъ“ можетъ быть человѣконенавистникомъ, эксплоататоромъ чужаго труда и вреднымъ членомъ общества во многихъ отношеніяхъ. Заповѣди Толстого примѣнимы въ извѣстной мѣрѣ развѣ только въ обществѣ съ грубыми, примитивными нравами и развитіемъ, гдѣ нужны прямые запрёты извѣстныхъ безнравственныхъ поступковъ. Такой рядъ запрётовъ, сходныхъ съ заповѣдями Толстого, далъ

Будда своимъ послѣдователямъ. Такой же отрицательный характеръ, какъ извѣстно, имѣютъ десять заповѣдей Моисея, которыя въ христіанствѣ восполнены положительною заповѣдью о любви къ Богу и ближнимъ. Наши духоборцы и молокане, со взглядами которыхъ ученіе Толстого имѣетъ много общаго, также не присягаютъ, отказываются отъ военной службы, уплаты податей и налоговъ и стремятся жить подобно первымъ христіанамъ. Вслѣдствіе пренебреженія къ этимъ необходимымъ условіямъ современнаго соціальнаго быта духоборцы поставили себя въ тяжелое и безвыходное положеніе, на которое въ настоящее время обратило вниманіе, отвергаемое ими, правительство.

Едва-ли, однако, современное общество согласилось бы жить, подобно духоборцамъ, при тѣхъ же совершенно элементарныхъ условіяхъ, въ простой обстановкѣ, гдѣ нѣтъ даже намека на возможность пользованія всѣми благами современной культуры, сокровищами знанія, искусства и всей развитой общественной жизни европейскихъ государствъ. Толстой даетъ образецъ жизни людей по его заповѣдямъ или, точнѣе, согласно съ заповѣдью о любви къ ближнему въ своемъ разсказѣ: „Ходите въ свѣтѣ, пока свѣтъ есть". Всѣ члены христіанской общины (въ I в. по Р. Х.) живутъ „въ любви и согласіи, чувствуя себя членами одного всемірнаго братства, признавая свое ничтожество и покорность власти". Въ этой общинѣ нѣтъ частной собственности, кромѣ собственности на члены своего тѣла, и всѣ отношенія людей основаны на послѣдовательномъ проведеніи принципа непротивленія злу насиліемъ [1]). Члены общины имѣютъ самые простые, неприхотливые вкусы, ограниченныя желанія; всѣ они ведутъ такую полную самоотверженія жизнь, которая была возможна въ первоначальное время восторга и необычайнаго одушев-

---

[1]) См. XIV ч. соч. Толстого.

ленія, охватившаго массу страдающихъ и угнетенныхъ людей при евангельской вѣсти о новой и лучшей жизни, такъ далекой отъ тяжелыхъ, невыносимыхъ условій общественнаго быта массы въ концѣ языческаго міра.

Толстой совершенно расходится съ Нитцше въ своемъ взглядѣ на *сопротивленіе злу насиліемъ.* Нитцше требуетъ сопротивленія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужно помочь человѣку стать сильной личностью, утверждаетъ, что лишь насиліемъ люди добились важнѣйшихъ благъ цивилизаціи. Толстой, наоборотъ, рѣшительно отрицаетъ всякаго рода насиліе надъ человѣкомъ, какъ несогласное съ сущностью христіанства и объявляетъ право и государство формами такого насилія, подлежащими упраздненію во имя любви къ людямъ. Самъ Толстой, однако, отказывается объяснить, что такое зло въ мірѣ и откуда оно въ немъ явилось? Съ нѣкоторыми формами зла Толстой знакомитъ насъ въ своихъ произведеніяхъ. Такъ мы знаемъ, что здоровье человѣка—благо, изъ за сохраненія котораго онъ долженъ бороться съ болѣзнями и тѣлесными страданіями по инстинкту самосохраненія. Это *зло физическое.* Но есть зло, болѣе вредное для человѣка—его страсти, чрезмѣрное развитіе въ немъ чувственности. Противъ этого *нравственнаго зла* Толстой призываетъ людей бороться всѣми мѣрами. Самую же борьбу человѣка съ его страстями (грѣхами) предписываетъ ему Евангеліе, согласно которому человѣкъ долженъ сопротивляться всѣми силами всякому соблазну, не останавливаясь ни предъ какими жертвами [1]). Евангеліе повелѣваетъ намъ въ тоже время прощать всякія личныя обиды [2]) и также предписываетъ извинять личныя, взаимныя оскорбленія, если толь-

[1]) Если же правый глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его и брось отъ себя (Матѳея, V, 29).

[2]) А Я говорю вамъ: не противься злому. Но кто ударитъ тебя въ правую шеку твою, обрати къ нему и другую (39).

ко изъ нихъ не вытекаетъ зла—грѣха [1]). Толстой думаетъ, что наша обязанность бороться съ страданіями другихъ съ цѣлью облегчить ихъ и что подобная борьба можетъ доставить намъ счастье. Слѣдовательно, противленіе злу (страданіямъ) и не всегда однимъ *добромъ* необходимо по ученію самого Толстого, который предпринялъ давно уже подобную борьбу противъ всякаго зла въ современномъ обществѣ въ своихъ произведеніяхъ и тѣмъ обнаружилъ попытку сдѣлать нѣкоторое насиліе надъ его взглядами, привычками, всѣмъ образомъ жизни. Толстой отрицаетъ, чтобы мы имѣли право прекратить насиліе при видѣ нападеній на себя, нашихъ близкихъ или чужихъ людей, увѣряетъ насъ, что насильникъ самъ устыдится нашей беззащитности и уйдетъ отъ насъ со стыдомъ, какъ ушли изъ царства Ивана дурака, напавшіе на него, воины, которымъ сдѣлалось „гнусно" обижать несопротивляющихся имъ жителей. Мы согласны съ Толстымъ, что если мы должны любить ближнихъ, то, очевидно, во имя этой любви къ нимъ обязаны удерживаться отъ насилія по отношенію ко всякому человѣку, хотя бы онъ и жестоко обидѣлъ насъ. Такова евангельская заповѣдь, во имя которой мы должны избѣгать отпора при нападеніи на насъ самихъ и нашихъ ближнихъ: всякій насильникъ есть нашъ ближній. Мы должны, по примѣру Толстого, увѣщавать обидчика, представить ему всю безнравственность его поведенія, во имя любви къ нашему ближнему избѣгать всякаго насилія надъ нимъ. Толстой думаетъ, что насиліемъ мы лишимъ ближняго возможности раскаяться впослѣдствіи въ причиненномъ злѣ („Крестникъ", сказка). Но любовь къ людямъ, даже нашимъ врагамъ—совершеннѣйшій идеалъ нравственной жизни людей, къ кото-

[1]) Всякій, гнѣвающійся на брата своего *напрасно*, подлежитъ суду; кто же скажетъ брату своему: *рака* (пустой человѣкъ), подлежитъ синедріону (верховному судилищу (22).

рому человѣкъ стремится цѣлые десятки столѣтій и все еще очень далекъ отъ приближенія къ нему. Требуя отказа отъ сопротивленія злу насильственными средствами, Толстой, подобно Руссо, вѣритъ въ нравственное совершенсгво человѣческой природы, котораго въ ней нѣтъ, убѣжденъ, что каждый изъ насъ всегда готовъ, въ состояніи пожертвовать собою злобѣ нашихъ враговъ. Толстой забываетъ о томъ, какъ сильно говоритъ въ насъ инстинктъ самосохраненія въ случаяхъ нападенія на насъ самихъ (напр., въ случаѣ самообороны) и какъ велико въ насъ негодованіе противъ обидчика за, попираемое въ нашихъ глазахъ, право личной неприкосновенности ближняго, нарушеніе его свободы. Вся исторія человѣчества наполнена проявленіями всякаго рода насилія именно вслѣдствіе господства въ людяхъ зла, чрезмѣрнаго развитія эгоизма въ разнообразныхъ его формахъ, противъ котораго люди боролись издавна, не покладая рукъ. Каннибальство, грабежъ, рабство отдѣльныхъ лицъ, порабощеніе классовъ, племенъ и цѣлыхъ народовъ, безпощадная, ожесточенная война между ними, въ которой исчезали народы и цѣлыя цивилизаціи, личная и родовая месть—таковы, восхваляемыя Нитцше, первоначальныя формы насилія, которыя исчезаютъ постепенно, медленно подъ вліяніемъ послѣдующаго развитія общества и государства. Такъ государство беретъ въ свои руки наказаніе преступника, которое изъ мести за оскорбленіе божества превращается потомъ въ возстановленіе, попранной преступникомъ, высшей справедливости, подавленіе въ немъ злой воли и устрашеніе. Въ наше время наказаніе преслѣдуетъ гуманную цѣль исправленія преступника, какъ „болѣзненнаго“, ненормальнаго человѣка (не только по Нитцше). Преступника теперь уже не подвергаютъ ужаснымъ пыткамъ, обычнымъ въ средневѣковыхъ судахъ. Исчезаетъ изъ уголовныхъ кодексовъ дуэль и смертная казнь, этотъ высшій видъ насилія надъ личностью. Но ни современное уголовное

право, ни все общество не видятъ въ преступникѣ типъ сильнаго человѣка Нитцше, въ которомъ его инстинкты сдерживаются угрозой наказанія и самими наказаніями во имя интересовъ всего общества; послѣднее прибѣгаетъ теперь и къ болѣе мягкимъ средствамъ и нерѣдко вмѣсто наказанія лѣчитъ преступника. Древнія касты (въ Индіи и Египтѣ)—грубая форма групповаго насилія надъ отдѣльною личностью—смѣнились въ античномъ мірѣ (у древнихъ грековъ и римлянъ) и средніе вѣка наслѣдственными сословіями, а въ текущемъ столѣтіи свободными общественными классами. Человѣческая личность въ древности порабощалась всецѣло государствомъ, которое дозволяло себѣ во имя сначала религіозныхъ требованій, а потомъ блага государства всякое насиліе надъ личностью, которое теперь смѣнилось взглядомъ, что личность человѣка—центръ общественной жизни, ея свобода, счастье—цѣль дѣятельности государственной власти. Въ древности человѣкъ воспитывался для цѣлей государства, ради которыхъ допускались всякія формы насилія надъ молодымъ поколѣніемъ. Въ новое время человѣка воспитываютъ ради него самого; всѣ силы его природы развиваются воспитаніемъ съ цѣлью самостоятельнаго пользованія ими въ послѣдующей общественной дѣятельности; отношенія къ молодому поколѣнію его воспитателей основываются на гуманныхъ началахъ. Теперь считаютъ педагогической аксіомой мысль о вредѣ тѣлесныхъ наказаній дѣтей, которое только ихъ развращаетъ, а не исправляетъ. Таже мысль о высокомъ достоинствѣ человѣческой личности проникаетъ всю систему современнаго образованія, въ которой стремятся достигнуть наибольшей степени умственнаго развитія молодаго поколѣнія, предлагаются для этой цѣли всѣ, выработанные наукой, средства, методы и предоставляется учащейся молодежи самый широкій просторъ въ выборѣ школъ того или другаго рода согласно своимъ наклонностямъ, призванію, условіямъ

личной жизни и представленіямъ о дальнѣйшемъ ея направленіи.

И Толстой, и Нитцше, какъ мы видѣли, оба недовольны современнымъ состояніемъ *науки и искусства.* Толстой упрекаетъ представителей науки и искусства за то, что они заботятся очень много объ интересахъ однихъ богатыхъ и праздныхъ классовъ общества и слишкомъ мало обращаютъ вниманія на жизнь, нужды и страданія бѣдныхъ, низшихъ классовъ населенія, для которыхъ оказываются совершенно излишними книги, печатаемыя теперь въ такомъ огромномъ количествѣ, и разныя художественныя произведенія. Толстой доказываетъ, что современная наука въ обществѣ (соціологія) оправдываетъ раздѣленіе всѣхъ людей на богатыхъ и бѣдныхъ ученіемъ объ обществѣ, какъ организмѣ, жизнь котораго заключается въ раздѣленіи труда между его членами. Одни изъ этихъ членовъ общества—организма—заняты умственной, духовной работой, другіе мускульной, физической, первые должны въ качествѣ руководителей властвовать, а послѣдніе подчиняться имъ ради сохраненія и дальнѣйшаго развитія всего общества. Такова современная научная теорія О. Конта и Г. Спенсера, взгляды которыхъ опираются на теорію Дарвина о борьбѣ живыхъ существъ и людей за существованіе, какъ основномъ законѣ всей міровой жизни. По взглядамъ всѣхъ этихъ ученыхъ одинъ высшій классъ праздныхъ и богатыхъ людей, которому удалось взять верхъ въ борьбѣ надъ низшими классами народа, требуетъ отъ послѣднихъ, чтобы они кормили его за то, что эти представители науки и искусства предлагаютъ людямъ физическаго труда ненужныя имъ вещи. Все значеніе современной науки состоитъ лишь въ томъ, что она „раздаетъ дипломы на праздность“ сословію ученыхъ и художниковъ. На самомъ дѣлѣ ни наука, ни искусство не дали такъ много человѣчеству, какъ это принято думать. Тол-

стой говоритъ съ презрѣніемъ о современныхъ представителяхъ науки и искусства, освободившихъ себя отъ обязанности трудиться на пользу народа настоящимъ образомъ [1]). Всѣ успѣхи, сдѣланные въ нашъ вѣкъ наукой, по словамъ Толстого, поразительны, удивительны, необычайны, но по особенной, несчастной случайности, признаваемой и людьми науки, эти научные успѣхи не улучшили, а скорѣе ухудшили положеніе большинства, рабочихъ, низшихъ классовъ населенія. Каждое изъ научныхъ изобрѣтеній (желѣзныя дороги, телефоны, телескопы, стихи, романы, театры, балеты, симфоніи, оперы, картинныя галлереи и т. п.) не только не приноситъ пользы народу, но нерѣдко лишаетъ его заработка, усиливаетъ его зависимость отъ богатыхъ людей и въ лучшемъ случаѣ недоступно рабочему люду. Представители науки и искусства ставятъ себѣ цѣлью служить правительствамъ и капиталистамъ, а не нуждамъ народа. Всѣ ученые заняты своими жреческими занятіями, изучаютъ клѣточку, протоплазму, спектральные анализы звѣздъ, пересчитали два милліона букашекъ, а пища, питье, хозяйственныя орудія крестьянина остались все тѣже, какъ и нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Мы произвели пропасть людей въ великихъ писателей, собрали картинныя галлереи, изучили до тонкости школы искусствъ, но ничего не прибавили къ народнымъ легендамъ, сказкамъ, былинамъ, пѣснямъ. Современный техникъ, механикъ могутъ работать только съ большимъ капиталомъ и съ

---

[1]) „Мы такъ привыкли, говоритъ Толстой, къ тѣмъ выхоленнымъ или разслабленнымъ нашимъ представителямъ умственнаго труда, что намъ представляется дикимъ, чтобы ученый или художникъ пахалъ или возилъ навозъ. Намъ кажется, что все погибнетъ, и вытрясется въ телѣгѣ вся его мудрость и опачкаются въ навозѣ тѣ великіе художественные образы, которые онъ носитъ въ своей груди. Но намъ не кажется страннымъ, что служитель и учитель истины половину своего времени проводитъ въ сладкой ѣдѣ, куреніи, болтовнѣ, либеральныхъ сплетняхъ, чтеніи газетъ, романовъ и посѣщеніи театровъ („О назначеніи науки и искусства“ XIII ч., 171 стр.).

эксплоатацией рабочаго. Врачу нужно безчисленное количество дорогихъ приспособленій, лѣкарствъ, инструментовъ и они могутъ лѣчить только людей, которые все могутъ достать себѣ. Даже учить народъ, согласно современной наукѣ, можно лишь при тяжелыхъ для него условіяхъ, такъ какъ образцовыя, какъ и всякія элементарныя школы требуютъ для своего устройства большихъ денегъ, добываемыхъ съ того же народа [1]).

Еще дальше отъ народа, чѣмъ наука, современное искусство. Тратятъ милліоны на поощреніе искусствъ, а произведенія искусства и непонятны, и ненужны народу. Живописецъ для изготовленія своихъ великихъ произведеній нуждается въ дорого стоющей мастерской. Писателю, сочинителю, кромѣ удобствъ помѣщенія и всѣхъ сладостей жизни нужны для той же цѣли путешествія, дворцы, кабинеты, библіотеки и т. п. Толстой предлагаетъ людямъ искусства служить своими силами народу, отрѣшившись отъ всякихъ предвзятыхъ взглядовъ и низкихъ вкусовъ массы [2]). Но Толстой не отрицаетъ науки и искусства, которыя также необходимы людямъ, какъ и пища, питье, одежда. Онъ только противъ привиллегированнаго положенія представителей науки и искусства въ обществѣ, которые „представляютъ здѣсь маленькій кружокъ людей, имѣющихъ монополію занятій и извратившихъ самыя понятія науки и искусства, потерявшихъ смыслъ своего призванія и занятыхъ только тѣмъ, чтобы забавлять и спасать отъ удручающей тоски свой малень-

[1]) Ibidem, 148—179 стр.

[2]) Скажите живописцу, чтобы онъ писалъ безъ студіи, натуры, костюмовъ и рисовалъ бы пятикопѣечныя картины; онъ скажетъ, что это значитъ отказаться отъ искусства, какъ онъ понимаетъ его. Скажите музыканту, чтобы онъ игралъ на гармоніи и училъ бы бабъ пѣть пѣсни; скажите поэту, сочинителю, чтобы онъ бросилъ свои поэмы и романы и сочинялъ пѣсенники, исторіи, сказки, понятныя безграмотнымъ людямъ—они скажутъ, что вы сумасшедшій (Ibidem, 181 стр.).

кій кружокъ дармоѣдовъ". Наука въ смыслѣ всего знанія, пріобрѣтеннаго человѣчествомъ, всегда была и есть, и безъ нея немыслима жизнь. Но эта истинная наука—знаніе того, въ чемъ состоитъ назначеніе, истинное благо всѣхъ людей. Такова была наука Конфуція, Будды, Сократа, Магомета и др. Безъ нея нѣтъ возможности выбора въ этомъ безконечномъ количествѣ предметовъ и всѣ остальныя знанія и искусства становятся, какъ они сдѣлались и у насъ, праздной и вредной забавой. По словамъ Толстого, современная позитивная наука совсѣмъ забыла объ ученіи великихъ учителей человѣчества, которые стремились всегда къ тому, чтобы помирить требованія людей, блага личной жизни съ совѣстью и разумомъ и тѣмъ помочь выработкѣ новыхъ формъ жизни, болѣе близкихъ къ запросамъ разума и совѣсти. Также и современное искусство, у котораго когда то была одна и таже цѣль и содержаніе, какъ и у науки, служило ученію о жизни, теперь сдѣлалось ремесломъ, доставляющимъ людямъ пріятное. Теперь уже оказываются ненужными всѣ великіе дѣятели науки и искусства. Вмѣсто нихъ появился особый цехъ, каста ученыхъ и художниковъ, которые усовершенствованнымъ способомъ заготавливаютъ всю необходимую человѣчеству пищу. Теперь надѣлали столько великихъ людей и наукъ, что даже трудно запомнить одни ихъ имена и названія. На самомъ дѣлѣ вся наша наука и искусство—огромный мыльный пузырь, особаго рода суевѣріе, произведенія празднаго ума и чувства, имѣющія цѣлью щекотать и забавлять такіе же праздные умы и чувства. Толстой рекомендуетъ для пониманія истиннаго смысла жизни отказаться отъ положительной философіи, глубокихъ знаній и обратиться въ состояніе ребенка или знаменитаго философа Декарта, объявившаго, что онъ сомнѣвается во всемъ, кромѣ собственнаго существованія. Наши наука и искусство непонятны народу, потому что не имѣютъ въ виду его блага. Дѣятельность

въ области науки и искусства тогда только плодотворна, когда она не знаетъ правъ, а лишь однѣ обязанности. Мыслитель и художникъ долженъ страдать вмѣстѣ съ людьми для того, чтобы найти спасеніе или утѣшеніе; ихъ удѣлъ—страданіе и самоотверженіе [1]).

Въ повѣсти: „Ходите въ свѣтѣ, пока свѣтъ есть“ Толстой изображаетъ противоположность современнаго, языческаго пониманія науки и искусства и истиннаго, христіанскаго на нихъ воззрѣнія. Устами язычника христіане обвиняются въ томъ, что они не признаютъ наукъ и искусствъ: при отсутствіи у нихъ частной собственности они не имѣютъ средствъ для поддержанія и развитія наукъ и искусствъ. Все ихъ ученіе приводитъ къ первоначальному состоянію, дикости. Они не могутъ служить человѣчеству науками и искусствами и, не зная ихъ, отрицаютъ, считаютъ излишними статуи, театры, музеи. Устами христіанина—Памфилія Толстой упрекаетъ язычниковъ въ томъ, что они изъ науки и искусства сдѣлали потѣху, годную только для увеселенія праздныхъ людей. „Ваши ученые, говоритъ Памфилій Юлію—язычнику, употребляютъ свои способности на измышленіе новыхъ средствъ для усовершенствованія пріемовъ войны, то есть, убійства и изобрѣтенія новыхъ способовъ наживы, обогащенія однихъ на счетъ другихъ. Вы воздвигаете статуи въ честь сильныхъ и жестокихъ изъ вашихъ тирановъ; на театрахъ даютъ представленія, восхваляющія преступную любовь. Музыка служитъ для потѣхи богачей, объѣдающихся и опивающихся на своихъ роскошныхъ пирахъ. Живопись примѣняется къ изображенію въ домахъ разврата такихъ картинъ, на которыхъ не можетъ, не краснѣя, взглянуть, человѣкъ трезвый или неодурманенный животной страстью.

---

[1]) Ibidem, 180—196; ср. статью: „Ручной трудъ и умственная дѣятельность“, 259—265 стр. XIII т. сочинен. Толстого.

Мы же требуемъ отъ науки и искусства того же, чего и отъ всѣхъ человѣческихъ занятій, чтобы въ нихъ осуществилась таже дѣятельность любви къ Богу и ближнимъ, которою проникнуты всѣ дѣла христіанина. Мы признаемъ за дѣйствительную науку только такія знанія, которыя помогаютъ намъ жить лучше, и искусство мы уважаемъ только тогда, когда оно очищаетъ наши помыслы, возвышаетъ душу, укрѣпляетъ наши силы, необходимыя для трудовой любовной жизни. Такія знанія мы не упускаемъ случая развивать въ себѣ и нашихъ дѣтяхъ; мы читаемъ и изучаемъ писанія, завѣщанныя намъ мудростью людей, жившихъ до насъ, поемъ стихи, пишемъ картины, и стихи и картины ободряютъ нашъ духъ и утѣшаютъ насъ въ минуту печали“.

Нитцше осуждаетъ современную науку и искусство за ея отвлеченный, идеалистическій характеръ, увлеченіе существующими философско-моральными идеями и пренебреженіе инстинктами человѣческой природы. Подобный упрекъ совершенно понятенъ съ точки зрѣнія Нитцше съ его апоѳеозомъ чувственности въ образѣ Заратустры. Онъ согласенъ съ страстною проповѣдью этого философа, жаждущаго возврата человѣчества къ античной жизни, гдѣ всѣ инстинкты человѣческой природы царствовали повсюду на усладу и торжество одного небольшаго сравнительно слоя общества на счетъ цѣлой массы настоящихъ рабовъ и разнаго рода зависимыхъ людей. Новое время поставило новые идеалы, личные и общественные; оно не возводитъ въ особый культъ господство инстинктовъ, которымъ отводится надлежащее, второстепенное мѣсто въ жизни личности, теперь задающейся болѣе высокими задачами, поставленными христіанствомъ и современной моралью, наукой и государствомъ. Девятнадцатому столѣтію досталась на долю нелегкая забота доказать на дѣлѣ всю могучую энергію „сильной воли“, проявляющейся въ дѣятельности человѣческой личности, блестящими примѣ-

рами которой богата вся новая исторія человѣчества съ XV по XVIII вѣкъ. Ученіе о свободной волѣ не выдумано, какъ это утверждаетъ Нитцше, философами съ предвзятою цѣлью имѣть основанія наказывать виновныхъ въ нарушеніи религіозныхъ или юридическихъ предписаній. Въ этомъ замѣчаніи Нитцше вѣрно лишь то, что религія и право обращаются къ человѣку, какъ существу, которое не находится всецѣло въ безусловной зависимости отъ грубыхъ, чувственныхъ порывовъ, безсознательныхъ влеченій и страстей. По представленію христіанской религіи и европейскаго права человѣкъ—самостоятельная и свободная личность, сама вырабатывающая всѣ свои идеалы, моральные и соціальные; отъ собственныхъ же ея усилій, энергичной дѣятельности зависитъ и осуществленіе всякаго рода жизненныхъ стремленій и плановъ, какъ это доказывается окружающею дѣйствительностью. Поэтому понятія отвѣтственности за свои поступки, вины того или другаго члена общества въ нарушеніи одного изъ существенныхъ требованій (религіозныхъ, моральныхъ и др.), условій общежитія и, сообразнаго съ виной, наказанія за уклоненіе отъ этихъ условій—одни изъ элементарныхъ понятій въ современной общественной жизни, весь нормальный ходъ которой немыслимъ при ихъ игнорированіи. Но, наказывая преступника, общество поступаетъ по правилу относительной справедливости, возможной при наличныхъ силахъ человѣка и состояніи самого общества. Общество въ лицѣ государства не беретъ на себя непосильной роли полнаго воздаянія за совершенное преступленіе; оно вѣритъ только, что въ мірѣ существуетъ высшій, нравственный порядокъ, въ которомъ рано или поздно найдетъ награду всякій похвальный поступокъ и будетъ наказанъ дурной.

Въ области личной жизни воля, энергія человѣка направлена на борьбу съ чувственными влеченіями его природы въ томъ случаѣ, если они мѣшаютъ осуществленію высшихъ ду-

ховныхъ стремленій человѣческой природы. Ея инстинкты, чрезмѣрное развитіе которыхъ тормозитъ нравственное совершенствованіе личности, играютъ второстепенную роль въ дѣлѣ пріобрѣтенія знаній. Наши внѣшнія чувства, такъ поддающіяся, подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій, всякаго рода извращеніямъ (иллюзіямъ и галлюцинаціямъ), не могутъ поэтому правильно показывать все, что происходитъ въ внѣшнемъ мірѣ. Нитцше возстаетъ противъ господства разума во всей философіи, попытокъ многочисленныхъ философовъ, древнихъ и новыхъ, разрѣшить основные вопросы человѣческой жизни о происхожденіи міра, положеніи въ немъ человѣка, смыслѣ его жизни и др. Онъ называетъ заблужденіями многія важныя пріобрѣтенія философіи—ея представленія о человѣческой личности, „я", о законѣ причинности, обвиняетъ философовъ въ смѣшеніи причины съ слѣдствіемъ и представляетъ образно „исторію заблужденій" людей, конецъ которой совпадаетъ съ появленіемъ Заратустры. Но человѣчество обязано разуму человѣка всѣми успѣхами своихъ знаній о природѣ и самомъ себѣ. Не одни внѣшнія чувства, а, главнымъ образомъ, разумъ помогъ Нитцше создать его своеобразную философію, и ослабленіе чрезмѣрной дѣятельности его разума было причиной его настоящаго безотраднаго и почти безнадежнаго состоянія, полной зависимости отъ однихъ инстинктовъ его природы. При помощи разума человѣкъ началъ понимать окружающія его явленія, въ которыхъ онъ сталъ отыскивать извѣстную внутреннюю связь. Законъ причинности—не „великое заблужденіе", а найденный разумомъ человѣка, доступный ему способъ объясненія міровыхъ явленій, благодаря которому человѣкъ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что происходитъ въ видимомъ мірѣ и въ немъ самомъ. Стараясь отыскать связь явленій, каждый думаетъ найти что-либо до сихъ поръ не „пережитое и знакомое" ему, а новое, неизвѣстное, въ безпрерывномъ стремленіи къ которому человѣческа-

то духа--источникъ постояннаго движенія его впередъ къ отысканію законовъ природы. Разумъ помогъ человѣку въ укрѣпленіи взгляда, что есть Верховный Источникъ всего существующаго, о которомъ такъ много говорятъ всѣ религіи міра, особенно же христіанская: безъ глубокаго убѣжденія въ существованіи Бога немыслима истинная мораль, высшіе, альтруистическіе идеалы человѣческой личности, осуществленіе ихъ въ жизни. Высшее счастье для человѣка — чувство нравственнаго удовлетворенія отъ сознанія совершеннаго долга, обязанности служить ближнему, слѣдовательно, результатъ не „вырожденія инстинктовъ и измельчанія воли", какъ думаетъ Нитцше, а напротивъ высшаго ея напряженія и развитія вслѣдствіе труднаго для человѣка рѣшенія подчинить свои инстинкты высшимъ побужденіямъ, мотивамъ. Только въ области матеріальной жизни отсутствуютъ сознательныя побужденія, безъ которыхъ не обходится ни одинъ актъ въ духовной дѣятельности человѣка. Обыкновенно онъ ставитъ самъ цѣли въ своей личной и общественной жизни и при ихъ преслѣдованіи выбираетъ между различными, представляющимися ему, путями наиболѣе цѣлесообразный, удобный, сообразный съ заранѣе намѣченнымъ,—общимъ направленіемъ всей дѣятельности человѣка. На эту дѣятельность вліяютъ до извѣстной степени наслѣдственныя наклонности, которыя, однако, видоизмѣняются сначала воспитаніемъ, а потомъ и собственною волею человѣка въ извѣстномъ, желательномъ ему духѣ. Не связываютъ совершенно человѣка и тѣ или другія условія, среди которыхъ онъ дѣйствуетъ. Обычная ссылка на „среду", яко бы парализующую волю человѣка, означаетъ просто недостатокъ въ немъ характера, способности энергично и послѣдовательно проводить свои планы въ самую жизнь. Въ жалобахъ на „заѣдающую среду" нужно видѣть неудачную попытку оправдать свое безсиліе и уступки разнымъ влеченіямъ и постороннимъ соображеніямъ,

чуждымъ людямъ съ ясно и твердо поставленными цѣлями въ жизни и неуклоннымъ, часто вопреки „обстоятельствамъ", ихъ осуществленіемъ. Странно слышать, что человѣкъ существуетъ въ мірѣ невѣдомо для чего или, вѣрнѣе, только для безусловнаго подчиненія однѣмъ темнымъ силамъ своей матеріальной природы, торжество которыхъ въ жизни человѣка указывало бы только на то, что онъ недалеко ушелъ отъ состоянія животнаго, отказавшись отъ возможности всесторонняго развитія духовныхъ своихъ силъ, хотя о непрекращающемся его ходѣ говоритъ вся долгая исторія человѣческихъ исканій истины и правды. Если слѣдовать взглядамъ Нитцше, придется уничтожить всякое различіе между истиной и ложью вмѣстѣ съ исчезновеніемъ равницы между „истиннымъ міромъ и кажущимся", міромъ идеальныхъ представленій о высшихъ задачахъ человѣческой жизни и областью напрасныхъ попытокъ осуществить идеалы человѣка, которыя парализуются часто наблюдаемымъ перевѣсомъ въ жизни человѣка, такъ любимыхъ Нитцше, инстинктовъ его природы. Изъ всѣхъ разсужденій Нитцше о современной наукѣ вѣрно лишь его замѣчаніе о стремленіи многихъ ученыхъ (позитивистовъ) замѣнить религіозную вѣру въ Бога представленіемъ о вѣчной истинѣ, законахъ міровыхъ явленій, которымъ всѣ они подчиняются безусловно. Нитцше правъ, когда онъ утверждаетъ, что подобная замѣна понятій не упраздняетъ религію, какъ въ этомъ увѣрены позитивисты, а только искажаетъ ее именно потому, что ставитъ на мѣстѣ Высшаго, личнаго Существа общія отвлеченныя, мертвыя понятія, которыми нельзя объяснить всей живой дѣйствительности.

Взгляды гр. Толстого на *науку и искусство* произошли изъ недостаточнаго, неправильнаго представленія его о духовной природѣ человѣка, о роли въ обществѣ науки и искусства, и ложнаго воззрѣнія на народъ, подъ которымъ онъ разумѣетъ одни низшіе его классы, простой народъ (кресть-

янъ). Личность человѣка въ философіи Толстого—призрачное, несамоостоятельное существо, также какъ и у Нитцше, лишенное стремленія къ отысканію истины и обреченное Толстымъ на одно безпрерывное самопожертвованіе на пользу другихъ, устройство ихъ матеріальнаго, обиходнаго быта. Человѣкъ является у Толстого лишеннымъ всякой личной духовной жизни, гдѣ могло бы найти мѣсто удовлетвореніе вѣчныхъ требованій и запросовъ человѣческаго духа. Нашъ философъ не хочетъ признавать, вложенную въ человѣческую природу и ничѣмъ неискоренимую, жажду знанія человѣкомъ законовъ всего существующаго, объясненія имъ всѣхъ міровыхъ явленій, помимо всякихъ практическихъ соображеній о непосредственной пользѣ отъ примѣненія пріобрѣтенныхъ знаній о природѣ. Неотдѣлима отъ человѣческой природы и потребность въ изученіи проявленій *идеи красоты* въ мірѣ и человѣческихъ отношеніяхъ. Толстой отвергаетъ, давно установившееся въ теченіе исторіи умственнаго развитія человѣчества, различіе между такъ называемыми *чистыми, основными* науками, занятыми теоретическими изслѣдованіями о законахъ жизни вселенной и самого человѣка, и *техническими, прикладными науками,* имѣющими дѣло съ примѣненіемъ, добытыхъ чистыми науками, знаній къ удовлетворенію потребностей человѣческой природы. Успѣхъ послѣдняго рода наукъ прямо обусловливается развитіемъ наукъ основныхъ. Такъ, напримѣръ, необыкновенный прогрессъ въ области промышленности и всего матеріальнаго быта въ европейскомъ обществѣ XIX-го столѣтія объясняется ранѣе небывалымъ, быстрымъ развитіемъ естественныхъ наукъ въ XVII—XVIII-мъ в.в. Всѣ нападенія Толстого на О. Конта и всю современную, позитивную науку обличаютъ въ немъ совершенное незнакомство съ взглядами Конта, его позитивной философіей и дѣйствительною ролью позитивной науки въ современной общественной жизни. Толстой приписываетъ Конту теорію объ обще-

ствѣ, какъ организмѣ, въ которомъ одни члены (высшіе, богатые классы общества) занимаются умственнымъ трудомъ, нисколько ненужнымъ другимъ членамъ организма — низшимъ классамъ, обреченнымъ на одинъ тѣлесный, физическій трудъ. Но, прежде всего, органическая теорія принадлежитъ вовсе не О. Конту, а появилась въ нѣмецкой наукѣ въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст.—въ философіи Шеллинга и Гегеля и развилась затѣмъ въ самостоятельную научную теорію въ органической школѣ Краузе, имѣющей видныхъ представителей среди ученыхъ всѣхъ почти европейскихъ странъ. Къ сторонникамъ органической теоріи принадлежитъ и Г. Спенсеръ, выработавшій свои взгляды независимо отъ О. Конта. Органическая теорія происхожденія міра нашла сильную опору въ теоріи Дарвина о развитіи всего міра при помощи закона наслѣдственности, борьбы за существованіе и приспособляемости разныхъ видовъ къ жизненнымъ условіямъ. Однако, сущность, плохо понятаго Толстымъ, ученія О. Конта заключается въ совершенно другомъ взглядѣ на общество. Толстой самъ придумалъ выводы изъ этого ученія, чтобы только подыскать основаніе для своихъ собственныхъ измышленій. Въ представленіи Толстого сливаются въ одно и экономическая теорія народонаселенія Мальтуса, и эволюціонная теорія Дарвина и Спенсера, и „органическая“ теорія Конта. Конечно, между взглядами всѣхъ этихъ ученыхъ, появившихся почти въ одно и тоже время, есть нѣкоторыя общія точки соприкосновенія, но иногда очень отдаленныя, какъ, напримѣръ, между воззрѣніемъ Мальтуса о замѣчаемой несоразмѣрности увеличенія населенія съ средствами пропитанія [1]), и теоріей Конта объ обществѣ, подъ которымъ онъ разумѣетъ всѣхъ людей, вообще человѣчество, а не отдѣльные

---

[1]) Мальтусъ утверждаетъ, что населеніе обыкновенно увеличивается въ геометрической пропорціи, а средства пропитанія только въ ариѳметической, т. е., что людей больше на свѣтѣ, чѣмъ пищи для нихъ.

народы. Уже одинъ этотъ взглядъ Конта на общество, какъ механическое, а не органическое соединеніе людей, показываетъ, что его мысли направлены на совершенно иной путь, оставленный безъ вниманія Толстымъ.

Контъ думалъ создать науку объ обществѣ путемъ изученія законовъ соціальныхъ явленій, которые впервые и указаны имъ. Изъ числа этихъ законовъ одинъ и главнѣйшій—законъ послѣдовательности, прогресса общественныхъ явленій [1]) не только не освящаетъ существовавшаго издавна, помимо всякихъ теорій, въ обществѣ раздѣленія на классы, но прямо открываетъ въ исторической перспективѣ полную вѣроятность сближенія между людьми разныхъ классовъ на почвѣ общихъ интересовъ. Конта занимала много мысль о томъ, какъ связать въ одно цѣлое разнообразныя отрасли знанія, которыхъ въ XIX-мъ вѣкѣ стало такъ много вслѣдствіе все болѣе и болѣе увеличивающейся спеціализаціи, развитія особыхъ наукъ о тѣхъ или другихъ родахъ міровыхъ явленій. Собрать воедино всѣ, добытые отдѣльными науками, выводы, чтобы составить такимъ образомъ общее, научное, положительное міросозерцаніе, основывающееся только на реальныхъ данныхъ, представлялось Конту такимъ труднымъ дѣломъ, что онъ предложилъ заняться имъ ученымъ, которые бы могли спеціально посвятить ему свои силы. Но этотъ классъ, проектированный Контомъ, не составлялъ бы какого-то привиллегированнаго цеха ученыхъ, занятія которыхъ были бы совершенно безплодны для всего общества. Если бы мысль Конта была осуществлена, то, прежде всего, получилась бы та несомнѣнная для всѣхъ польза, что прекратилась бы страшная путаница въ понятіяхъ, которая составляетъ, по словамъ Конта, „настоящее бѣдствіе современ-

[1]) Другой соціальный законъ, открытый О. Контомъ, заключается въ сосуществованіи, взаимодѣйствіи всѣхъ соціальныхъ явленій извѣстной исторической эпохи и, вытекающемъ отсюда, общемъ, основномъ ихъ характерѣ.

наго общества". Тогда могли бы исчезнуть трудно примиримая теперь разница и противоположность въ воззрѣніяхъ представителей разныхъ отраслей знанія, наукъ естественныхъ, математическихъ, общественныхъ и др.: всѣ выводы этихъ наукъ были бы соединены въ одну общую систему, гдѣ они объяснялись бы одной основной, руководящей идеей, способной сдѣлаться надежнымъ компасомъ и маякомъ и при дальнѣйшемъ развитіи знаній. Но пусть гр. Толстой успокоится и перестанетъ смущать довѣрчивые умы читателей его сочиненій своими нападками на современную науку и на самомъ дѣлѣ невинныя занятія ученыхъ! Въ обществѣ нѣтъ того класса ученыхъ, который для непонятныхъ и безполезныхъ ему занятій заставляетъ работать на себя цѣлую массу народа! Раздѣленіе общества на классы произошло въ незапамятныя времена первоначальной, доисторической жизни людей подъ вліяніемъ такихъ условій совмѣстной жизни людей, которыя не перестали дѣйствовать и въ послѣдующія историческія эпохи. Такъ первыми классами въ первобытномъ обществѣ сдѣлались жрецы и войны, такъ какъ религія тогда была главнымъ элементомъ жизни людей, а война—первымъ ихъ занятіемъ. Тѣ и другіе къ тому же являлись и первыми поземельными владѣльцами если только не было общей собственности во всемъ примитивномъ обществѣ. Всѣ же хозяйственныя работы и занятія ремеслами доставались на долю низшей, обыкновенно зависимой массы населенія, гдѣ встрѣчалось много и настоящихъ рабовъ. Такъ въ самомъ началѣ общественной жизни людей произошло раздѣленіе ихъ на высшіе и низшіе классы, помимо какихъ-либо искусственныхъ, предвзятыхъ научныхъ теорій, о которыхъ тогда не могло быть даже и рѣчи! Въ послѣдующую, историческую эпоху—въ восточныхъ государствахъ различіе между высшими и низшими классами общества выразилось въ чрезвычайно рѣзкихъ формахъ. На верху стояли могущественный классъ

жрецовъ и рядомъ съ ними, а иногда и надъ ними, сильные, восточные монархи, неограниченные ничѣмъ въ проявленіи своего произвола, всякихъ капризовъ и прихотей по отношенію къ сплошной массѣ рабскаго населенія—низшихъ классовъ народа.

Различіе между общественными классами сохранилось и въ античномъ мірѣ, у древнихъ грековъ и римлянъ: и у этихъ народовъ сказывалась разница между положеніемъ группы людей, облеченныхъ властью и обладающихъ религіозными тайнами, знаніями и богатствомъ, и всѣмъ остальнымъ простымъ населеніемъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ. Эти различія между слоями общества, высшимъ и низшимъ, существовали въ средѣ только всего свободнаго населенія греческихъ государствъ и римскаго. Имъ, кромѣ того, была извѣстна и, отмѣченная нами, противоположность между свободными гражданами государства и рабами, которая въ античномъ мірѣ немного смягчилась по сравненію съ Востокомъ, но не исчезла: безъ массы рабовъ, занятыхъ хозяйственными интересами своихъ господъ, была бы немыслима жизнь древнихъ грековъ и римлянъ, ихъ досугъ, необходимый для занятій политическими дѣлами и созерцательной, умственной жизни. Институтъ рабства исчезъ въ новое время подъ вліяніемъ христіанскихъ идей о равенствѣ всѣхъ людей предъ Богомъ и германскихъ понятій о свободѣ человѣческой личности; но вмѣсто него осталась и существовала долго тяжелая форма подчиненія массы народа высшимъ классамъ общества—крѣпостное право, которое тяготѣло надъ населеніемъ средневѣковыхъ феодальныхъ государствъ. Крѣпостные—земледѣльцы и ремесленники—отправляли въ пользу своихъ феодальныхъ господъ (въ Германіи) и сеньоровъ (во Франціи) многочисленныя повинности, платили имъ и государству разнообразные налоги и сборы и проводили всю свою тяжелую, безъ всякаго просвѣта, жалкую

жизнь въ однихъ физическихъ трудахъ, результатами которыхъ пользовались другіе, высшіе классы западно-европейскаго общества—дворянство и духовенство. Измѣненіе отношеній между общественными классами наступило подъ вліяніемъ развитія науки, которой въ значительной мѣрѣ европейское общество обязано тѣмъ, что въ немъ были подорваны основы феодальнаго строя и на мѣстѣ рухнувшаго средневѣковаго быта возникло новое общество со всѣми его учрежденіями, доступными всѣмъ классамъ.

Только отъ односторонняго, близорукаго взгляда на роль науки въ жизни людей ускользаетъ тотъ несомнѣнный фактъ, что наука приносила имъ пользу съ тѣхъ поръ, какъ только появились первыя попытки устроить совмѣстную жизнь людей, которые обязаны наукѣ всей своей обстановкой, жизненными удобствами и всѣмъ матеріальнымъ благосостояніемъ. Благодаря тяжелому и мучительному труду человѣческаго ума, питаніе дикаря сырыми или плохо обработанными продуктами земли, растеніями, мясомъ животныхъ смѣнилось со временемъ пищею культурнаго человѣка, принаровленною не только къ необходимымъ, но даже и утонченнымъ его вкусамъ. Жалкія одѣянія дикарей, довольствовавшихся самодѣльными костюмами изъ шкуръ, убитыхъ ими, животныхъ и растеній, замѣнились удобной и иногда роскошной одеждой культурныхъ людей, которые стали жить не въ первобытныхъ шалашахъ, незащищавшихъ обитателя отъ стихій природы, а въ домахъ, устроенныхъ по правиламъ архитектуры, приспособленныхъ ко всѣмъ нуждамъ и потребностямъ культурной жизни. Только благодаря научнымъ открытіямъ, въ числѣ которыхъ на первомъ планѣ нужно поставить изобрѣтеніе, ненужныхъ Толстому, денегъ, произошли значительныя измѣненія въ экономическомъ быту народныхъ массъ, которыя на Западѣ Европы живутъ въ наше время такъ, какъ въ средніе вѣка жили средніе, а еще ранѣе и высшіе классы общества въ

нѣкоторыхъ странахъ. Великія изобрѣтенія новаго времени въ области свѣта, пара, электричества совершили громадный переворотъ въ развитіи промышленности, торговли и взаимныхъ сношеніяхъ людей, многочисленныя благодѣянія котораго чувствуются и народными массами. Кромѣ того, наука вмѣстѣ съ религіей издавна была главнымъ источникомъ умственнаго и нравственнаго развитія общества. Изобрѣтеніе книгопечатанія, въ пользѣ котораго сомнѣвается гр. Толстой, дало толчекъ распространенію знаній во всемъ средневѣковомъ обществѣ, гдѣ до этого времени они были доступны лишь небольшой кучкѣ людей, ютившейся въ монастыряхъ. Съ распространеніемъ знаній сдѣлалось возможнымъ болѣе глубокое и полное примѣненіе истинъ христіанскаго ученія, которое тормозилось деспотизмомъ средневѣковыхъ государей, ихъ насиліями, рабствомъ цѣлой массы людей. Наука въ лицѣ *гуманистовъ* (XVI—XVII в.) провозгласила начало уваженія къ личности человѣка, развитіе которой задерживалось всѣми мѣрами въ своихъ интересахъ властолюбивымъ папствомъ. Римскіе папы боялись науки, какъ огня, такъ какъ они хорошо сознавали, что ихъ власть надъ западно-европейскими народами основана только на невѣжествѣ народныхъ массъ. Поэтому папы мѣшали развитію науки, не стѣсняясь прибѣгать къ насилію для того, чтобы задержать просвѣщеніе народа. Извѣстна участь знаменитаго астронома Галилея, открывшаго движеніе земли около солнца: онъ былъ посаженъ въ темницу и долженъ былъ подписать отреченіе отъ своихъ еретическихъ мыслей. Галилей не захотѣлъ подчиниться этому насилію; не подчинилась папамъ и наука, которая продолжала обогащаться разными открытіями. Подъ вліяніемъ необыкновеннаго развитія астрономіи должно было исчезнуть вѣковое заблужденіе людей, воображавшихъ себя царями всей вселенной, въ которой они вмѣстѣ съ землей заняли теперь очень скромное мѣсто. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, вопреки мнѣнію

Нитцше, человѣкъ возвысился въ своихъ понятіяхъ о Творцѣ вселенной при видѣ безчисленныхъ міровъ небесныхъ свѣтилъ, разсѣянныхъ въ необозримыхъ, необъятныхъ ея пространствахъ. Открытіе многочисленныхъ законовъ міровыхъ явленій естественными науками разсѣяло вѣру въ волшебство, магію, некромантію, гаданія и также укрѣпило въ сознаніи людей вѣру въ величіе и могущество Творца. Теперь стали немыслимыми жестокія, возмутительныя казни тысячи лицъ, обвиняемыхъ въ колдовствѣ и сношеніяхъ съ сатаной и поэтому сжигаемыхъ на кострѣ. Наука же избавила человѣчество отъ позорныхъ убійствъ массами „еретиковъ“ вѣрными служителями католической церкви (іезуитами). Умственное движеніе въ Германіи (XVI—XVII в.), особенно же просвѣтительная французская философія XVIII ст. возвысили понятіе о человѣческой личности и тѣмъ способствовали разрушенію средневѣковаго, феодальнаго общественнаго строя, основаннаго исключительно на привиллегіяхъ, произволѣ и господствѣ высшихъ классовъ надъ низшими.

На развалинахъ средневѣковаго строя возникло въ XIX ст. новое общество, въ которомъ наука заняла первое мѣсто среди творческихъ силъ въ жизни народа. Человѣческій духъ продолжаетъ неутомимо работать надъ созданіемъ условій общественной жизни, благопріятныхъ для достиженія разнообразныхъ цѣлей человѣческой личности. Конечно, нельзя отвергать того факта, что отъ постепеннаго накопленія знаній о законахъ природы и человѣка выигрывали долго одни высшіе классы общества, съумѣвшіе хорошо устроить всю свою жизнь съ помощью науки, обставить ее всѣми удобствами и даже предметами роскоши. Но на тѣже высшіе классы европейскаго общества легла, ясно сознаваемая, ими теперь тяжелая забота о просвѣщеніи народныхъ массъ и поднятіи ея матеріальнаго благосостоянія. Много предстоитъ впереди напряженной, но плодотворной по своимъ результатамъ, ра-

боты европейскому обществу и правительствамъ надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать образованіе во всѣхъ его видахъ общедоступнымъ, пріобщить народныя массы къ научнымъ сокровищамъ и сблизить науку съ жизнью, гдѣ она могла бы служить непосредственно народнымъ нуждамъ. Толстой до извѣстной степени правъ, когда онъ упрекаетъ современную науку въ томъ, что она служитъ болѣе высшимъ классамъ общества, занимается разными отвлеченными вопросами, неимѣющими непосредственнаго отношенія къ нуждамъ простого народа. Покрайней мѣрѣ, справедливо, что наши русскіе крестьяне до сихъ поръ живутъ въ той же примитивной, жалкой матеріальной обстановкѣ, въ какой ихъ предки жили нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ. Но на Западѣ Европы низшее, рабочее населеніе городовъ и селъ живетъ въ болѣе лучшихъ условіяхъ матеріальной жизни, болѣе имѣетъ средствъ пользоваться всѣми техническими открытіями при удовлетвореніи своихъ нуждъ и также въ состояніи вѣрно оцѣнить всю пользу знаній о природѣ и обществѣ, которыя получаются имъ при посѣщеніи школъ, публичныхъ лекцій и самостоятельномъ чтеніи классическихъ произведеній литературы и разнаго рода научныхъ сочиненій. Мысль о необходимости просвѣщенія всей массы народа проникла въ западныхъ странахъ такъ глубоко въ сознаніе общества, что въ немъ на нашихъ глазахъ возникло, сначала въ Англіи, а потомъ и на континентѣ въ высшей степени оригинальное учрежденіе „распространеннаго народнаго университета“, въ которомъ принимаютъ самое дѣятельное участіе виднѣйшіе представители западноевропейской науки. Тоже движеніе къ распространенію знаній среди народа замѣчается и въ нашемъ отечествѣ, гдѣ вмѣстѣ съ постепеннымъ увеличеніемъ всякаго рода школъ (высшихъ спеціальныхъ, среднеучебныхъ заведеній, особенно техническихъ и народныхъ школъ) развивается, особенно за послѣднее время, популярная научная литература. Въ ней

дѣлаются общедоступными выводы современной науки по разнымъ ея отраслямъ, изученіе которыхъ свидѣтельствуетъ о выражаемой со всѣхъ сторонъ жаждѣ знанія и его необходимости для многихъ практическихъ нуждъ народа. Привилась къ русской жизни, способная удовлетворить въ извѣстной степени замѣтно оживившейся въ ней потребности въ знаніяхъ, и идея „распространеннаго университета“ [1]).

Съ такими серьезными стремленіями нашего общества къ самообразованію совершенно не вяжется глумленіе Толстого надъ умственнымъ трудомъ, „работой головой“, которую онъ осмѣиваетъ въ сказкѣ объ „Иванѣ дуракѣ“, восхваляя въ тоже время физическій трудъ [2]). „Головой можно выработать больше, чѣмъ руками“, во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ труда, гдѣ рѣчь идетъ не о насущномъ только кускѣ хлѣба, но и обезпеченіи людямъ лучшихъ условій матеріальныхъ условій ихъ жизни, особенно же устройствѣ всякаго рода общественныхъ учрежденій, обусловливающихъ всестороннее развитіе силъ человѣческой природы и удовлетвореніе всѣхъ его потребностей. Одна физическая работа безъ умственнаго труда не можетъ, какъ показываетъ много примѣровъ изъ жизни простаго народа, вывести людей изъ состоянія дикости и безпросвѣтнаго мрака суевѣрія и невѣжества и дать имъ счастливую жизнь. Еще болѣе мы считаемъ неумѣстнымъ въ дѣлѣ просвѣщенія выдавать за современную науку каррикатурное ея изображеніе, которое мы находимъ въ „Плодахъ просвѣщенія“ гр. Толстого. Еще никто не представлялъ серьезно всю

---

[1]) Такъ, напр., въ обѣихъ столицахъ образовались два кружка ученыхъ и публицистовъ, поставившихъ себѣ задачей устройство публичныхъ лекцій, выработку энциклопедическихъ программъ для самообразованія и облегченія домашнихъ занятій науками, входящими въ кругъ, систему самообразованія. Въ одномъ изъ русскихъ университетовъ (харьковскомъ) открыты общеобразовательные публичные курсы. Профессора университетовъ читаютъ публичныя лекціи по наиболѣе интересующимъ общество вопросамъ.

[2]) Сочиненія Толстого, XII ч., 159—163 стр.

науку въ видѣ какой-то теоріи о спиритизмѣ или микробахъ, понятій о нихъ, сшитыхъ бѣлыми нитками, плохо составленныхъ и усвоенныхъ извѣстнымъ кружкомъ праздныхъ лицъ. Толстой выводитъ въ „Плодахъ просвѣщенія“ такихъ представителей науки, которые знакомы съ нею поверхностно и занимаются ею отъ нечего дѣлать (проф. Кругосвѣтловъ, Петрищевъ, Сохатовъ и др.), или же дѣлаютъ науку предметомъ недостойныхъ насмѣшекъ и праздной, пустой забавы (сынъ Звѣздинцева). Такого рода „наука“ можетъ доставить случай потѣшиться надъ господами и извлечь изъ нихъ для себя выгоды, какъ это сдѣлала горничная Звѣдинцевыхъ, Таня. Но эта наука, конечно, не нужна народу, который съ удивленіемъ и насмѣшкой смотритъ (въ лицѣ трехъ мужиковъ), какъ господа забавляются такимъ пустымъ дѣломъ [1]). Нападать на современную науку, отрицать ее потому только, что въ ней есть много неустановившихся теорій, разнаго рода нерѣшенныхъ вопросовъ, значитъ отвергать въ человѣкѣ, коренящіеся въ его природѣ, вѣчные запросы человѣческаго духа о происхожденіи міра, человѣка и смыслѣ его жизни, который такъ усердно ищетъ самъ графъ Толстой и находитъ его, съ своей точки зрѣнія, съ помощью той же науки. Истинная наука не имѣетъ ничего общаго съ нелѣпыми о ней представленіями какой-либо кучки праздныхъ и сытыхъ людей: умственный трудъ, необходимый для занятій ею, какъ прекрасно замѣчаетъ и Толстой, трудное, тяжелое дѣло, требующее постояннаго напряженія всѣхъ духовныхъ и физическихъ силъ человѣка, пожертвованій своимъ временемъ, здоровьемъ, а иногда и жизнью. Мы знаемъ скромныхъ тружениковъ науки, которые проводятъ всю свою жизнь въ кабинетахъ, лабораторіяхъ, зараженныхъ міазмами, буквально губятъ свое здоровье и жизнь въ неусыпныхъ тру-

[1]) Соч. Толстого, XIII т., 373—490 стр.

дахъ изъ за искренней преданности идеѣ истины и самоотверженной любви къ людямъ. Были всегда и есть и теперь великіе работники мысли, спасающіе своими теоретическими открытіями, добытыми путемъ, опасныхъ для ихъ жизни, опытовъ милліоны людей отъ неминуемой смерти (Дженнеръ, Пастеръ, Ру и др.). Но самоотверженіе—великій подвигъ, доступный немногимъ, и требовать его отъ всѣхъ людей значитъ надѣлять человѣческую природу одними высшими, нравственными качествами, на ряду съ которыми есть въ ней и разнаго рода недостатки и слабости, встрѣчающіеся и среди представителей науки. Поэтому-то Толстой такъ строгъ къ *медикамъ*, которые, по его словамъ, не спасаютъ людей отъ смерти, а только съ важной миной жрецовъ науки, пренебрегая часто стыдливостью паціентовъ, дѣлаютъ видъ, что они лѣчатъ разныя болѣзни, въ которыхъ на самомъ дѣлѣ ничего не понимаютъ [1]). Считаетъ ненужными, излишними медицину и медиковъ и Нитцше, который вмѣняетъ въ обязанность врачамъ не лѣчить больныхъ—паразитовъ общества, неспособныхъ къ дальнѣйшему развитію своихъ инстинктовъ. Однако, не всѣ же больные непремѣнно умираютъ и все искусство врача обыкновенно бываетъ направлено на то, чтобы возвратить своимъ паціентамъ здоровье и, значитъ, возможность продолжать жизнь по рецепту Нитцше, если только они жили по нему ранѣе, или предпочитаютъ жить позже. Современная медицина и ея представители не задаются такими вопросами, а во имя человѣколюбія считаютъ своимъ долгомъ сдѣлать все возможное для возвращенія силъ всякому больному, какова бы ни была его болѣзнь и надежда на выздоровленіе; врачи борятся съ нею всѣми средствами, указываемыми наукой, и они, конечно, не виноваты въ томъ, что медицинскія науки такъ еще несовершенны,

---

[1]) См. „Крейцерову Сонату“ (XIII т. соч. Толстого, 567—568, 572—573 стр.).

что дают въ руки мало вѣрныхъ медикаментовъ, исцѣляющихъ отъ разнаго рода опасныхъ для жизни болѣзней. Серьезный, знающій и гуманный врачъ никогда не позволитъ себѣ ни дѣлать „важную мину жреца науки", ни оскорблять безъ нужды чувства стыдливости паціентовъ, которымъ къ тому же не до того, чтобы слѣдить за соблюденіемъ приличій, разъ дѣло идетъ, быть можетъ, о самой ихъ жизни. Теперь уже открыты не только причины многихъ, наиболѣе губительныхъ для здоровья, болѣзней (заразительныхъ: дифтерита, чумы, бѣшенства, сибирской язвы и др.), но и найдены надежныя средства ихъ излеченія. Поэтому нельзя сказать, что современная медицина безсильна совсѣмъ въ излеченіи болѣзней и врачи берутся за дѣло, въ которомъ они ничего не понимаютъ. Тамъ же, гдѣ медицина пока еще мало сказала о средствахъ излеченія болѣзни, нерѣдко спасаетъ больного отъ смерти искренняя любовь и преданность къ своему дѣлу гуманнаго врача, который забываетъ о себѣ у постели трудно больнаго и испытываетъ живѣйшее, нравственное удовольствіе, если ему удастся спасти больнаго отъ грозящей ему, иногда неминуемой смерти.

Современная наука думаетъ не объ одномъ только сохраненіи и развитіи тѣлесныхъ силъ, здоровьи человѣка. Для нея не менѣе важны и нравственныя его силы, изслѣдованіемъ которыхъ занимается *этика* — наука о нравственности, извѣстная еще въ глубокой древности. Китайскій мудрецъ Конфуцій, особенно же греческіе философы Платонъ и Аристотель первые обратили вниманіе на первостепенную роль нравственнаго элемента въ человѣческой жизни и первые же дали ученіе о нравственности, какъ высшемъ жизненномъ идеалѣ человѣка, которому должны подчиняться остальныя цѣли его жизни. Но представленія древнихъ греческихъ философовъ о морали имѣли аристократическій характеръ, были разсчитаны на различіе грековъ—свободныхъ только лю-

дей,—отъ всѣхъ остальныхъ народовъ (варваровъ) и рабовъ. Истинно нравственную жизнь могли вести, по взгляду Платона и Аристотеля, только одни греки, обладавшіе всѣми качествами сильныхъ людей съ развитыми инстинктами и духовными силами и способными вести жизнь въ духѣ политическихъ и общественныхъ идеаловъ древности. Новая европейская мораль построена на понятіи о человѣческой личности, присущихъ ей нравственныхъ силахъ, одинаково свойственныхъ всѣмъ людямъ безъ различія національности и какихъ-либо другихъ ограниченій (по религіи, происхожденію, общественному классу и проч.). Великому *Э. Канту* принадлежитъ безсмертная заслуга геніальнаго обоснованія нравственнаго закона, открытаго имъ въ человѣческой природѣ въ видѣ повелительнаго предписанія нашей совѣсти слѣдовать *добрымъ* побужденіямъ и избѣгать *злыхъ* мотивовъ въ своей дѣятельности. Напрасно иронизируетъ надъ Кантомъ въ этомъ случаѣ Нитцше, который самъ не отвергаетъ важнаго значенія совѣсти въ жизни людей, но лишь желаетъ измѣнить ея содержаніе въ духѣ общаго своего міровоззрѣнія. Графъ Толстой—вѣрный послѣдователь нравственныхъ воззрѣній Шопенгауэра—въ тоже время сторонникъ и всего ученія Канта, ученикомъ котораго былъ Шопенгауэръ. Главная моральная идея Толстого о совершенномъ пожертвованіи собою на пользу ближняго до полнаго забвенія своей личности—тотъ же голосъ совѣсти, нравственнаго закона, который Кантъ представляетъ въ видѣ безусловнаго предписанія человѣку слѣдовать голосу совѣсти въ своей нравственной дѣятельности. Подобно Канту, Толстой представляетъ человѣка способнымъ къ тому, чтобы забыть о своей животной природѣ ради высшей, нравственной идеи, но затѣмъ, повидимому, неожиданно приходитъ, вмѣстѣ съ Шопенгауэромъ, къ признанію потребностей тѣлесной природы главною цѣлью человѣческой дѣятельности. Такова и на самомъ дѣлѣ должна быть всякая попытка при-

мѣненія на практикѣ слишкомъ общаго, отвлеченнаго и суроваго нравственнаго требованія Канта, предоставленнаго одному „разумѣнію“ самого человѣка помимо другихъ природныхъ, религіозныхъ и общественныхъ, основаній морали. Сводя всю нравственную дѣятельность къ одной заботѣ о матеріальномъ благосостояніи людей, Толстой въ тоже время забываетъ для этой послѣдней цѣли о всѣхъ наукахъ, кромѣ этики, и обвиняетъ современную опытную, положительную науку въ томъ, въ чемъ она не виновата. Дѣло въ томъ, что позитивное направленіе въ современной наукѣ имѣетъ своею цѣлью лишь отысканіе законовъ видимыхъ міровыхъ явленій. Оно не касается тѣхъ вѣчныхъ вопросовъ человѣческаго духа о конечныхъ причинахъ всѣхъ явленій, цѣляхъ и назначеніи человѣческой жизни, которые составляли издавна предметъ безпрестанныхъ изысканій для ихъ рѣшенія мудрецами всего міра. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ—дѣло религіи, философіи, этики. Превратить въ этику всѣ науки или же выбросить изъ области личной жизни человѣка всѣ знанія положительнаго характера, какъ науки чистыя или *основныя*, такъ и *прикладныя*, техническія значитъ, съ одной стороны, отказаться отъ удовлетворенія коренной потребности природы человѣка объяснить себѣ окружающія его міровыя явленія и собственную природу, а съ другой пренебречь всѣми, добытыми чистыми науками, законами міровыхъ явленій для наиболѣе лучшаго обезпеченія своего личнаго и общественнаго благосостоянія, о которомъ такъ много думаетъ самъ графъ Толстой.

Признавая за истинную науку одну только этику, Толстой долженъ, по крайней мѣрѣ, оставить право на существованіе за *наукой о правѣ*, которая находится въ тѣсной связи съ ученіемъ о нравственности: право—выраженіе нравственныхъ идеаловъ эпохи и въ тоже время могущественное средство осуществленія ихъ на ряду съ другими цѣлями че-

ловѣческой личности (научными, эстетическими и пр.). Между тѣмъ, Толстой, относится съ презрѣніемъ къ наукѣ права, присвоивая ей кличку „размѣнной кассы исторіи". Это названіе юриспруденціи обнаруживаетъ въ его авторѣ полное незнакомство съ задачами, содержаніемъ науки о правѣ и ея отраслями. Главный ея предметъ—право, подъ понятіе котораго подходятъ всѣ обязательныя правила (нормы) отношеній людей въ общественной жизни, существующія здѣсь съ цѣлью помочь имъ въ всестороннемъ удовлетвореніи потребностей человѣческой природы. Источникомъ юридическихъ предписаній является или народъ (обычное право) или государство (законъ). Наука права изучаетъ право, какъ необходимое общественное явленіе, коренящееся въ человѣческой природѣ, изслѣдуетъ роль права въ жизни людей и формы проявленія идеи права въ исторіи всего человѣчества. Общее понятіе права вырабатывалось постепенно въ теченіе не только всей христіанской эры лѣтоисчисленія, но еще задолго до нея (на Востокѣ, въ древней Греціи и Римѣ). Въ каждую эпоху исторіи вносились въ это понятіе права извѣстные элементы, которыми оно дополнялось и развивалось. Поэтому исторія права, въ которой изучается этотъ продолжительный процессъ развитія права, представляется одной изъ отраслей юридическаго знанія, знакомство съ которой необходимо для правильнаго пониманія того, что такое право. Его понятіе со всѣми общими признаками и особенными чертами, отличающими право отъ другихъ общественныхъ правилъ (морали, обычаевъ, приличій и друг.), выясняется въ философіи права, а изложеніемъ положительнаго, дѣйствующаго права въ обществѣ, различныхъ юридическихъ учрежденій въ немъ (семьи, имущества, наслѣдства, государства) занимаются положительныя юридическія науки. Такимъ образомъ, назвать всю юридическую науку „размѣнной кассой исторіи" значитъ не понимать того, что такое право и какая его роль

въ жизни людей, не знать, что за наука юриспруденція и, наконецъ, имѣть самое превратное представленіе объ исторической наукѣ вообще, особенно же—исторіи права.

Гр. Толстой смотритъ на *искусство* исключительно съ нравственной точки зрѣнія, какъ мы видѣли, чрезвычайно возвышенной, но только подрывающей дѣйствительное моральное вліяніе на общество произведеній искусства, неподходящихъ подъ воззрѣнія Толстого на его задачи въ общественной жизни. Недоволенъ произведеніями современнаго искусства и Нитцше, который ждетъ отъ нихъ воплощенія страстей человѣка, поклоненія его инстинктамъ, прославленія плоти, поощренія развитію чувственности. Нитцше желалъ бы, чтобы въ мірѣ царствовало одно веселье и вѣчная радость людей не омрачалась никогда никакими намеками на лишенія, печали, смерть. Аполлоновскому искусству съ его отвлеченными идеалами онъ противопоставляетъ діонисіевское съ его любовью въ могучій инстинктъ жизни въ людяхъ. Толстой вѣритъ въ неминуемое торжество добрыхъ наклонностей въ людяхъ при преслѣдованіи ими нравственныхъ идеаловъ и поэтому опасается будить въ человѣкѣ страсти произведеніями современнаго искусства. По его мнѣнію, они только потакаютъ низменнымъ вкусамъ богатыхъ и праздныхъ классовъ и не приносятъ народу никакой пользы. Въ „Крейцеровой сонатѣ“ Толстой въ виду сохраненія нравственной чистоты въ людяхъ совѣтуетъ упразднить совсѣмъ *музыку* [1]) и рекомендуетъ всѣмъ представителямъ искусства подумать о простомъ народѣ, посвятить ему свои силы и произведенія.

[1]) „Музыка дѣйствуетъ, говоритъ Толстой, не возвышающимъ, а принижающимъ и раздражающимъ душу образомъ. Она переноситъ человѣка въ то состояніе, въ которомъ находился тотъ, кто писалъ музыку. Она гипнотизируетъ слушателей и принуждаетъ ихъ дѣлать то, что угодно исполнителю музыкальнаго произведенія. Она вызываетъ несоотвѣтственное ни мѣсту, ни времени чувство и энергію и поэтому дѣйствуетъ губительно, заставляетъ женъ измѣнять своимъ мужьямъ“. (Соч. Толстого, XIII т., 593—594 и 600—601 стр.).

Самъ Толстой подалъ имъ къ тому примѣръ, когда издалъ цѣлый рядъ сказокъ и легендъ, воспроизводящихъ разныя народныя преданія и суевѣрія [1]). Едва ли, однако, кто можетъ утверждать, что подобная служба народу Толстого, какъ художника, полезнѣе его прежней (до „Исповѣди") литературной дѣятельности, такъ рано имъ покинутой ради дѣятельности проповѣдника—моралиста. Только искреннимъ увлеченіемъ этою новою ролью, которая такъ всегда прельщала Толстого, можно объяснить его невниманіе къ высокому, облагораживающему умъ и сердце человѣка, значенію искусства въ его жизни. Въ истинныхъ произведеніяхъ искусства, образцомъ которыхъ служатъ литературныя произведенія самого же Толстого (до „Исповѣди"), воплощаются обыкновенно тѣ или другіе морально-общественные идеалы, или же, какъ у Гоголя, предаются публичному позору разнообразные нравственные недостатки людей. На такомъ общественномъ характерѣ произведеній искусства основана воспитательная роль лучшихъ беллетристическихъ сочиненій, благотворное вліяніе на все міровоззрѣніе и нравы общества, какое оказываютъ на нихъ сценическія представленія драматическихъ піэсъ, трагедій, комедій, хорошее исполненіе серьезныхъ музыкальныхъ произведеній, посѣщеніе музеевъ и картинныхъ галлерей съ классическими образцами искусства. Всякій изъ насъ знаетъ по себѣ, какъ хорошо дѣйствуетъ на душу серьезная *музыка* (Бетховена, Моцарта, Гайдна, Листа, Глинки и друг.), которая возвышаетъ человѣка надъ обычною жизнью съ ея мелочными, ежедневными заботами, заставляетъ забыть, хотя не надолго, всю горечь тяжелыхъ жизненныхъ испытаній, будитъ въ душѣ человѣка лучшія, благородныя чувства, смягчаетъ нравы общества. Точно такое

---

[1]) Таковы сказки: „Свѣчка", „Три старца", „Какъ чертенокъ краюшку выкупалъ" (XII т. соч. Толстого).

же впечатлѣніе получается при внимательномъ чтеніи лучшихъ литературныхъ произведеній, принадлежащихъ великимъ міровымъ поэтамъ (Шекспиру, Гёте, Шиллеру, Пушкину, Гоголю, самому же Толстому и мн. др.), какъ и созерцаніи дивныхъ произведеній живописи, скульптуры и архитектуры, оставшихся отъ древнихъ грековъ или созданныхъ творческой фантазіей новыхъ художниковъ. Изящная, пластическая форма такихъ классическихъ произведеній искусства удовлетворяетъ чувству прекраснаго, потребности человѣка осуществить во внѣ идею красоты; скрытая подъ ея формой въ произведеніяхъ искусства, мысль художника дѣйствуетъ на умъ и сердце человѣка и совершаетъ въ его возрѣніяхъ и поведеніи измѣненія, желательныя для нравственнаго развитія и полезныя въ равной мѣрѣ каждому отдѣльному лицу и всему обществу. Конечно, среди произведеній искусства есть немало и такихъ, которыя разсчитаны прямо на грубые вкусы толпы и удовлетвореніе однѣхъ чувственныхъ наклонностей человѣка. Такими произведеніями богаты почти всѣ виды современнаго искусства: поэзія—литература, музыка, живопись, скульптура. Во всѣхъ нихъ можно найти произведенія, гдѣ доведено до крайности натуралистическое направленіе, всего менѣе способное возбудить въ людяхъ презрѣніе и отвращеніе отъ нравственныхъ недостатковъ и развить въ нихъ добрыя чувства и мысли. Такого рода произведенія искусства въ духѣ идей Нитцше, его культа чувственности въ человѣкѣ, и противъ нихъ справедливо вооружается Толстой, привлекая къ себѣ въ этомъ случаѣ симпатіи всѣхъ истинно образованныхъ людей. Мы только не можемъ согласиться съ нимъ, что даже серьезныя музыкальныя произведенія, какъ напр., „Крейцерова соната“, дѣйствуютъ на человѣка раздражающимъ образомъ и побуждаютъ людей совершать безнравственные поступки. Въ одной изъ повѣстей ранняго періода своей литературной дѣятель-

ности („Семейное счастье") Толстой прекрасно изображаетъ, какое благотворное, умиротворяющее дѣйствіе произвела серьезная музыка на отношенія супруговъ, начавшія измѣняться къ худшему послѣ ряда счастливыхъ лѣтъ. Даже самое заключеніе брака супруговъ въ „Семейномъ счастьи" произошло подъ вліяніемъ впечатлѣній, навѣянныхъ на жениха художественнымъ исполненіемъ его невѣстой произведенія одного изъ извѣстныхъ европейскихъ композиторовъ. Музыка помирила, начинавшихъ охладѣвать другъ къ другу, супруговъ и закрѣпила снова ихъ союзъ сознаніемъ, отнынѣ связавшей ихъ, общности интересовъ, желаній и заботъ о дѣтяхъ. Въ „Крейцеровой сонатѣ" музыка дѣйствительно раздражаетъ мужа, Позднышева, возбуждаетъ его подозрительность и ревность и даже заставляетъ его рѣшиться на ужасный поступокъ. Но „Крейцерова соната" Толстого даетъ картину ненормальнаго брака и мы должны остановиться на ней подольше при разборѣ и оцѣнкѣ взглядовъ на современный бракъ и женщину обоихъ философовъ, гр. Толстого и Ф. Нитцше.

VI.

„Крейцерова соната"—литературное произведеніе послѣдняго періода дѣятельности гр. Толстого—привлекла при своемъ появленіи исключительное вниманіе всего европейскаго образованнаго общества и возбудила въ немъ самые оживленные толки и споры. Всѣ увидѣли въ „Крейцеровой сонатѣ" прекрасную иллюстрацію къ взглядамъ Толстого на бракъ (его заповѣдь: „не разводись, соблюдай нравственную чистоту до брака и въ бракѣ"). Но въ тоже время читатели были поражены рѣзкимъ осужденіемъ въ ней не только современнаго брака въ высшихъ, образованныхъ классахъ, но и, принятаго у нихъ, воспитанія и даже всего образа ихъ жизни, посвященнаго, по словамъ Толстого, однимъ поблажкамъ

чувственности, сплошному удовлетворенію инстинктамъ человѣческой природы. Впечатлѣніе отъ „Крейцеровой сонаты" на общество получилось необыкновенное: Толстой сразу пріобрѣлъ славу всемірнаго писателя, которой онъ до сихъ поръ не пользовался. Авторъ „Крейцеровой сонаты" былъ заваленъ письмами, въ которыхъ, между прочимъ, спрашивали, совѣтуетъ ли графъ вступать въ бракъ, не рекомендуетъ ли онъ безусловное удержаніе отъ него въ виду неизбѣжной погибели всего человѣческаго рода, предсказываемой Толстымъ въ „Крейцеровой сонатѣ". Ея читателей, видимо, напугала мысль автора, что родъ человѣческій долженъ исчезнуть, какъ скоро будетъ достигнута его цѣль—благо, добро, соединеніе всѣхъ воедино любовью,—и что одно изъ средствъ къ достиженію этой цѣли—уничтоженіе страстей, особенно же самой сильной между ними—плотской любви, безъ которой немыслимы существующія теперь отношенія между полами и самый бракъ [1]). Въ отвѣтъ на многочисленные запросы Толстой написалъ „Послѣсловіе къ Крейцеровой сонатѣ", въ которомъ разъяснилъ главныя ея мысли и отношеніе ихъ къ своему понятію христіанскаго ученія. Сущность этихъ разъясненій сводится къ тому, что Толстой совѣтуетъ соблюдать нравственную чистоту въ отношеніяхъ между мужчинами и женщинами какъ до брака, такъ въ извѣстное время и въ самомъ бракѣ. Супруги не должны преслѣдовать въ бракѣ одно удовлетвореніе чувственности, обязаны соблюдать взаимную вѣрность, видѣть въ дѣтяхъ не помѣху къ наслажденіямъ, а радоваться ихъ рожденію и воспитывать ихъ такимъ образомъ, чтобы изъ нихъ выходили люди съ разумными цѣлями въ жизни, а не изнѣженныя, откормленныя животныя съ развитой въ нихъ воспитаніемъ одной чувственностью. Наконецъ, Толстой настаиваетъ на томъ, чтобы за-

---

[1]) XIII т. соч. Толстого, 298—299 стр.

ключеніе брака вызывалось не однимъ лишь чувственнымъ влеченіемъ другъ къ другу мужчины и женщины, поддерживаемымъ разными искусственными мѣрами (искусствомъ, особенно поэзіей, музыкой, модными нарядами, празднымъ образомъ жизни). Молодымъ людямъ лучше воздерживаться отъ брака, такъ какъ плотская любовь—служеніе себѣ—противорѣчитъ христіанскому ученію о любви, служеніи Богу и людямъ, а также идетъ въ разрѣзъ и съ прогрессомъ человѣчества, всегда шедшимъ отъ распущенности къ большему и большему цѣломудрію. Если же люди вступили въ бракъ, то Толстой вмѣняетъ имъ въ обязанность служить Богу въ этой ограниченной области дѣятельности тѣмъ, чтобы воспитывать дѣтей и въ тоже время стремиться къ освобожденію отъ соблазна, чистымъ, братскимъ отношеніямъ между мужемъ и женой [1]).

Въ противоположность воззрѣніямъ Толстого на бракъ Нитцше смотритъ на него, какъ на общественный институтъ, который основанъ на половомъ инстинктѣ, нерасторжимый союзъ, заключаемый съ цѣлью дать обществу поколѣніе сильныхъ духомъ и тѣломъ людей. Нитцше поэтому совѣтуетъ дать широкій просторъ развитію чувственныхъ наклонностей, особенно же въ женщинѣ, которая должна повиноваться своему мужу и мечтать лишь о томъ, чтобы когда-либо сдѣлаться матерью „сверхчеловѣка". Чувственность должна преобладать въ отношеніяхъ между супругами даже въ бракахъ, основанныхъ на духовной, взаимной сердечной ихъ привя-

---

[1]) Ibidem, Послѣсловіе. Вопросъ о бракѣ Толстой обсуждаетъ еще въ своемъ сочиненіи: „Въ чемъ моя вѣра", гдѣ рѣчь идетъ о томъ, допускаетъ ли христіанство разводъ? Толстой рѣшаетъ его отрицательно, прибѣгая для этого къ совершенно произвольному толкованію разныхъ мѣстъ Св. Писанія. (См. у Гусева: „Основныя религіозныя начала гр. Л. Толстого", 3-я глава). Въ небольшомъ разсказѣ: „Франсуаза" Толстой изображаетъ всѣ ужасныя послѣдствія проституціи, такъ распространенной въ современномъ европейскомъ обществѣ (XIV т. соч. Толстого).

занности. Нитцше, значитъ, оправдываетъ и всѣ, такъ рѣзко осуждаемыя Толстымъ, средства поощренія чувственности въ современномъ воспитаніи дѣтей и взаимныхъ отношеніяхъ половъ до брака и, какъ слѣдствіе сильнаго развитія чувственности въ бракѣ, нарушеніе вѣрности другъ другу обоими супругами.

Изъ взглядовъ на бракъ Толстого и Нитцше, которые стоятъ въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, на двухъ крайнихъ точкахъ, полюсахъ, наибольшее вниманіе современнаго общества привлекаютъ возвышенныя представленія Толстого, такъ гармонирующія съ моральными идеалами европейцевъ. Едва ли что можно возразить противъ требованія Толстымъ нравственной чистоты въ взаимныхъ отношеніяхъ между полами, какъ и его взгляда на бракъ, какъ высшій, нравственный союзъ, вступленіе въ который должно обусловливаться не однимъ чувственнымъ влеченіемъ, а взаимнымъ и равнымъ уваженіемъ и любовью мужчины и женщины. Святость и ненарушимость такого брака должна сохраняться во всю жизнь супруговъ. Въ повѣсти: „Ходите въ свѣтѣ, пока свѣтъ есть“ Толстой выясняетъ вполнѣ свое понятіе объ истинномъ христіанскомъ бракѣ, который онъ противополагаетъ языческому браку, практикуемому въ современномъ обществѣ. Человѣкъ любитъ въ женщинѣ, говоритъ Толстой словами христіанина Памфилія, свое наслажденіе отъ сближенія съ нею, а не человѣка, подобнаго себѣ, и потому вступаетъ въ бракъ ради своего наслажденія. Всякій же бракъ, имѣющій въ основѣ одно личное благо, не можетъ не быть причиной раздора. Поэтому въ языческомъ мірѣ, гдѣ люди думаютъ не о воспитаніи въ себѣ чувства любви къ братьямъ, а только возбужденіи страстной любви къ женщинѣ, изъ за нея возникаютъ споры и раздоры между соперниками. Они бьются другъ съ другомъ, какъ животныя, чтобы пріобрѣсть самку. Поэтому бракъ у нихъ на-

силіе въ той или другой степени, которое нерѣдко является скрытымъ въ томъ случаѣ, когда тотъ, кто женится на дѣвушкѣ, нелюбящей его или любящей другого, заставляетъ страдать ее, не жалѣетъ ее, лишь бы удовлетворить своей любви. Но человѣкъ не только животное, но еще и существо съ разумной природой. И если онъ употребляетъ разумъ на служеніе своей животной природѣ, онъ поступаетъ хуже животнаго, доходитъ до насилія, кровосмѣшенія. Человѣкъ долженъ употребить разумъ на обузданіе въ себѣ животнаго, чтобы достигнуть нужнаго ему блага. Христіанскій бракъ возможенъ, когда предметъ плотской любви уже прежде есть предметъ братской любви къ человѣку. Плотская любовь допускается въ христіанскомъ бракѣ, но только подъ условіемъ, чтобы въ основаніи ея лежали уваженіе и любовь людей другъ къ другу. Толстой объясняетъ, какъ можетъ возникнуть эта взаимная любовь людей: они не должны думать о личномъ наслажденіи красотой, но избѣгать всякихъ соблазновъ, ведущихъ къ этому, обязаны размышлять объ обязанностяхъ уваженія и любви къ ближнему. Если люди воспитаютъ въ себѣ это чувство, тогда любовь къ людямъ возметъ верхъ надъ соблазномъ красоты, побѣждаетъ его и уничтожаетъ раздоръ, происходящій изъ половыхъ отношеній. Что отношенія между людьми могутъ быть основаны, помимо чувственнаго половаго влеченія, на одномъ уваженіи и любви, это доказывается примѣромъ отношеній родныхъ — отца съ дочерьми, матери съ сыновьями, братьевъ съ сестрами. Всѣ они другъ для друга предметъ не личнаго удовольствія, а родственной любви. Половое чувство въ нихъ могло бы проснуться, если бы они узнали, что между ними нѣтъ родства, но и тогда это чувство было бы слабо, такъ какъ оно сдерживалось бы чувствомъ любви къ матери, дочери, сестрѣ. Поэтому же и въ каждомъ мужчинѣ можетъ быть воспитано такое же родственное чувство ко всѣмъ женщи-

намъ, на почвѣ котораго потомъ выростетъ и чувство супружеской любви [1]).

Таковъ истинный, христіанскій бракъ по Толстому. *Каковъ не долженъ быть бракъ,* каковы вообще браки въ современномъ образованномъ обществѣ, примѣръ ихъ Толстой даетъ въ „Крейцеровой сонатѣ". Бракъ четы Позднышевыхъ былъ съ самого начала основанъ на одномъ чувственномъ влеченіи сначала жениха къ невѣстѣ, а потомъ мужа къ женѣ, которая вышла замужъ безъ настоящей любви къ своему супругу. Толстой указываетъ, откуда вытекаетъ этотъ лишь чувственный характеръ отношеній мужчины къ женщинѣ въ богатыхъ и образованныхъ классахъ общества, когда онъ описываетъ, какъ проводитъ время и какимъ грубымъ, животнымъ удовольствіямъ предается здѣсь юноша. Отсюда же понятно, почему устанавливается обыкновенно легкомысленный взглядъ на отношенія къ женщинѣ не только у него, но даже и у болѣе взрослыхъ, солидныхъ людей въ обществѣ на естественныя послѣдствія темперамента и возраста молодаго человѣка. Народная пословица: „быль молодцу не въ укоръ" примѣняется въ такихъ случаяхъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Обыкновенно родители, сами сплошь и рядомъ виноватые въ грѣхахъ своей молодости, снисходительны къ юношѣ, прощаютъ ему похожденія въ качествѣ Донъ-Жуана, находятъ имъ оправданіе въ общепринятыхъ взглядахъ общества [2]). Истощенный физически и развращенный

[1]) Соч. Толстого, дополненіе къ XIII ч., 41—53 стр.

[2]) „Я, вѣдь, ни отъ кого отъ старшихъ не слыхалъ, чтобы то,—что я дѣлалъ, было дурно. Да и теперь никто не услышитъ. Правда, есть это въ заповѣдяхъ, но заповѣди вѣдь нужны только на то, чтобы отвѣчать на экзаменѣ батюшкѣ, да и то не очень нужны, далеко не такъ, какъ заповѣдь объ употребленіи *ut* въ условныхъ предложеніяхъ. Отъ людей старшихъ, которыхъ я уважалъ, я слышалъ, что мои борьбы и страданія утишатся послѣ этого, что для здоровья это будетъ хорошо. Отъ товарищей же слышалъ, что въ этомъ есть нѣкоторое молодечество, „невинная забава для молодого человѣка". Доктора увѣряютъ, что это нужно для здоровья и родители охотно имъ вѣрятъ, не по-

нравственно въ своихъ отношеніяхъ къ женщинѣ, юноша начинаетъ подумывать о женитьбѣ, подыскивая чистую, невинную и непремѣнно красивую дѣвушку, которая только можетъ быть ему женой [1]). Невѣста Позднышева была красива, обладала стройной фигурой, и онъ рѣшилъ, что она „верхъ нравственнаго совершенства и достойна быть его женой". Толстой дѣлаетъ нѣсколько мѣткихъ замѣчаній по поводу того, какъ вслѣдствіе укоренившейся въ обществѣ привычки поощрять всѣми способами чувственную склонность мужчины къ женщинѣ обращается особенное вниманіе на то, чтобы наряжать дѣвушекъ съ цѣлью выставить ихъ красоту въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ [2]). Такъ среди всѣхъ этихъ условій жизни, развившихъ въ Позднышевѣ одну чувственную сторону, онъ женится на понравившейся дѣвушкѣ. Отсутствіе всякихъ нравственныхъ и умственныхъ связей между ними сказалось уже ранѣе заключенія брака въ ту пору,

---

дозрѣвая того, что съ перваго момента паденія въ юношѣ исчезаетъ *навсегда* простое, чистое, братское отношеніе къ женщинѣ и остается одно физическое къ ней влеченіе". (XIII т. соч. Толстого, 281—283 стр.).

[1]) „Удивительное дѣло, какая полная бываетъ иллюзія того, что красота есть добро. Красивая женщина говоритъ глупости, ты слушаешь и не слышишь глупости, а слышишь умное. Она говоритъ, дѣлаетъ гадости, а ты видишь что-то милое. Когда же она не говоритъ ни глупостей, ни гадостей, а красива, то сейчасъ же увѣряешься, что она чудо какъ умна и нравственна". (Ibid., 285 с.).

[2]) „Мы мужчины только не знаемъ, и не знаемъ потому, что не хотимъ знать,—женщины же знаютъ очень хорошо,—что самая возвышенная, поэтическая, какъ мы ее называемъ, любовь, зависитъ не отъ нравственныхъ достоинствъ, а отъ физической близости и притомъ прически, цвѣта, покроя платья. Всякая опытная кокетка предпочтетъ скорѣе быть изобличенной въ присутствіи того, кого она прельщаетъ, во лжи, жестокости, даже распутствѣ, нежели показаться при немъ въ дурно сшитомъ и некрасивомъ платьѣ. Женщины, особенно прошедшія мужскую школу, очень хорошо знаютъ, что разговоры о высокихъ предметахъ разговорами, а что мужчинѣ нужно только тѣло и все то, что выставляетъ его въ самомъ обманчивомъ, но привлекательномъ свѣтѣ. Я, говоритъ Позднышевъ, влюбился, какъ всѣ влюбляются. И все было на лицо: и восторги, и умиленія, и поэзія. Въ сущности же эта моя любовь была произведеніемъ, съ одной стороны, дѣятельности мамаши и портнихъ, съ другой—избытка поглощавшейся мной пищи при праздной жизни". Современный

когда Позднышевъ былъ женихомъ [1]). Въ первые же дни брака стало ясно для обоихъ новобрачныхъ, какъ мало общаго между ними, какая пропасть раздѣляла ихъ другъ отъ друга [2]). Позднышевы постоянно ссорились по самому ничтожному поводу и эти ссоры съ краткими перерывами, примиреніями на почвѣ чувственныхъ отношеній продолжались все время совмѣстной ихъ жизни, постепенно „усиливаясь и ожесточаясь" [3]).

Между Позднышевыми не было никакой симпатіи, кото-

бракъ, по словамъ Толстого, капканъ, много хуже прежнихъ браковъ, которые устраивались родителями въ старину у китайцевъ, индѣйцевъ, японцевъ, русскихъ крестьянъ. Теперь же „дѣвы сидятъ, а мужчины, какъ на базаръ, ходятъ и выбираютъ.... Похаживаютъ, посматриваютъ, очень довольны, что это такъ все для нихъ устроено. Глядь, не поберегся—хлопъ, тутъ и есть". Толстой увѣренъ, что всѣ матушки заняты ловлею жениховъ для своихъ дочерей, всѣ разговоры которыхъ о разныхъ высокихъ предметахъ одинъ обманъ. „Ахъ, происхожденіе видовъ, какъ это интересно! Ахъ, Лили очень интересуется живописью! А вы будете на выставкѣ? Какъ поучительно! А на тройкахъ, а спектакль, а симфонія? Ахъ, какъ замѣчательно! Моя Лили безъ ума отъ музыки. А вы почему не раздѣляете ея убѣжденія? А мысль одна: „возьми, возьми мою Лили! Нѣтъ меня"! (Ibidem, 287—291 стр.).

[1]) „Говорить бывало, когда мы остаемся одни, ужасно трудно. Какая-то это была Сизифова работа. Только выдумаешь, что сказать, скажешь, опять надо молчать, придумывать. Говорить не о чемъ было. Все, что можно было сказать о жизни, ожидавшей насъ, устройствѣ, планахъ—было сказано, а дальше что? Вѣдь, если бы мы были животныя, то такъ бы и знали, что говорить намъ не полагается; а тутъ, напротивъ, говорить надо, и нечего, потому что занимаетъ не то, что разрѣшается разговорами" (Ibidem, 295 стр.).

[2]) Вмѣсто любви—„союза душъ" между Позднышевыми установились холодныя и враждебныя отношенія, которыя прерывались по временамъ періодами „влюбленія". Но „влюбленность истощалась удовлетвореніемъ чувственности" и снова они оказывались „въ дѣйствительномъ отношеніи другъ къ другу, какъ два совершенно чуждые другъ друга эгоисты, желающіе получить себѣ, какъ можно больше удовольствія одинъ черезъ другаго" (Ibidem, 301 стр.).

[3]) „Ссоры начинались изъ такихъ поводовъ, что невозможно бывало послѣ, когда онѣ кончались, вспомнить изъ за чего. Разсудокъ не поспѣвалъ *поддѣлать* подъ постоянно существующую враждебность другъ къ другу достаточныхъ поводовъ. Но еще поразительнѣе была недостаточность предлоговъ примиренія. Я удивлялся, откуда бралось наше озлобленіе другъ къ другу, а дѣло было совершенно ясно: озлобленіе это было ничто иное, какъ протестъ человѣческой природы противъ животнаго, которое подавляло его" (303—304 стр.).

рая возникаетъ въ брачной жизни изъ однородныхъ, общихъ *духовныхъ* интересовъ супруговъ гораздо болѣе, нежели изъ чувственныхъ ихъ отношеній. Не связало тѣсно нашу чету и появленіе дѣтей, которыя были для нея не „благословеніемъ Божіимъ, радостью“ родителей, а однимъ лишь „мученіемъ“ [1]). Позднышевы, очевидно, не любили дѣтей, не были готовы на пожертвованіе для нихъ своимъ временемъ, здоровьемъ: иначе они старались бы не избѣгать страданій изъ за дѣтей, а терпѣливо переносили бы ихъ, черпая источникъ утѣшенія въ взаимной общей любви и сознаніи необходимыхъ заботъ о дѣтяхъ. Сама Позднышева была еще „чадолюбива“ и берегла хоть здоровье дѣтей. Но Позднышевъ не чувствовалъ никакой любви къ своимъ дѣтямъ, которыя служили для обоихъ лишнимъ поводомъ къ раздору [2]). Такъ исчезла для Позднышевыхъ, занятыхъ больше своими личными ощущеніями и чувствами, возможность любви къ дѣтямъ—глав-

---

[1]) „Большинство матерей такъ прямо и чувствуютъ, а иногда нечаянно прямо такъ и говорятъ. Спросите у большинства матерей нашего круга достаточныхъ людей, онѣ вамъ скажутъ, что отъ страха того, что дѣти ихъ могутъ болѣть и умирать, онѣ не хотятъ имѣть дѣтей, не хотятъ кормить, если уже родили, для того, чтобы не привязаться и не страдать. Онѣ это прямо и смѣло говорятъ, воображая, что эти чувства происходятъ въ нихъ отъ любви къ дѣтямъ. Онѣ не замѣчаютъ того, что этимъ разсужденіемъ онѣ прямо отрицаютъ любовь и утверждаютъ только свой эгоизмъ. Но и осудить такихъ матерей за эгоизмъ не поднимется рука, когда вспомнишь все то, что онѣ перемучаются отъ здоровья дѣтей въ нашей господской жизни. Это была, продолжаетъ Позднышевъ о своей семейной жизни, какая-то вѣчная опасность, постоянно такое положеніе, какъ на гибнущемъ кораблѣ. Моя жена сама страшно мучилась и казнилась постоянно съ дѣтьми, ихъ здоровьемъ и болѣзнями. Со всѣхъ сторонъ она слышала и читала безконечно разнообразныя и постоянно смѣняющіяся правила о томъ, какъ лѣчить и какъ воспитывать, ростить дѣтей. Вся жизнь съ дѣтьми была для жены, а потому и для меня, не радость, а мука. Правильной, твердой семейной жизни не было“ (314—317 стр.).

[2]) „Дѣти были для насъ не только новымъ поводомъ къ раздору, но и орудіемъ борьбы, мы какъ будто дрались другъ съ другомъ—дѣтьми. Я дрался больше Васей, старшимъ, а она—Лизой. Когда же дѣти стали подростать, они стали союзниками, которыхъ мы привлекали каждый на свою сторону“ (318—319 стр.).

ной и прочной связи между супругами, которая обыкновенно замѣняетъ „влюбленность“ первыхъ, молодыхъ годовъ брачной жизни и крѣпко соединяетъ мужа съ женой на всю ихъ остальную жизнь [1]). Позднышевы не любили дѣтей, не любили и другъ друга и поэтому „отношенія ихъ становились все враждебнѣе и враждебнѣе“. Они перестали соглашаться и понимать другъ друга; по поводу самыхъ простыхъ дѣлъ, особенно же о дѣтяхъ, каждый изъ нихъ оставался при своемъ мнѣніи [2]). Въ обыденныхъ ихъ отношеніяхъ не стало никакого снисхожденія другъ къ другу, взаимной уступчивости, какъ это наблюдается въ семьяхъ, гдѣ мужъ жалѣетъ, любитъ жену и готовъ простить ей нѣкоторую горячность характера, а жена, съ своей стороны, также идетъ на встрѣчу желаніямъ мужа и охотно извиняетъ его недостатки. Позднышевъ замѣтилъ одну главную черту въ своей семейной жизни, достаточно характерную для оцѣнки общаго ея направленія. Въ отношеніяхъ его къ женѣ наступали періодическіе приливы любви и злобы, которые были одинаково продолжительны: „энергическій періодъ любви—длинный періодъ злобы, болѣе слабое проявленіе любви—короткій періодъ злобы. Чтобы не видать бѣдственности своего положенія, Позднышевы старались забыться въ занятіяхъ—она хозяйствомъ, обстановкой, нарядами своими и дѣтей, ихъ ученіемъ и здоровьемъ. У Позднышева было свое: пьянство, служба, охота, карты“ [3]). Значитъ, если занятія его жены имѣли нѣкоторый смыслъ, были полезны для семьи, то образъ жизни самого Поздны-

---

[1]) Эту мысль Толстой доказываетъ въ, упомянутой нами, его повѣсти: „Семейное счастье“.

[2]) „Она считала себя всегда, вѣроятно, совершенно правой передъ мной, а ужъ я для себя былъ всегда святъ передъ нею въ своихъ глазахъ. Вдвоемъ мы были обречены на молчаніе или же на пустые разговоры. Выходили стычки и выраженіе ненависти за кофе, скатерть, пролетку, за всѣ дѣла, которыя не имѣли для обоихъ никакой важности“ (319 стр.).

[3]) Ibidem.

шева внѣ службы былъ способенъ отсутствіемъ всякихъ серьезныхъ умственныхъ интересовъ только еще болѣе развить въ немъ враждебное чувство къ женѣ, которая платила ему тою же монетою [1]). Въ Позднышевѣ осталось только одно чувственное влеченіе къ женѣ, которое усилилось послѣ того, какъ она перестала родить и, какъ нерѣдко бываетъ въ такихъ случаяхъ, пополнѣла и похорошѣла, какъ „послѣдняя красота лѣта“ [2]).

Теперь въ мужѣ начинается развиваться ревность, такъ естественная въ бракахъ, основанныхъ на одной физіологической подкладкѣ, при отношеніяхъ супруговъ, чуждыхъ всякаго довѣрія и взаимной любви. Позднышевъ начинаетъ замѣчать, какое „безпокойство“ среди мужчинъ производила „вызывающая красота“ его жены. Ему стало представляться, что переставши родить дѣтей, она „опомнилась и увидѣла, что есть цѣлый міръ Божій съ его радостями, который она не понимала и забыла: ее воспитали въ томъ, что есть въ мірѣ только одно достойное вниманія—любовь. Она вышла замужъ, получила кое-что изъ этой любви, но также и много разочарованій, страданій и неожиданную муку - дѣтей. Теперь же она обрадовалась и ожила для любви, но не съ огаженнымъ ревностью и всякою злобою мужемъ. Ей стала нужна, думалъ Позднышевъ, другая, чистенькая, новенькая любовь“ [3]). Позднышевъ дѣлаетъ мучительное для него открытіе, что его жена „стала заниматься дѣтьми меньше, а собой, своей наружностью больше и снова съ увлеченіемъ взялась за заброшенное совершенно фортепіано“ [4]). Случай-

---

[1]) „Мы были два ненавидящихъ другъ друга колодника, связанныхъ одною цѣпью, отравляющіе жизнь другъ друга и старающіеся не видѣть этого. Я еще не зналъ тогда, что 0,99 супружествъ живутъ въ такомъ же аду, какъ и я жилъ, и что это не можетъ быть иначе“ (320 стр.).

[2]) 323 стр.

[3]—[4]) Ibidem, 323—327 стр.

ное знакомство Позднышевыхъ съ молодымъ человѣкомъ дворянскаго круга, музыкантомъ Трухачевскимъ было толчкомъ къ давно уже подготовлявшейся катастрофѣ въ семейной ихъ жизни, закончившейся такъ трагически. Самъ Позднышевъ объясняетъ, что онъ убилъ свою жену не потому, что защищалъ свою честь, почему его и оправдали въ судѣ, а потому, что „между ними была та страшная пучина, страшное напряженіе взаимной ненависти другъ къ другу, при которой перваго повода достаточно было для произведенія кризиса“ [1]). Незадолго до встрѣчи съ Трухачевскимъ семейная жизнь Позднышевыхъ обратилась въ чистый адъ; по временамъ между ними происходили страшныя ссоры. Позднышевъ описываетъ одну изъ нихъ, окончившуюся попыткой его жены отравиться опіемъ [2]). Знакомство съ Трухачевскимъ возбудило въ Позднышевѣ всю подозрительность и недовѣрчивость его къ женѣ и ихъ новому знакомому. Позднышевъ началъ мучиться тѣми отношеніями между мужчиной и женщиной, которыя допускаются свѣтскими условіями [3]). Послѣдовалъ снова взрывъ ревности Позднышева, тяжелая сцена между супругами съ благополучнымъ, впрочемъ, концомъ. Наступившій миръ былъ послѣдней отсрочкой предъ неминуемой катастрофой. Самъ Позднышевъ ускоряетъ её своей поѣздкой по дѣламъ службы, предпринятой имъ съ намѣреніемъ возвратиться внезапно домой и, заставши жену съ Трухачевскимъ, наказать ее, какъ измѣнницу. Позднышевъ описываетъ подробно все свое путешествіе, въ теченіе кото-

[1]) Ibidem, 327 стр.

[2]) 329—331 стр.

[3]) „Одно изъ самыхъ мучительныхъ отношеній для ревнивцевъ (а ревнивцы всѣ въ нашей общественной жизни), это извѣстныя свѣтскія условія, при которыхъ допускается самая большая и опасная близость между мужчиной и женщиной. Надо сдѣлаться посмѣшищемъ людей, если препятствовать близости на балахъ, близости докторовъ съ своей паціенткой, близости при занятіяхъ искусствомъ, живописью, а главное музыкой“ (337 стр.).

раго его ни на минуту не оставляла ревнивая мысль о несомнѣнной измѣнѣ ему жены. Его не останавливаетъ отъ исполненія ужаснаго своего плана даже мысль о дѣтяхъ, отъ которыхъ онъ въ порывѣ ревности готовъ былъ отказаться совсѣмъ [1]). Только тогда, когда все было уже кончено, въ минуту предсмертнаго свиданія съ сильно страдающей женой Позднышевъ созналъ, какое возмутительное преступленіе онъ совершилъ [2]). Чувство невознаградимой утраты овладѣло имъ, когда Позднышевъ увидалъ свою жену мертвою [3]).

Разборъ всѣхъ отношеній Позднышевыхъ съ момента ихъ знакомства и до смерти Позднышевой приводитъ насъ къ убѣжденію, что въ нихъ ничего не было, кромѣ физическаго влеченія мужчины къ женщинѣ, которое скоро смѣнилось сначала естественнымъ пресыщеніемъ, а потомъ—взаимной враждой и ненавистью, а со стороны Позднышева еще и ревностью, которая и довела его до совершенія преступленія. Убійство имъ жены по одному подозрѣнію въ ея измѣнѣ—совершенно послѣдовательный и неизбѣжный выводъ изъ всего общаго характера взаимныхъ отношеній Позднышевыхъ, въ которыхъ недоставало, необходимаго для семейной жизни, нравственнаго элемента, ничто не сдерживало и не смягчало злобу и вражду, быстро возраставшую между ними, и, наоборотъ, гдѣ было все, что вызывало ненависть, поддерживало ожесточенныя чувства въ обоихъ супругахъ безъ всякой

[1]) 339—342, 347—354, 357—358 стр.

[2]) „Я взглянулъ, на дѣтей, на ея съ подтеками разбитое лицо и въ первый разъ забылъ себя, свои права, свою гордость, въ первый разъ увидалъ въ ней человѣка. И такъ ничтожно мнѣ показалось все то, что оскорбляло меня—вся моя ревность, и такъ значительно то, что я сдѣлалъ, что я хотѣлъ припасть лицомъ къ ея рукѣ и сказать: прости! но не смѣлъ".

[3]) „Только тогда, когда я увидалъ мертвое лицо, я понялъ все, что я сдѣлалъ. Я понялъ, что я, я убилъ ее, что отъ меня сдѣлалось то, что она была была живая, движущаяся, теплая, а теперь стала неподвижная, восковая, холодная, и что поправить этого никогда, нигдѣ, ничѣмъ нельзя. Тотъ, кто не пережилъ этого, тотъ не можетъ понять"..... (367—368 стр.).

надежды на ихъ искреннее примиреніе и счастливую жизнь. „Крейцерова соната“ — рѣзкій протестъ Толстого противъ браковъ, подобныхъ браку Позднышевыхъ; въ ней доказывается невозможность семейной жизни при исключительномъ господствѣ въ ней чувственныхъ влеченій супруговъ. Толстой требуетъ, чтобы отношенія между мужчиной и женщиной до брака и въ самомъ бракѣ были основаны на соблюденіи нравственной чистоты проникнуты истинно христіанской, братской любовью, независимой отъ половаго раздѣленія людей на мужчинъ и женщинъ. Очевидно, что это, предлагаемое Толстымъ, правило взаимныхъ отношеній между ними, новое примѣненіе одного и того же его взгляда на любовь ко всѣмъ людямъ помимо кровной близости или отдаленности ихъ отношеній къ каждому изъ насъ, тотъ же „законъ любви“, который Толстой выдаетъ за христіанское ученіе о нравственной дѣятельности людей. И въ этомъ случаѣ онъ надѣляетъ природу людей несвойственною ей способностью отдѣлять свою психическую жизнь отъ физическихъ наклонностей человѣческой натуры. Толстой увѣренъ, что одинъ разумъ въ состояніи подчинить эти послѣднія отвлеченному, идеальному чувству братской любви и воспитать въ человѣкѣ это чувство на столько, чтобы онъ не могъ поддаваться, на самомъ дѣлѣ трудно одолимому, особенно въ молодости, инстинктивному влеченію мужчины къ женщинѣ. Приводимый Толстымъ въ доказательство его взгляда, примѣръ отношеній отца къ дочери, сына къ матери, братьевъ къ сестрамъ мало убѣдителенъ: всѣ эти отношенія основываются на нравственномъ воззрѣніи объ ихъ возвышенности, святости, сложившемся подъ вліяніемъ, возросшаго вѣками и вошедшаго въ плоть и кровь общества, запрещенія брачныхъ союзовъ между кровными родственниками. Было время въ исторіи человѣчества, когда подобнаго рода браки считались не только дозволенными, но даже освящались религіей и всѣми нравами обще-

ства. Примѣрами такихъ браковъ между близкими родственниками, заключеніе которыхъ клеймится въ современномъ обществѣ именемъ разврата и возмущаетъ наше нравственное чувство, богата жизнь не только первобытнаго общества, но и восточныхъ (Персіи, Египта, Іудеи и др.) и античныхъ государствъ (древней Греціи и Рима). Въ раннюю эпоху исторіи общества наблюдается даже полное отсутствіе брака (гетеризмъ), а затѣмъ появленіе браковъ поліандрическихъ (многомужества) и полигеническихъ (многоженства). Періоду господства въ обществѣ моногамической семьи (единобрачія) съ властью мужа надъ женой и дѣтьми предшествовало время, когда мать была во главѣ семьи и родство считалось по матери, такъ что тогда отецъ не былъ родня дочери, мать сыну, братъ сестрѣ (по отцу) и браки между ними были въ порядкѣ вещей. Теперь мы видимъ обратное явленіе въ семейной жизни общества и эта перемѣна воззрѣній общества на родъ и характеръ отношеній даже между близкими родственниками показываетъ, на сколько условно самое понятіе „родственной любви“ Толстого, которую онъ хочетъ воспитать въ людяхъ искусственнымъ путемъ и вопреки могучему, дѣйствующему во многихъ случаяхъ неотразимо, половому инстинкту. Самъ Толстой замѣчаетъ, какъ этотъ инстинктъ начинаетъ обнаруживаться въ людяхъ, связанныхъ между собою узами кровнаго родства, немедленно, лишь они убѣдятся, что между ними нѣтъ родства. Рѣдко, но иногда бываютъ случаи, когда даже между родными сила половаго инстинкта беретъ верхъ надъ родственными чувствами и привычками. Что бы не говорилъ Толстой, какъ бы онъ не убѣждалъ людей выбросить этотъ инстинктъ изъ своей жизни во имя высшаго, нравственнаго идеала, этотъ инстинктъ размноженія будетъ всегда дѣйствовать въ жизни людей на ряду съ инстинктомъ самосохраненія. Первый изъ этихъ двухъ коренныхъ инстинктовъ человѣческой природы лежитъ въ

основаніи возникновенія семьи, съ которой началась и самая общественная жизнь людей. Толстой даетъ въ „Крейцеровой сонатѣ“ художественное воспроизведеніе всѣхъ крайностей проявленія инстинкта размноженія, несдерживаемаго взаимнымъ уваженіемъ и любовью супруговъ и родителей къ дѣтямъ. Это признаніе личнаго достоинства и любовь другъ къ другу требуются для семейной жизни христіанскимъ ученіемъ, которое видитъ въ бракѣ тѣсный, нравственный и физическій, союзъ мужчины и женщины. При недостаткѣ этихъ необходимыхъ условій бракъ теряетъ весь свой смыслъ. Но Толстой требуетъ, чтобы всякій бракъ, даже такой, какъ—Позднышевыхъ, былъ нерасторжимъ. Онъ не допускаетъ случаевъ, когда вслѣдствіе, напримѣръ, рѣзкаго различія характеровъ или безнравственнаго поведенія одного изъ супруговъ разводъ является единственнымъ спасеніемъ для невиннаго супруга, а иногда и для обоихъ. Между тѣмъ какъ послѣдующій бракъ можетъ дать кому-либо изъ нихъ такое полное счастье, котораго онъ не имѣлъ въ первомъ бракѣ.

Отъ постоянно напряженныхъ, невыносимыхъ и враждебныхъ отношеній супруговъ въ бракахъ позднышевскаго типа всегда страдаютъ несчастныя дѣти, которыя лишаются, такъ нужной имъ, нѣжной заботливости и горячей любви родителей. Въ „Крейцеровой сонатѣ“ Толстой затрогиваетъ и, тѣсно связанный съ вопросомъ о семьѣ, важный вопросъ о *воспитаніи* дѣтей въ образованныхъ классахъ, обыкновенно направленномъ на развитіе, главнымъ образомъ, чувственныхъ наклонностей, пріобрѣтеніе манеръ и всего менѣе внушеніе добрыхъ привычекъ и религіозно-нравственныхъ началъ. „Я, говоритъ о себѣ Позднышевъ, былъ воспитанъ въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ, какъ огурцы на парахъ, выгоняются влюбляющіеся молодые люди. Наша возбуждающая, излишняя пища при совершенной физической праздности есть не что

иное, какъ систематическое разжиганіе похоти“ [1]). Естественныя послѣдствія такого чрезмѣрнаго развитія въ дѣтяхъ чувственности при недостаткѣ сдерживающихъ нравственныхъ привычекъ—это тѣ ненормальныя отношенія между мужчинами и женщинами, которыя такъ прекрасно изображаются Толстымъ въ „Крейцеровой сонатѣ“. Здѣсь же высказывается имъ рѣзкое осужденіе, распространеннаго въ современномъ обществѣ, взгляда на необходимость для женщины *образованія* (средняго и высшаго). Толстой утверждаетъ, что нельзя вѣрить искренности мужчинъ, которые хлопочутъ о томъ, чтобы доставить женщинамъ, равное съ ними, образованіе, а на самомъ дѣлѣ смотрятъ на женщину только, какъ на „орудіе наслажденія“ [2]). Сама женщина сознаетъ это ходя-

---

[1]) Соч. Толстого, XIII т., 289 стр. Тѣже мысли о современномъ воспитаніи дѣтей онъ высказываетъ въ „Первой ступени“. „Нельзя безъ ужаса видѣть говоритъ здѣсь Толстой, воспитаніе нѣкоторыхъ дѣтей въ нашемъ мірѣ. Только злѣйшій врагъ могъ бы такъ старательно прививать ребенку тѣ слабости и пороки, которые прививаются ему родителями, въ особенности матерями. Дѣтямъ сознательно прививаютъ привычки изнѣженности, физической праздности и роскоши. Нѣтъ привычки воздержанія и самообладанія, недостаетъ благоразумія; человѣкъ не пріученъ къ труду, сосредоточенному вниманію, выдержкѣ, увлеченію дѣломъ, умѣнью исправить испорченное, радости совершенія. Вся система современнаго воспитанія, какъ и общественная жизнь, проникнуты мыслью, что воздержаніе и самоотреченіе не нужны для того, чтобы быть добрымъ, что можно, предаваясь объяденію, наряжанію, физической праздности, даже блуду, быть вполнѣ хорошимъ, полезнымъ человѣкомъ“ (Дополненіе къ XIII-й ч., 113—116 стр.; ср. 119—124 стр.).

[2]) „Толкуютъ о свободѣ, правахъ женщины, о какомъ-то новомъ женскомъ образованіи, которое на самомъ дѣлѣ всегда будетъ соотвѣтствовать взгляду на нее мужчины, который видитъ въ женщинѣ лишь орудіе наслажденія. Поэты говорятъ въ стихахъ о „винѣ, женщинѣ и пѣснѣ“, Тоже и въ живописи и скульптурѣ и всей общественной жизни, гдѣ мужчины увѣряютъ, что они уважаютъ женщинъ, уступаютъ ей почетное мѣсто въ собраніяхъ, признаютъ за нею разныя права, а въ дѣйствительности они только притворяются, и женщина-приниженная, развращенная раба, а мужчина все такой же развращенный рабовладѣлецъ. Освобождаютъ женщину на курсахъ и въ палатахъ, а смотрятъ на нее, какъ на предметъ наслажденія. Гимназіи и курсы не могутъ измѣнить этого взгляда мужчинъ на женщинъ и женщинъ на самихъ себя. Перемѣнится это только тогда, когда женщина будетъ считать высшимъ положеніемъ—положеніе дѣвственницы, а не такъ, какъ теперь, высшее состояніе человѣка—сты-

чее о ней мнѣніе и пользуется всѣми средствами для того, чтобы воздѣйствовать на чувственность мужчинъ, покоряетъ ихъ и „пріобрѣтаетъ страшную власть надъ людьми“ [1]). Конечно, замѣчаетъ Толстой, это не та „дѣйствительная, истинная власть надъ ними женщины, которая пріобрѣтается ею, когда она исполняетъ законъ своей жизни—рожденіе дѣтей, а власть искусственная женщины надъ мужчиной, развращенной имъ, опустившейся до него и потерявшей, какъ и онъ, всякій разумный смыслъ жизни“. Изъ этой ошибки вытекаетъ, по мнѣнію Толстого, и та „удивительная глупость, которая называется правами женщинъ. Такъ называемый женскій вопросъ возникъ и могъ возникнуть только среди мужчинъ, отступившихъ отъ закона настоящаго труда: женщины, убѣдившись въ этомъ послѣднемъ, также не пожелали нести тяжесть своего настоящаго труда и потребовали участія въ мнимомъ трудѣ мужчинъ богатаго класса“. Толстой призываетъ современныхъ женщинъ изъ богатыхъ классовъ, которыя сильно вліяютъ на общественное мнѣніе, къ „спа-

---

домъ, позоромъ. А пока же этого нѣтъ, идеалъ всякой дѣвушки, какое бы ни было ея образованіе,—будетъ все-таки тотъ, чтобы привлечь къ себѣ какъ можно больше мужчинъ. А то, что одна побольше знаетъ математики, а другая умѣетъ играть на арфѣ, это ничего не измѣнитъ. Теперь главная задача женщины умѣть обворожить мужчину. Въ дѣвичьей жизни это нужно для выбора, въ замужней для властвованія надъ мужемъ“ (XIII т., 307—310 стр.).

[1]) „Женщина дѣйствуетъ на чувственность мужчины черезъ чувственность, покоряетъ его такъ, что онъ только формально выбираетъ, а въ дѣйствительности выбираетъ она. А разъ овладѣвъ этимъ средствомъ, она уже злоупотребляетъ имъ. Вся роскошь жизни требуется и поддерживается женщинами. Милліоны людей, поколѣнія рабовъ гибнутъ въ каторжномъ трудѣ на фабрикахъ только для прихоти женщинъ. Какъ царицы, онѣ держатъ въ плѣну рабства и тяжелаго труда 0,9 рода человѣческаго. А все отъ того, что ихъ унизили, лишили ихъ равныхъ правъ съ мужчинами. И вотъ онѣ мстятъ воздѣйствіемъ на нашу чувственность, уловленіемъ насъ въ свои сѣти, прямо вызывающими чувственность, украшеніями своего тѣла, которыя допускаются для женщинъ въ нашемъ обществѣ. Это все равно, что разставить по гуляньямъ, по дорожкамъ всякіе капканы—хуже! Отчего азартныя игры запрещены, а женщины въ вызывающихъ чувственность нарядахъ не запрещены? Онѣ опаснѣе въ тысячу разъ“? (ibid., 292—294 стр.).

сенію своихъ мужей, братьевъ и дѣтей, всѣхъ людей нашего міра отъ золъ, которыми онъ страдаетъ". Но спасутъ міръ, вѣритъ Толстой, не тѣ женщины, которыя „заняты своими таліями, турнюрами, прическами и плѣнительностью для мужчинъ или которыя ходятъ на разные курсы и говорятъ о психомоторныхъ центрахъ и дифференціаціи, а тѣ, которыя прямо, сознательно подчиняются вѣчному, неизмѣнному закону своей жизни, зная, что тягость и трудъ этого подчиненія есть назначеніе ихъ жизни" [1]). Толстой краснорѣчиво доказываетъ, что истинное назначеніе женщины ея призваніе быть матерью и воспитательницей своихъ дѣтей и въ выполненіи этихъ ея обязанностей должна состоять вся дѣятельность женщины [2]). „Идеальная женщина по мнѣ, замѣчаетъ Толстой, будетъ та, которая усвоивъ высшее міросозерцаніе того времени, въ которомъ она живетъ, отдается

---

[1]) Соч. Толстого, XIII, ч., 237—238 стр. („Такъ что же намъ дѣлать"?).

[2]) „Вы, женщины и матери, сознательно подчиняющіяся закону Бога, вы однѣ знаете въ нашемъ несчастномъ, изуродованномъ, потерявшемъ образъ человѣческій, кругу настоящій смыслъ жизни. Вы однѣ знаете счастье любви къ мужу, составляющее начало новаго счастья любви къ ребенку. Вы однѣ знаете истинный, Богомъ положенный, трудъ и награды, блаженство, которое онъ даетъ, когда вы съ радостью ждете приближенія и усиленія самыхъ страшныхъ мученій. Вы знаете это и тогда, когда вы безъ отдыха, безъ перерыва беретесь за другой родъ трудовъ и страданій—кормленія,—при которомъ вы сразу отказываетесь и покоряете своему чувству самую сильную потребность сна, которая, по пословицѣ, милѣй отца и матери, и мѣсяцы, годы не спите подъ рядъ ни одной ночи, а иногда, и часто, не спите напролетъ и цѣлыя ночи, а съ затекшими руками одиноко ходите, качаете, разрывающаго вамъ сердце, больнаго ребенка. Вы знаете, что если вы настоящая мать, что мало того, что никто не видѣлъ вашего труда, вашего подвига, не хвалилъ васъ за него, а только находилъ, что это такъ и нужно, но что и тѣ, для кого вы трудились, не только не благодарятъ, но часто мучаютъ, укоряютъ васъ. Такая мать *сама родитъ, сама выкормитъ*, сама будетъ, прежде всего другого, кормить и готовить пищу дѣтей, и шить, и мыть, и учить своихъ дѣтей, и спать, и говорить съ ними, потому что въ этомъ она полагаетъ свое дѣло въ жизни. Только такая мать не будетъ искать внѣшнихъ обезпеченій въ деньгахъ своего мужа, въ дипломахъ дѣтей, а будетъ воспитывать въ нихъ способность самоотверженнаго несенія труда съ тратой и опасностью жизни" (ibidem., 238—242 стр.).

своему женскому, непреодолимо вложенному въ нее, призванію,—родитъ, выкормитъ и воспитаетъ наибольшее количество дѣтей, способныхъ работать для людей по усвоенному ей міросозерцанію. Для того же, чтобы усвоить себѣ высшее міросозерцаніе, нѣтъ надобности посѣщать курсы, а нужно только прочесть Евангеліе и не закрывать глазъ, ушей и, главное, сердца". Толстой думаетъ, что „незамужнія женщины могутъ принять участіе въ многообразномъ мужскомъ трудѣ; въ немъ можетъ участвовать и всякая женщина, отрожавшись, если у ней есть силы. Помощь женщины въ этомъ трудѣ очень драгоцѣнна, но видѣть молодую женщину, готовую къ дѣторожденію и занятую мужскимъ трудомъ, все равно, что видѣть драгоцѣнный черноземъ, засыпанный щебнемъ для плаца или гулянья".

Взгляды Нитцше на женщину, семью, воспитаніе дѣтей и женскій вопросъ во многомъ сходны съ убѣжденіями Толстого. Оба они одинаково ставятъ на первомъ планѣ материнскія обязанности женщины, отъ которыхъ такъ уклонились современныя европейскія женщины. И тотъ, и другой смотрятъ на бракъ, какъ необходимое общественное учрежденіе, сдѣлавшееся теперь шаткимъ вслѣдствіе стремленія женщинъ къ самостоятельности и независимости отъ мужчинъ. Оба философа требуютъ поэтому заключенія брака въ зависимости отъ согласія старшихъ членовъ семьи, объявляютъ бракъ нерасторжимымъ учрежденіемъ, признаютъ главенство мужчины въ семьѣ необходимымъ условіемъ ея нормальнаго устройства. Наконецъ, все въ тѣхъ же видахъ возстановленія правильнаго взгляда на естественную, материнскую и воспитательную, роль женщины въ общественной жизни и Толстой, и Нитцше вооружаются противъ современнаго движенія въ пользу женскаго образованія. Значитъ, такъ велико зло, да такой степени паденія и разложенія дошла семейная жизнь въ европейскомъ обществѣ, что въ оцѣнкѣ это-

го факта, опаснаго для дальнѣйшаго его развитія, сошлись два такихъ, противоположныхъ по своему міровоззрѣнію, философа, какъ Толстой и Нитцше! Но первый имѣетъ, повидимому, болѣе возвышенное представленіе о женщинѣ, чѣмъ второй. Толстой рѣзко осуждаетъ мужчинъ изъ высшаго, образованнаго класса за то, что они смотрятъ на женщину больше, какъ на самку, предметъ забавы, нежели на человѣка. Между тѣмъ какъ Нитцше самъ старается утвердить существующій въ обществѣ взглядъ и выражаетъ полное недовѣріе къ желаніямъ современной женщины быть образованной, которыя противорѣчатъ всей ея природѣ, низшей сравнительно съ мужчиной. Женщина должна остаться въ своихъ интересахъ „слабымъ поломъ"; иначе она потеряетъ все свое обаяніе и вліяніе на мужчину. Женщина—раба для мужчины, хотя и опасная, но нужная ему „игрушка" въ дни отдыха отъ его напряженныхъ трудовъ.

Въ разсужденіяхъ Толстаго о назначеніи женщины, какъ матери-кормилицы и воспитательницы своихъ дѣтей, многіе, особенно сами женщины, возмущаются рѣшительнымъ его заявленіемъ, что въ этой лишь области ихъ личной жизни и должна сосредоточиться вся ихъ дѣятельность, и что для выполненія этихъ естественныхъ обязанностей женщины ей не нужны высшіе курсы, гдѣ она получаетъ много совсѣмъ излишнихъ свѣдѣній, безъ которыхъ женщина всегда можетъ обойтись. Толстой несомнѣнно правъ, когда онъ указываетъ на, предназначеную природой женщины, ея обязанность быть матерью и воспитательницей своихъ дѣтей. Эта обязанность, правда, соединена со многими тяжелыми заботами и лишеніями всякаго рода, но въ тоже время полна высокаго, нравственнаго значенія и совершенно заслуживаетъ общаго и глубокаго уваженія и преклоненія мужчинъ предъ такими истинными матерями своихъ дѣтей. Нельзя ничего возразить противъ прекрасныхъ и прочувствованныхъ словъ Толстого о та-

кихъ матеряхъ, которыя оказываютъ своими самоотверженными трудами ни съ чѣмъ несравнимую, безцѣнную услугу своимъ дѣтямъ, а въ лицѣ ихъ и всему обществу, гдѣ впослѣдствіи имъ придется дѣйствовать въ тѣхъ или другихъ областяхъ его жизни. Чтобы выполнить это свое призваніе, женщина, очевидно, нуждается въ образованіи и, притомъ, не поверхностномъ, а довольно солидномъ: въ ея рукахъ судьба всего молодаго поколѣнія, отъ правильнаго воспитанія котораго зависитъ все направленіе общественной жизни, сохраненіе и развитіе всѣхъ общественныхъ идеаловъ. Незначительное ихъ развитіе, невысокое качество, а иногда и полный недостатокъ вѣрныхъ воззрѣній въ обществѣ на задачи дѣятельности, смыслъ человѣческой жизни много обусловливается недоступностью образованія во всѣхъ его родахъ для многихъ женщинъ, надѣленныхъ при господствующихъ взглядахъ и нравахъ качествами и чертами характера, которыя такъ рѣзко выставилъ Нитцше, какъ будто бы свойственныя женской природѣ, неизмѣнныя ея особенности. При ограниченномъ кругозорѣ понятій, отсутствіи серьезнаго образованія, которое могло бы обезпечить женщинѣ извѣстную самостоятельность и независимость въ обществѣ, ей остается одинъ путь, такъ строго порицаемый Толстымъ. Она должна стремиться выдти во что бы то ни стало замужъ за человѣка съ обезпеченнымъ, прочнымъ положеніемъ въ обществѣ, чтобы такимъ образомъ получить возможность занять въ немъ рядомъ съ мужемъ почетное мѣсто и освободить себя отъ иначе неизбѣжныхъ думъ о мучительномъ добываніи мало доступныхъ для нея, скудныхъ средствъ къ жизни. Толстой осуждаетъ женщинъ за ихъ стремленіе участвовать въ фальшивомъ, мнимомъ трудѣ „мужчинъ“. Мы уже знаемъ, что это за трудъ, о которомъ идетъ рѣчь въ данномъ случаѣ. Мы могли видѣть, на сколько невѣрны общія представленія Толстого о современной наукѣ и искусствѣ, которые мало вино-

ваты въ, приписываемомъ имъ, вредномъ вліяніи на все общественное устройство и жизнь. Толстой забываетъ, что многихъ женщинъ влечетъ къ образованію неудержимо таже потребность въ свѣтѣ истины, которая заставляетъ и мужчинъ отдаваться до самозабвенія занятіямъ наукой или искусствомъ. При нѣкоторыхъ, хорошо сознаваемыхъ обществомъ, недостаткахъ постановки преподаванія въ русскихъ женскихъ гимназіяхъ стѣны ихъ буквально не могутъ вмѣстить дѣвушекъ изъ разныхъ классовъ, которыя желаютъ получить среднее образованіе. Тотъ же фактъ переполненія кандидатками наблюдается и на высшихъ женскихъ курсахъ въ Петербургѣ, не смотря на то, что эти курсы не даютъ какихъ-либо правъ. Возникшій на нашихъ глазахъ, женскій медицинскій институтъ оказался на первыхъ же порахъ тѣснымъ и недоступнымъ для многихъ, желающихъ поступить въ него; такъ велико было число кандидатокъ, изъ которыхъ начальство института увидѣло себя вынужденнымъ сдѣлать строгій выборъ! Все это такіе неоспоримые факты, которые наглядно свидѣтельствуютъ о прочномъ стремленіи русскихъ женщинъ къ образованію и полномъ имъ сочувствіи со стороны правительства и всего русскаго образованнаго общества. Въ гимназіяхъ, на высшихъ, особенно же медицинскихъ курсахъ, женщины получаютъ много знаній, необходимыхъ для матери и воспитательницы, и, кромѣ того, нужныхъ въ семейной жизни при небогатомъ мужѣ и прямо для народа (обученія дѣтей въ народныхъ школахъ, лѣченія крестьянъ врачами—женщинами).

Не всѣ женщины, особенно въ среднемъ кругу общества, о которомъ Толстой совсѣмъ забываетъ, выходятъ замужъ: заключеніе браковъ въ наше время все болѣе и болѣе затрудняется тяжелыми экономическими условіями жизни въ среднемъ классѣ общества. Поэтому-то женщинѣ этого класса нужно подумать самой о пріобрѣтеніи самостоятельнаго и независимаго положенія въ обществѣ, немысли-

маго безъ наличности извѣстныхъ знаній, систематическаго образованія. Такъ называемый женскій вопросъ—на самомъ дѣлѣ есть, главнымъ образомъ, вопросъ о пріобрѣтеніи женщиной матеріальной и духовной самостоятельности и независимости, на которую она имѣетъ безспорное право въ силу только того факта, что женщина такой же человѣкъ, какъ и мужчина. Именно въ такомъ смыслѣ понимается теперь женскій вопросъ во всемъ мірѣ, начиная отъ Сѣверной Америки, гдѣ женщины заняли въ обществѣ положеніе, почти равное съ мужчинами, и оканчивая Россіей съ ея первымъ въ Европѣ женскимъ медицинскимъ институтомъ, которому могутъ позавидовать женщины другихъ европейскихъ странъ. Взглядъ Толстого на женщину только, какъ на мать и воспитательницу своихъ дѣтей, противорѣчитъ его требованію братскаго равенства между мужчинами и женщинами, которое должно существовать, по его представленію, въ видѣ необходимаго условія для заключенія брака и сохраняться и въ самомъ бракѣ. Если онъ будетъ имѣть характеръ такого союза съ соблюденіемъ начала равенства въ взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ, то нѣтъ резона отказывать женщинѣ въ ея стремленіяхъ и къ такому же образованію, какое получаютъ мужчины въ современномъ обществѣ. Нитцше не желаетъ равенства въ воспитаніи, образованіи, одинаковыхъ правъ и обязанностей для женщинъ и мужчинъ, потому что во всемъ этомъ онъ видитъ проявленіе демократическаго движенія, такъ ненавистнаго Нитцше, противорѣчащаго его культу сильныхъ личностей (мужчинъ).

Съ своеобразными особенностями міровоззрѣнія Толстого находится также въ связи его взглядъ на женщину, какъ „драгоцѣнный черноземъ, засыпанный теперь щебнемъ“ всевозможныхъ общественныхъ наслоеній, а также современнаго движенія въ пользу уравненія правъ женщинъ съ мужчинами. Толстой ставитъ на первомъ планѣ въ жизни людей интере-

сы *рода*, пренебрегаетъ личностью, которая въ его глазахъ только необходимое орудіе для достиженія общественнаго блага. Отсюда понятно, почему женщина должна выполнить, помимо и прежде всего, свою главную функцію, обязанность въ обществѣ способствовать размноженію населенія, быть матерью и воспитательницей своихъ дѣтей. Вся судьба женщины въ связи съ судьбою рода, общества, всего человѣчества. Послѣднее стремится осуществить цѣль своей жизни, достигнуть блага, добра, общаго мира и любви. Но на пути къ этой цѣли стоятъ страсти, особенно же половая, плотская любовь. Съ ея устраненіемъ люди соединятся воедино, цѣль человѣчества будетъ осуществлена и его не станетъ на землѣ. Поэтому-то нужно воздерживаться отъ чувственной любви даже въ бракѣ. Но тогда, какъ же женщина можетъ выполнить свое назначеніе въ обществѣ быть матерью и воспитательницей своихъ дѣтей? Таковъ безъисходный кругъ (circulus vitiosus), въ который попадаетъ Толстой, въ одно и тоже время требующій отъ современнаго общества болѣе возвышеннаго взгляда на женщину, какъ на такого же человѣка какъ и мужчина, и проповѣдующій, что женщинѣ не нужны высшіе курсы, современное образованіе, излишнее ей, какъ матери и воспитательницѣ дѣтей! На образованіе взгляда у Толстого на женщину произвели, надо думать, большое вліяніе его наблюденія надъ жизнью простого народа, русскихъ крестьянъ, въ быту которыхъ женщина и на самомъ дѣлѣ мать и кормилица своихъ дѣтей и незамѣнимая помощница мужу въ его хозяйственныхъ дѣлахъ. Всякому, однако, извѣстно положеніе женщины въ крестьянской семьѣ, гдѣ сплошь и рядомъ женщинамъ приходится выносить на себѣ, кромѣ обязанностей материнства и хозяйственныхъ заботъ, еще и грубое обращеніе мужа при апатичномъ равнодушіи къ его возмутительнымъ поступкамъ родныхъ, сосѣдей и остальныхъ жителей деревни или села. Не-

мудрено, что при такихъ условіяхъ женщина-крестьянка, которую обыкновенно ея родители выдаютъ замужъ безъ ея спроса, обращается въ жалкое, забитое существо, всего менѣе способное быть „сестрой" своему мужу и вызвать съ его стороны уваженіе и любовь. Крестьянская среда мало располагаетъ къ развитію, желательныхъ Толстому, нормальныхъ отношеній между мужемъ и женою, замѣнѣ чувственныхъ отношеній между ними духовными, „братскими". Здѣсь нельзя искать образца для супружеской жизни въ образованныхъ классахъ общества, которую Толстой желаетъ реформировать въ духѣ своего возвышеннаго представленія о бракѣ, требованія нравственной чистоты отъ обоихъ супруговъ. Это требованіе, выставленное вмѣстѣ съ Толстымъ скандинавскими писателями (Бернсономъ, Стриндбергомъ и др.), находитъ сочувствіе во всемъ европейскомъ обществѣ, которое видитъ въ немъ признаніе за женщиной права на, одинаковое съ мужчиной, уваженіе личнаго ея достоинства и духовной самостоятельности женщины, немыслимой безъ матеріальной ея независимости отъ мужчины.

Толстой и Нитцше держатся совершенно одинаковыхъ взглядовъ на происхожденіе *права и государства*: и то, и другое возникло, по ихъ мнѣнію, изъ одного физическаго насилія наиболѣе могущественныхъ, высшихъ классовъ общества надъ низшими, слабыми его слоями. Во имя заповѣди о непротивленіи злу насиліемъ, исполненіе которой—единственное средство для избавленія современнаго общества отъ всѣхъ его бѣдствій, Толстой требуетъ уничтоженія права и государства путемъ общественнаго мнѣнія, постепеннаго проникновенія въ сознаніе общества этой идеи о непротивленіи злу насиліемъ. Онъ убѣжденъ, что люди могутъ обойтись безъ ихъ помощи даже при современныхъ условіяхъ общественнаго быта въ европейскихъ странахъ, гдѣ существуютъ самыя разнообразныя формы насилія (присяга, уплата податей, участіе

гражданъ въ управленіи, судѣ, военной службѣ и друг.). Весь современный европейскій, юридическій и политическій, строй поддерживаетъ, по словамъ Толстого, одни интересы высшихъ классовъ на счетъ низшихъ, выгоденъ только первымъ и не можетъ быть измѣненъ къ лучшему ни наукой, ни какими-либо реформами въ экономической и всей остальной жизни современнаго общества. Нитцше также возстаетъ противъ реформаторскихъ плановъ всякаго рода, распространенныхъ въ западно-европейскомъ государствѣ. Всѣмъ своимъ демократическимъ строемъ это государство до такой степени ненавистно ему, что Нитцше называетъ его „чудовищемъ" и желаетъ упраздненія государства во имя истиннаго блага людей, то есть, блага сильныхъ личностей. Нитцше не можетъ даже слышать, что современное право и государство стремятся къ осуществленію начала свободы и равенства въ общественныхъ отношеніяхъ и считаетъ современное европейское государство, игнорирующее интересы сильныхъ, формой паденія, измельчанія, униженія людей.

Таковы вкратцѣ воззрѣнія Толстого и Нитцше на право и государство [1], также одностороннія, какъ и все міровоззрѣніе обоихъ этихъ философовъ, неоправдываемыя ни исторіей, ни дѣйствительною современной жизнью европейскихъ народовъ. Въ глубокой древности право и государство служили интересамъ высшихъ, сильныхъ, отдѣльныхъ лицъ и общественныхъ группъ, власть которыхъ освящалась религіей, правомъ побѣдителей надъ побѣжденными и другими условіями тогдашней общественной жизни. Цѣлые народы лежали вѣка въ прахѣ предъ азіатскими деспотами, незнавшими никакихъ границъ для исполненія своихъ чудовищныхъ прихотей и капризовъ и необузданнаго дикаго произвола. И въ теченіе исторіи древнихъ грековъ, особенно же

[1]) Подробности см. выше, 3—4 главы.

римлянъ мы замѣчаемъ тоже подчиненіе со стороны низшихъ классовъ общества высшимъ, въ рукахъ которыхъ была сосредоточена вся политическая власть. Средневѣковое, феодальное право и государство освящало господство высшихъ классовъ западно-европейскаго общества надъ массою населенія. Въ основѣ дѣятельности новаго европейскаго права и государства лежитъ, какъ справедливо замѣчаетъ Нитцше, и чего не хочетъ признать Толстой, высокая, альтруистическая идея объ общемъ благѣ, забота о развитіи всѣхъ народныхъ силъ, обезпеченіи матеріальнаго благосостоянія всего народа и духовномъ его прогрессѣ. Современное право и государство ставятъ себѣ задачей всестороннее развитіе свободы человѣческой личности; во имя этой ея свободы они защищаютъ слабаго отъ произвола сильнаго и налагаютъ на гражданъ извѣстныя обязанности, необходимыя для ихъ безопасности и благосостоянія. Толстой правъ, когда онъ говоритъ, что „признаніе жизни каждаго человѣка священной первое и единственное основаніе всякой нравственности" и, прибавимъ мы, и всей современной общественной жизни, гдѣ государствомъ предпринятъ цѣлый рядъ всякихъ реформъ съ цѣлью обезпеченія всѣмъ людямъ законной свободы. Нитцше возмущается одной мыслью о покровительствѣ со стороны государства, оказываемомъ имъ одинаково всѣмъ гражданамъ, и поэтому онъ объявляетъ его излишнимъ въ своемъ проектируемомъ обществѣ изъ „сверхчеловѣковъ". Обвиненіе Толстого, что государство поддерживаетъ только интересы однихъ высшихъ классовъ современнаго общества въ ущербъ низшимъ опровергается тѣмъ широкимъ участіемъ, которое первые при помощи государства принимаютъ въ настоящее время въ судьбѣ послѣднихъ, улучшеніи ихъ положенія въ обществѣ. Толстой утверждаетъ, что властвуютъ всегда злые и надъ добрыми, но тогда зачѣмъ злымъ будутъ сопротивляться добрые, которые къ тому же и не будутъ никогда нападать на нихъ? Если же всѣ

люди, которымъ досталась какая-либо часть государственной власти, скоро становятся добрыми, то тѣмъ болѣе нѣтъ резона говорить о противленіи злу, да еще насиліемъ! На самомъ дѣлѣ, какъ это доказываетъ самъ Толстой, многіе изъ числа власть имѣющихъ заняты заботами о благѣ, подчиненныхъ имъ, отдѣльныхъ лицъ, классовъ, всего народа, какъ, съ другой стороны, въ средѣ того же народа находится не мало людей съ злыми наклонностями, какъ это прекрасно доказывается самимъ Толстымъ въ его „Власти тьмы". Бороться правительству съ проявленіями этихъ злыхъ наклонностей, невѣжествомъ народной массы нужно какъ въ интересахъ ея самой, такъ и того часто неизгладимаго вреда, который наносится такимъ трудно искоренимымъ зломъ всему обществу. Если бы всѣ люди были добры, тогда не нужно было бы ни тюремъ, ни всякаго рода другихъ наказаній. Присутствіе и часто преобладаніе злыхъ наклонностей въ людяхъ надъ добрыми парализуетъ даже частичное примѣненіе заповѣди о непротивленіи злу насиліемъ [1]). Наивно думать, подобно Толстому, что современное общество можетъ обойтись безъ помощи государства при защитѣ отъ злыхъ людей и охраненіи отъ разныхъ видовъ насилія надъ личностью, преслѣдуемыхъ энергично современнымъ государствомъ. Для предупрежденія зла оказывается недостаточно правилъ человѣколюбія, сострадапія къ ближнему и чувства братства, на отсутствіе которыхъ въ современной жизни жалуется самъ Толстой. Тѣмъ болѣе странно слышать его увѣренія, что всѣ многочисленныя и разнообразныя цѣли современнаго сложнаго общественнаго быта могутъ быть достигнуты разрознен-

[1]) Это хорошо доказалъ случай, происшедшій въ андреевской колоніи, гдѣ сдѣланъ былъ опытъ примѣненія ученія Толстого: одинъ смѣтливый крестьянинъ изъ среды этой колоніи присвоилъ себѣ поддевку одного изъ членовъ и не захотѣлъ возвратить ее хозяину, ссылаясь къ великому и общему смущенію на заповѣдь о непротивленіи злу насиліемъ (Гусевъ, назв. соч., 93—94 стр.).

ными, слабыми силами отдѣльныхъ лицъ безъ содѣйствія государства, котораго нельзя миновать современному обществу, если только оно думаетъ идти впередъ, къ возможно широкому обезпеченію благосостоянія народныхъ массъ.

Современное европейское государство много работаетъ надъ тѣмъ, чтобы смягчить, сознаваемыя обществомъ, противорѣчія между общественными классами, создавшіяся на западѣ на экономической почвѣ исторически. Такъ называемый рабочій вопросъ, въ которомъ Нитцше видитъ „нелѣпость", возникъ изъ постепенно сложившагося различія интересовъ представителей денежнаго капитала и труда. Правительства европескихъ странъ принимаютъ цѣлый рядъ важвыхъ мѣръ къ разрѣшенію этого вопроса, устраненія наболѣвшаго зла со всѣми его тяжелыми послѣдствіями для быта низшихъ, рабочихъ массъ населенія. И на этотъ разъ, какъ и вообще во многихъ другихъ случаяхъ дѣятельности современнаго государства, дѣло идетъ о поднятіи умственнаго и нравственнаго уровня и матеріальнаго благосостоянія рабочихъ классовъ, а не превращеніи ихъ въ господъ по типу „сверхчеловѣка" Нитцше, тѣмъ болѣе не о созданіи изъ рабочихъ „рабскаго типа людей", такъ ненавидимаго тѣмъ же Нитцше. Вся дѣятельность современнаго государства по отношенію къ низшимъ массамъ населенія сводится къ облегченію ихъ положенія, созданію такихъ условій общественнаго быта, при которыхъ стало бы возможнымъ развитіе и удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей рабочаго люда. Наконецъ, государство обезпечиваетъ ему и возможность получать образованіе во всѣхъ его видахъ и тѣмъ принять участіе въ пользованіи высшими благами культуры (науки, искусства и др.). Краснорѣчивое описаніе Толстымъ непримиримыхъ, на его взглядъ, противорѣчій между провозглашаемымъ всюду началомъ равенства всѣхъ людей и дѣйствительнымъ неравенствомъ ихъ положенія, богатства и несовмѣстимостью

разныхъ профессій въ обществѣ обличаетъ въ нашемъ философѣ-реформаторѣ все тоже увлеченіе своими совершенно отвлеченными, неосуществимыми соціальными планами. Онъ не хочетъ знать различія общественныхъ классовъ, о необходимомъ, историческомъ образованіи которыхъ мы уже говорили. Мало того. Толстой представляетъ высшіе классы общества непремѣнно праздными, утопающими въ роскоши, удовольствіяхъ и обязательно угнетающими низшіе классы народа, всегда трудящіеся, нуждающіеся и страдающіе. Мы знаемъ, что Толстой называетъ празднымъ трудомъ высшихъ, образованныхъ классовъ въ области науки, искусства, противъ какихъ на самомъ дѣлѣ необходимыхъ потребностей человѣческой природы онъ возстаетъ въ этомъ случаѣ. Такой же праздный трудъ въ глазахъ Толстого и работа на фабрикахъ, заводахъ, на которыхъ на самомъ дѣлѣ приготовляется большинство вещей, нужнымъ самимъ же рабочимъ. По мнѣнію Толстого, которое проповѣдуется въ одномъ изъ современныхъ экономическихъ направленій, только одинъ трудъ источникъ богатства, которое состоитъ еще изъ капитала (денегъ, земли, разныхъ вещей) и зависитъ отъ содѣйствія труду человѣка со стороны силъ природы. Современные образованные классы не только не думаютъ объ угнетеніи низшихъ, рабочихъ классовъ, а наоборотъ энергично работаютъ надъ тѣмъ, чтобы удовлетворить ихъ нуждамъ, смягчить и устранить страданія несчастныхъ и пріобщить трудящіяся массы къ пользованію благами современной культуры, доставить наслажденіе всѣми ими.

Толстой порицаетъ людей состоятельныхъ классовъ общества за то, что они принимаютъ услуги лицъ отъ низшихъ, домашнихъ своихъ слугъ: каждый долженъ, по его мнѣнію, служить себѣ самъ. Несомнѣнно, что безъ подобныхъ услугъ возможно обойтись въ обществѣ, гдѣ вся жизнь исчерпывается удовлетвореніемъ простыхъ, неприхотливыхъ

потребностей примитивнаго быта. Наоборотъ, тамъ, гдѣ кромѣ этихъ потребностей есть еще разнаго рода духовные интересы, существуютъ ради удовлетворенія разнообразныхъ и сложныхъ потребностей культурнаго быта и разныя отрасли труда, въ такомъ обществѣ немыслимо, чтобы каждый дѣлалъ все, ему необходимое: иначе останется много недостигнутыхъ цѣлей, неразрѣшенныхъ запросовъ ума, неоправданныхъ надеждъ сердца, тяжелыхъ сомнѣній и разочарованій въ жизни. Толстому также не нравятся разныя профессіи въ современномъ обществѣ, въ которыхъ выражается дѣятельность государства; онъ отвергаетъ всякое участіе отдѣльныхъ лицъ въ управленіи и судѣ; такимъ путемъ создается, отмѣчаемое имъ, „государственное противорѣчіе". Но, прежде всего, совершенно невѣрно представленіе Толстого о законахъ, исходящихъ отъ государственной власти, какъ какомъ-то соединеніи правилъ, сплошь нарушающихъ „требованія разумности, истинности и справедливости". Напротивъ, законы въ современномъ государствѣ возникаютъ не иначе, какъ послѣ предварительнаго и тщательнаго изученія самой жизни общества, рѣшительнаго убѣжденія законодателя въ томъ, что извѣстные интересы, нужды народа требуютъ настоятельнаго удовлетворенія, которое они и находятъ въ издаваемыхъ законахъ. Примѣненіе ихъ къ жизни обыкновенно пріурочено къ тѣмъ или другимъ особеннымъ условіямъ, также совершается при соблюденіи справедливости. Призваніе отдѣльныхъ лицъ въ ряды администраторовъ, противъ котораго возстаетъ Толстой, дѣлается въ виду достиженія общественныхъ цѣлей. Задача администраціи – водвореніе законности въ общественныхъ отношеніяхъ, устраненіе всякаго изъ нихъ насилія, за которое слѣдуетъ для каждаго гражданина, не исключая и органовъ административной власти, наказаніе по приговору суда. Есть случаи, когда насиліе является даже необходимостью въ дѣятельности администраціи, которая обязана при-

мѣнять его съ цѣлью сохраненія личности человѣка. Такой характеръ имѣютъ, напр., мѣры, принимаемыя властью относительно дѣтей, сумасшедшихъ, расточителей. Толстой противъ *суда и присяги* („не судись, не клянись"), которые допускаются христіанскимъ ученіемъ и относятся къ важнѣйшимъ отправленіямъ общественной жизни. Присяга, клятва употребляется въ различныхъ случаяхъ государственной жизни, извѣстна съ незапамятныхъ временъ въ человѣческомъ обществѣ и признана вѣковымъ опытомъ человѣчества за одно изъ необходимыхъ условій сохраненія общежитія. Присяга— торжественное обѣщаніе предъ Богомъ и людьми сохранить свято и ненарушимо основы общежитія въ видахъ общаго блага, выполнить добросовѣстно требованія власти, какъ коллективной силы, на обязанности которой лежитъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы всѣ общественныя отношенія людей проникались справедливостью. Поэтому чиновникъ при поступленіи на государственную службу клянется въ томъ, что онъ по совѣсти выполнитъ обязанности, принимаемыя имъ по отношенію къ государству, присяжный засѣдатель присягаетъ въ томъ, что онъ будетъ судить обвиняемыхъ въ нарушеніи законовъ общежитія по правдѣ, какъ повелѣваетъ ему совѣсть, воинъ,—что всѣми силами готовъ даже, въ случаѣ необходимости, пожертвовать за него своею жизнью. Судъ въ различныхъ его формахъ (судъ коронный, судъ присяжныхъ, третейскіе суды и др.) также служитъ идеѣ правды, стремится водворить справедливость въ общественныхъ отношеніяхъ, какъ это доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что въ Англіи существуетъ цѣлая іерархія „судовъ справедливости". Путемъ теоретическихъ изслѣдованій со стороны древнихъ и новыхъ мыслителей и продолжительнаго жизненнаго опыта люди дошли до непоколебимаго сознанія, что безъ суда невозможно самое существованіе общества [1]), въ которомъ тогда исчезла

[1]) Одна изъ новыхъ школъ въ правовѣдѣніи—школа естественнаго права

бы всякая увѣренность въ безопасности личности и ея имущества. Дѣятельность судьи, какъ и администратора, поставлена въ законныя рамки, препятствующія имъ злоупотреблять своею властью. Судья, отправляя свои обязанности согласно съ закономъ и своей совѣстью, не совершаетъ никакого насилія надъ обвиняемымъ, а только помогаетъ тому, что въ обществѣ становится меньше злыхъ людей, преступная дѣятельность которыхъ мѣшаетъ правильному развитію общества. Справедливые приговоры судей полезны и самимъ преступникамъ, которымъ они помогаютъ исправиться, получить возможность вернуться со временемъ въ общественную жизнь, нормальный ходъ которой они нарушили своими преступленіями. Къ этой цѣли наказанія принаровлена въ настоящее время цѣлая система всякаго рода исправительныхъ учрежденій въ европейскихъ странахъ.

Вообще нужно замѣтить, что примѣненіе силы, принужденія въ общественной жизни допускается современной наукой права и практикой только въ извѣстныхъ, ограниченныхъ случаяхъ. Вмѣсто долго существовавшаго, возникшаго исторически, взгляда на право, какъ принудительное правило въ общественной жизни людей, теперь устанавливается такой взглядъ на право, по которому сущность его ищутъ въ тѣсной связи права съ духовно-нравственной природой человѣка, его нравственными идеями. На принужденіе же въ правѣ смотрятъ, какъ не на главный признакъ, исчерпывающій все его содержаніе и значеніе въ жизни, а лишь условіе осуществленія, примѣненія права въ тѣхъ случаяхъ, когда происходитъ столкновеніе эгоистическихъ интересовъ членовъ общества. Тогда государство-органъ права—выступаетъ во имя идеи общаго блага съ своей принудительной властью,

---

считала нужду людей въ судѣ, который могъ бы разбирать ихъ споры, одной изъ главныхъ причинъ возникновенія общежитія.

чтобы сдержать въ надлежащихъ границахъ проявленія эгоизма людей, возстановить нарушенное имъ правильное теченіе общественной жизни и обезпечить развитіе личности человѣка, его свободы. Такой взглядъ на нравственный элементъ въ правѣ и дѣятельности государственной власти совпадаетъ съ требованіями Толстого, чтобы общественная жизнь людей опредѣлялась высшими идеалами правды и справедливости. Онъ только не желаетъ признать такого значенія за современнымъ правомъ и государствомъ, которымъ на самомъ дѣлѣ принадлежитъ великая роль въ проведеніи въ жизнь „принциповъ свободы и братства". Одного ихъ исповѣданія слишкомъ мало даже для надежды, что эти начала, за которыя ратуетъ давно въ обществѣ не одинъ Толстой, когда-либо проникнутъ въ жизнь людей. Имъ нужна самая широкая помощь со стороны права и государства, которую они и оказываютъ людямъ въ борьбѣ со всякаго рода препятствіями къ достиженію разнообразныхъ, жизненныхъ цѣлей личности. Но такимъ отрицательнымъ направленіемъ настоящая дѣятельность права и государства далеко не исчерпывается: ихъ главное назначеніе въ современной общественной жизни оказать самое широкое, положительное содѣйствіе людямъ тамъ, гдѣ ихъ единичныхъ усилій недостаточно для достиженія многочисленныхъ потребностей современнаго сложнаго быта. „Общеніе и передача мыслей" между людьми немыслимы безъ поддержки государства, которое беретъ на себя устройство необходимыхъ для этого учрежденій. Современное государство — незамѣнимое ничѣмъ орудіе культуры общества въ широкомъ смыслѣ этого слова: оно вмѣстѣ съ правомъ приходитъ на встрѣчу самымъ настоятельнымъ нуждамъ общества, особенно же низшихъ его классовъ, среди которыхъ неустанными заботами государства распространяется мало помалу матеріальное благосостояніе вмѣстѣ съ поднятіемъ нравственнаго и умственнаго развитія народныхъ массъ.

VII.

Гр. Толстой съ своею проповѣдью мертваго, пассивнаго отношенія людей ко всѣмъ, одолѣвающимъ ихъ со всѣхъ сторонъ, формамъ зла осуждаетъ человѣческую личность на механическое, слѣпое подчиненіе обществу. Онъ отвергаетъ въ самомъ корнѣ мысль о возможности самостоятельной, энергичной дѣятельности человѣка въ обществѣ, его непрерывной *борьбы* со всѣми, выступающими въ жизни человѣка, препятствіями на пути къ исполненію всѣхъ его жизненныхъ плановъ. Нитцше требуетъ этой борьбы отъ каждаго сильнаго духомъ и тѣломъ человѣка во имя права такой, могущественной его личности. Въ этомъ случаѣ онъ, очевидно, примыкаетъ къ извѣстной теоріи Дарвина о борьбѣ за существованіе и естественномъ подборѣ, какъ могучихъ факторахъ, условіяхъ міроваго развитія. Отголоскомъ этой теоріи, все великое научное значеніе которой признано теперь не только въ естественныхъ, но и общественныхъ наукахъ, является въ наукѣ права взглядъ виднѣйшаго изъ современныхъ ученыхъ юристовъ, *Р. ф. Іеринга* на борьбу за право, которою характеризуется вся его исторія. Возставая противъ воззрѣнія исторической школы права на мирное образованіе права, безпрепятственное его развитіе въ народной жизни, Іерингъ доказываетъ, что всѣ важныя пріобрѣтенія культуры достались человѣчеству путемъ ожесточенной борьбы. Такъ, напр., было уничтожено рабство и, остатокъ его въ новой исторіи, крѣпостное право, за всѣми людьми признаны равенство и свобода, появилась свобода совѣсти, торговли и промышленности. На самомъ дѣлѣ всѣ эти важныя историческія событія произошли не изъ физической борьбы отдѣльныхъ лицъ, классовъ и народовъ, возмущенныхъ насиліемъ и возставшихъ за свои попранныя права. Никакія возстанія рабовъ въ древности (напр., подъ предво-

дительствомъ Спартака въ Римѣ), не могли уничтожить рабства, корень котораго находился въ то время въ особенныхъ условіяхъ всей жизни древняго общества. Точно также не упразднили крѣпостного права продолжительныя крестьянскія войны въ средніе вѣка (во Франціи, Англіи и Германіи). Напротивъ, послѣ всякаго возстанія рабовъ или крѣпостныхъ противъ своихъ господъ, власть послѣднихъ надъ ними усиливалась еще болѣе и отношенія господъ къ зависимымъ отъ нихъ людямъ дѣлались болѣе жестокими, безпощадными. Рабство и крѣпостное право исчезли изъ исторіи человѣчества подъ вліяніемъ идеи христіанства о равенствѣ всѣхъ людей предъ Богомъ, идей гуманистовъ (въ Италіи, Германіи и Франціи въ XVI—XVII в.) о свободѣ человѣческой личности отъ оковъ, связывавшаго средневѣковое общество, католическаго міровоззрѣнія, реформаціоннаго движенія (XVII в.) и просвѣтительной французской философіи (XVIII в.). Крѣпостное право было упразднено въ Пруссіи Фридрихомъ Великимъ еще до первой французской революціи. Въ Россіи отмѣна крѣпостного права совершилась на нашихъ глазахъ также мирнымъ путемъ (въ 1861 г.), актомъ дѣятельности императора Александра II-го, благородныя стремленія котораго нашли живое сочувствіе въ средѣ образованнаго русскаго общества.

Свобода совѣсти или вѣроисповѣданія также результатъ продолжительнаго вліянія разнообразныхъ идей на сознаніе человѣчества. Узко національная религія древности, гдѣ каждый народъ имѣлъ свою религію, только почитаемую имъ за единственно-истинную, исключала возможность свободы ея исповѣданія внѣ границъ того или другаго государства, гдѣ она не признавалась даже за религію. Христіанство, провозгласившее начало равенства всѣхъ людей въ вѣрѣ въ Единаго Бога, положило начало свободѣ совѣсти въ европейскомъ обществѣ. Но очень долго, въ теченіе тысячелѣтняго

средневѣковаго періода высокое христіанское ученіе искажалось властолюбивымъ папствомъ, преслѣдовавшимъ подъ его эгидой личныя цѣли, стремившимся къ полному господству надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ. Нетерпимымъ папствомъ пущены были въ дѣло всякіе обманы и средства насилія: пытки, костры, убійства отдѣльныхъ лицъ, войны между народами. Варфоломѣевская ночь (во Франціи), тридцатилѣтняя война (въ Германіи), кровавая дѣятельность Торквемадо и святой инквизиціи (въ Испаніи) и ордена іезуитовъ (во всей Европѣ)—таковы были формы насилія, совершаемаго папствомъ надъ совѣстью европейскихъ народовъ. Въ ихъ памяти чистѣйшее христіанское ученіе о любви къ людямъ соединилось, благодаря дѣятельности папства, невольно съ самыми ужасными видами насилія, въ которомъ христіанство не было повинно ни на іоту. Если бы нравственныя идеи христіанства не были затемнены густымъ дымомъ, пылавшихъ на огромномъ пространствѣ, костровъ, на которыхъ сжигались святой инквизиціей еретики и вѣдьмы, если бы она не замучивала въ невыразимыхъ пыткахъ враговъ папства, не проливала рѣки крови „во славу Бога" (ad Dei gloriam), во имя будто бы ученія Христа, и оно распространилось и было понято людьми въ истинномъ его видѣ, не произошло бы въ новой исторіи человѣчества массы насилій и бѣдствій, долго омрачавшихъ жизнь людей. Свобода совѣсти, возможность для каждаго открыто исповѣдывать свою религію и участвовать въ богослуженіи установилась въ европейскомъ обществѣ уже въ XVIII—XIX в. Когда вмѣстѣ съ предварительною побѣдой государственной власти надъ папствомъ (въ XV—XVII в.) прекратилась ожесточенная братоубійственная борьба между представителями христіанскихъ вѣроисповѣданій (католическаго и протестантскаго), тогда подъ вліяніемъ умственнаго движенія новаго времени образовалось представленіе о свободѣ личности, въ понятіе которой вош-

ла и свобода ея совѣсти. Наконецъ, и свобода торговли и промышленности—плодъ также не борьбы, насилія, а послѣдовательнаго развитія, общественнаго и политическаго, европейскаго общества въ теченіе многихъ вѣковъ. Этого рода свобода была совсѣмъ неизвѣстна въ эпохи безпрерывной борьбы между народами и общественными классами. Она была немыслима въ древности съ ея презрѣніемъ къ личному, физическому труду, оставленному на долю рабовъ, невозможна и въ средніе вѣка при всякаго рода стѣсненіяхъ и насиліяхъ надъ личностью и обществомъ со стороны западно-европейскаго полицейскаго государства XVI—XVII в. и феодальныхъ, высшихъ сословій общества. Только съ разрушеніемъ феодальнаго строя и образованіемъ на его развалинахъ новаго общества, въ основу котораго были положены начала юридическаго равенства всѣхъ людей и признанія ихъ личной свободы, могло начаться и безпрепятственное, свободное экономическое развитіе европейскихъ народовъ, выразившееся въ необычайныхъ успѣхахъ среди нихъ промышленности и торговли.

Такъ, можно сказать, исчезало постепенно изъ жизни людей то, что проводилось насиліемъ и, наоборотъ, осталось все, что вліяло на нихъ мирнымъ образомъ, развивалось въ сознаніи людей по мѣрѣ уясненія высокихъ нравственныхъ началъ христіанства и умственнаго и матеріальнаго прогресса европейскихъ народовъ. Великія идеи древнихъ философовъ (Платона и Аристотеля), гуманистовъ, (Эразма, Гуттена, Раблэ и др.), реформаціи (Лютера), астрономовъ (Галилея, Коперника), новыхъ философовъ (Декарта, Бэкона, Канта, Дарвина, Конта, Спенсера), политическихъ мыслителей (Монтескье, Вольтера и др.), экономистовъ (А. Смита, Рикардо и др.), какъ и идеи міровыхъ поэтовъ художниковъ: Байрона, Шекспира, Шиллера, Гёте, Гоголя, Тургенева, самого гр. Толстого оказали могущественное вліяніе на умы современниковъ и способствовали нравственному и матеріальному развитію человѣчества неизмѣримо

больше всякихъ войнъ, борьбы и насилій. Всякія формы насилія, которыми пользовались въ своихъ эгоистическихъ, корыстныхъ разсчетахъ отдѣльныя лица, общественные классы и цѣлые народы, не приносили пользы всему человѣчеству, которое всегда проигрывало въ такихъ случаяхъ. Насильственные перевороты въ общественной жизни (революціи) никогда не оказывали благодѣтельнаго вліянія на развитіе общаго благосостоянія людей. Вмѣстѣ съ разрушенными внезапно общественными учрежденіями исчезаетъ безслѣдно для будущихъ поколѣній масса благъ цивилизаціи (матеріальныхъ и духовныхъ), доставшихся людямъ цѣною большаго и напряженнаго труда и надолго задерживается прогрессивное развитіе общества во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтому устраненіе всякихъ формъ насилія составляетъ издавна идеалъ человѣческаго благополучія. Тѣ пріобрѣтенія европейской культуры, которыя многими писателями приписываются первой французской революціи, на самомъ дѣлѣ составляютъ результатъ предшествовавшаго продолжительнаго развитія европейскаго общества, которое начинается появленіемъ христіанства, подготовляется разными событіями новой исторіи общества (XV—XVII в.) и выражается особенно рельефно въ гуманистическомъ и реформаціонномъ движеніи, перешедшемъ въ XVIII в. въ просвѣтительную философію (въ Германіи и Франціи). Всѣ люди мечтаютъ уже немало времени о томъ, чтобы основать всю свою жизнь на началахъ правды и справедливости, идеяхъ равенства и свободы, внесенныхъ уже въ сознаніе европейскаго общества. Гр. Толстой ратуетъ за такой же мирный идеалъ жизни людей, но въ страстномъ увлеченіи своими общественными планами, своею проповѣдью и непротивленіи злу насиліемъ закрываетъ глаза предъ дѣйствительными фактами, не хочетъ признать за современнымъ правомъ и государствомъ ихъ великой культурной миссіи на томъ основаніи, что они когда-то служили насилію однихъ

народовъ, классовъ и отдѣльныхъ лицъ надъ другими. Вся исторія человѣчества представляетъ отрадную картину поступательнаго движенія впередъ, постепеннаго ограниченія эгоизма человѣка (личнаго, семейнаго, національнаго), медленнаго, но несомнѣннаго проникновенія всѣхъ сторонъ общественной жизни альтруистическими идеалами [1]). Поэтому Толстой правъ, когда онъ, глубоко вѣря въ неизбѣжное торжество нравственной идеи христіанства о любви къ ближнему даже и не въ отдаленномъ будущемъ, возлагаетъ такія большія надежды на освобожденіе людей отъ всякихъ личныхъ бѣдъ и общественныхъ золъ путемъ мирнаго осуществленія этой идеи, помимо какихъ-либо попытокъ устранить ихъ посредствомъ насильственнаго разрушенія современныхъ общественныхъ формъ. Особенно сильно вооружается Толстой противъ высшей формы насилія—*войны*, которая противорѣчитъ, по его убѣжденію, христіанскому сознанію, христіанской заповѣди о любви ко всѣмъ людямъ, ихъ братству. Поэтому онъ ставитъ запрещеніе воевать даже въ числѣ своихъ пяти заповѣдей („не воюй").

Согласно съ этой заповѣдью, мы должны, говоритъ Толстой, любить всѣхъ людей одинаково, не оказывать никакого предпочтенія своему народу предъ другими народами, не жертвовать за свое отечество, родину жизнью, когда оно вовлекается въ столкновеніе съ другими народами. Мы уже знаемъ, на сколько невозможна такая одинаковая любовь ко всѣмъ людямъ безразлично, вмѣсто которой на самомъ дѣлѣ существуютъ привязанности сначала между наиболѣе близкими людьми, а потомъ какъ патріотами, связанными съ на-

[1]) См. мою названную брошюру (Право и нравственность въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ), 3-ю главу. Самъ Толстой указываетъ на рядъ фактовъ изъ современной общественной жизни, свидѣтельствующихъ объ исчезновеніи изъ нея разныхъ формъ „насилія" и водвореніи гуманности въ общественныхъ отношеніяхъ.

ми общностью происхожденія, единствомъ религіи, нравовъ, языка, экономическаго, юридическаго и политическаго быта. Этотъ патріотизмъ, любовь къ своему народу, отечеству имѣетъ глубокіе корни въ сѣдой странѣ, незапамятной дали ряда вѣковъ, когда среди самыхъ разнообразныхъ условій постепенно образуется та или другая народность, создается крѣпко сплоченный общественный союзъ съ своеобразнымъ складомъ общаго міровоззрѣнія и особеннымъ, общественнымъ и политическимъ строемъ. Каждый родится и живетъ среди своего роднаго народа, любитъ его за достоинства, снисходитъ къ его недостаткамъ, которые въ тоже время и его собственныя качества, и готовъ защищать грудью свое отечество отъ всякихъ на него нападеній. Во всей древности патріотическія чувства были развиты до крайней степени: тогда каждое изъ государствъ (на Востокѣ и въ древней Греціи и Римѣ) создавалось подъ вліяніемъ исключительныхъ условій,—имѣло собственную, національную религію, которая неотразимо вліяла на все устройство общества и государства. Каждый изъ древнихъ народовъ считалъ себя обладателемъ единственно истинной религіи и, освященныхъ ею, лучшихъ общественныхъ учрежденій. Всякій гражданинъ готовъ былъ поэтому на всевозможныя жертвы для блага своего народа, которое было неизмѣримо выше интересовъ отдѣльныхъ лицъ, даже поглощало ихъ безъ остатка. Благо отечества—первый законъ общественной жизни, говорили римляне (salus publici prima lex est), выражая этимъ основное ея правило, характеризующее всю жизнь древнихъ народовъ. Такая страстная, беззавѣтная любовь къ своей родинѣ, изъ за которой люди забывали обыкновенно о своихъ личныхъ интересахъ, вызывала разобщенность между отдѣльными народами и государствами, заставляла каждаго изъ нихъ вести замкнутую, изолированную жизнь, внушала имъ неусыпную заботу оберегать ревниво всякое покушеніе на ея основы со стороны другихъ сосѣднихъ народовъ. Это рѣзкое различіе между

древними народами и государствами было одной изъ главныхъ причинъ частыхъ и ожесточенныхъ войнъ между ними, нерѣдко губившихъ одного, а иногда и обоихъ непримиримыхъ соперниковъ.

Съ появленіемъ христіанства сглаживается постепенно это различіе національныхъ вѣрованій и создается постоянное общеніе всѣхъ народовъ на почвѣ общихъ, культурныхъ интересовъ. Съ тѣхъ поръ замѣчается стремленіе къ уменьшенію воинъ, поводъ къ которымъ долженъ былъ исчезать мало по малу съ распаденіемъ средневѣковаго, феодальнаго строя и объединеніемъ европейскихъ народовъ въ текущемъ столѣтіи общепризнанными идеями равенства и свободы всѣхъ людей, ставшими основаніемъ европейской общественной жизни. Всѣми европейскими народами дума о сохраненіи постояннаго мира овладѣла такъ сильно, что государи, поставившіе себѣ задачей своей политической дѣятельности это соблюденіе мирныхъ отношеній между государствами, пріобрѣтаютъ въ сознаніи благодарныхъ народовъ неувядаемую, безсмертную славу. Таковъ былъ покойный Александръ III, заслужившій себѣ непрестанными заботами объ европейскомъ мирѣ имя „Миротворца". Теперь уже мало государственныхъ людей, которые, подобно Мольтке, считали бы войну полезною для народнаго блага: исторія сохранила въ поученіе грядущимъ поколѣніямъ такъ много доказательствъ неисчислимаго вреда войнъ для блага, счастья людей, что доказывать ихъ пользу въ настоящее время было бы верхомъ нелѣпости. Поэтому симпатіи европейскаго общества болѣе на сторонѣ Толстого, такъ горячо, хотя и довольно рѣзко, отстаивавшаго интересы мира, нежели—Нитцше съ его открытымъ объявленіемъ войны всему европейскому міровоззрѣнію и современному общественному строю. Всѣ ученія современныхъ мыслителей и политическихъ дѣятелей направлены на то, чтобы, если не прекратить навсегда войны, то,

по крайней мѣрѣ, уменьшить случаи, когда онѣ могутъ быть допущены и, кромѣ того, обставить самое веденіе войны такими благопріятными условіями, при которыхъ было бы возможно гуманное обращеніе съ непріятелемъ. Не напрасны и безцѣльны, какъ увѣряетъ Толстой, труды разнообразныхъ конгрессовъ и конференцій, собирающихся для опредѣленія отношеній государствъ во время веденія войнъ: къ ихъ рѣшеніямъ въ интересахъ общаго сохраненія мира прислушиваются внимательно представители государствъ и принимаютъ къ руководству въ случаѣ наступленія войны. Число послѣднихъ постепенно сокращается. Въ настоящее время немыслимы войны изъ за различій въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, какъ это было въ древности, или же—того или другого христіанскаго вѣроисповѣданія, что происходило въ средніе вѣка. Прекратились войны изъ за династическихъ интересовъ. Только особенныя, временныя условія международной жизни въ европейскомъ обществѣ и внутренней—въ нѣкоторыхъ изъ западно-европейскихъ государствъ создали такъ называемый *милитаризмъ*, заставили всѣ государства содержать громадныя арміи и тратить большія суммы на дорого стоющее ихъ вооруженіе. Сознаніе всѣхъ тяжелыхъ послѣдствій для общественнаго благосостоянія отъ такого напряженнаго состоянія въ взаимныхъ отношеніяхъ европейскихъ державъ не оставляетъ ни на минуту выдающихся современныхъ мыслителей и политиковъ. Они не могутъ преодолѣть чувства ужаса при одной мысли о страшной, губительной войнѣ, которая можетъ вспыхнуть между европейскими народами и разрушить всю, дорого стоившую, имъ цивилизацію.

Напрасно Толстой укоряетъ современное общество въ томъ, что оно допускаетъ противорѣчіе между христіанскимъ ученіемъ и происходящими войнами. Оно столько же виновато въ этомъ противорѣчіи, сколько и ученые, якобы „измышляю-

щіе, усовершенствующіе пріемы войны" [1]). Химическія открытія приносятъ, прежде всего, пользу людямъ тѣмъ, что удовлетворяютъ разнымъ ихъ потребностямъ [2]). Если же тѣ-же открытія примѣняются и къ военнымъ цѣлямъ, то это дѣлается съ цѣлью обезпеченія лучшей защиты при тѣхъ политическихъ обстоятельствахъ, противъ которыхъ общество совершенно безсильно. Сознаніе указаннаго Толстымъ этого международнаго противорѣчія несомнѣнно существуетъ въ европейскомъ обществѣ, какъ объ этомъ говоритъ и самъ Толстой. Именно поэтому-то всѣ государства и избѣгаютъ старательно всякихъ поводовъ къ войнѣ, отъ которой ихъ останавливаютъ, между прочимъ, соображенія о быстрой и неизбѣжной погибели при наступленіи войны многочисленныхъ армій вслѣдствіе громадныхъ запасовъ у всѣхъ государствъ всякихъ разрушительныхъ средствъ. Достаточно вспомнить, напримѣръ, о начатой и скоро окончившейся на нашихъ глазахъ греко-турецкой войнѣ, которая была допущена европейскими державами послѣ цѣлаго ряда попытокъ къ примиренію противниковъ. Всѣ онѣ внимательно слѣдили за всѣми фазами этой войны, не дозволяя болѣе сильной сторонѣ (Турціи) раздавить болѣе слабую (Грецію), произнесли рѣшительное *veto* въ моментъ, когда послѣдняя уже была не въ состояніи бороться, и даже предоставили въ интересахъ общественнаго мира и угнетеннаго населенія Турціи право побѣжденному противнику— Греціи предписывать свои условія недовольному побѣдителю. Противъ той же Турціи назадъ тому двадцать лѣтъ выступила Россія на защиту славянскихъ народностей на балканскомъ полуостровѣ, пожертвовала ради ихъ спасенія отъ ставшаго невыносимымъ гнета турокъ сотнями тысяч-

[1]) См. соч. Толстого, XIV ч., 57 стр.

[2]) Такъ, напр., динамитъ—это страшное на войнѣ по своей разрушительной силѣ вещество приноситъ большую пользу при устройствѣ туннелей, желѣзныхъ дорогъ и другихъ путей сообщенія.

чи людей и милліонами денегъ и обезпечила освобожденнымъ такою большою цѣною славянамъ возможность самостоятельной, политической и общественной, жизни. Подобныя войны, предпринимаемыя во имя высшихъ идей, не только не осуждаются народами, но считаются ими благородными жертвами для блага народовъ, всей цивилизаціи человѣчества. Каждый дальнѣйшій шагъ къ ея развитію—побѣда мирныхъ, культурныхъ стремленій у людей надъ прежними, воинственными ихъ наклонностями, которыя принесли народамъ и государствамъ такъ много бѣдъ и несчастій. Но въ тоже время они должны признать съ грустью, что вѣчный миръ—неосуществимая мечта благородныхъ умовъ человѣчества, идеалъ международной жизни государствъ. Пока эгоизмъ будетъ брать перевѣсъ надъ альтруизмомъ въ жизни людей, неизбѣжны столкновенія между ними, какъ въ внутренней жизни каждаго изъ государствъ, такъ и въ международныхъ ихъ отношеніяхъ. Но въ тоже время никогда не исчезнетъ изъ жизни людей любовь къ отечеству, которую Толстой такъ рѣшительно отвергаетъ, а Нитцше обозначаетъ разными ироническими названіями. Послѣдній самъ высказываетъ большія опасенія за цѣлость западно-европейскихъ странъ при сосѣдствѣ могущественной России, предъ силой крѣпостью и которой онъ преклоняется. Паническій страхъ предъ этимъ „единственнымъ“ въ этомъ отношеніи въ Европѣ государствомъ заставляетъ Нитцше предложить мелкимъ европейскимъ государствамъ странный проэктъ соединенія ихъ въ какую-то касту, которая могла бы господствовать надъ всей Европой.

Оставляя въ сторонѣ всѣ эти напрасные, ничѣмъ неоправдываемые страхи и опасенія нѣмецкаго философа, мы видимъ въ этомъ торжественномъ призывѣ Нитцше западно-европейскихъ государствъ къ воинственной политикѣ выраженіе одной и той же общей мысли всего его философско-моральнаго міровоззрѣнія, которое такъ рѣзко расходится съ

общепринятыми взглядами. Нитцше желаетъ, чтобы и въ области международной жизни государствъ образовался тотъ же „сверхчеловѣкъ", фантастическій образъ котораго постоянно носится предъ его глазами. Въ страстномъ, нетерпѣливомъ отрицаніи всѣхъ понятій и воззрѣній современнаго общества, его религіи, морали, науки, искусства и всего общественнаго строя Нитцше переноситъ всеобщую, безпощадную борьбу за свой идеалъ о сильномъ человѣкѣ изъ внутренней жизни каждаго государства въ область взаимныхъ отношеній всѣхъ европейскихъ государствъ. Въ своихъ заботахъ о поколѣніи могучихъ духомъ и тѣломъ личностей Нитцше объявляетъ ихъ эгоизмъ единственнымъ основаніемъ своей морали и всей общественной жизни, откуда должно быть, по его мнѣнію, удалено все, что только напоминаетъ о слабости, безпомощности, ничтожествѣ человѣка. Въ противоположность этой дарвиновской теоріи Нитцше о необходимости жестокой борьбы за существованіе, въ которой слабыя особи обречены на неминуемую погибель, Толстой выставляетъ въ качествѣ общественнаго идеала высшую, альтруистическую идею христіанства, которою смягчаются въ дѣйствительной жизни напряженныя и враждебныя отношенія людей. Толстой вѣритъ непоколебимо, что люди не „звѣри" разныхъ видовъ (просто звѣрь-философъ, бѣлокурые звѣри, раса знатныхъ, аристократы), въ жизни которыхъ господствуютъ одни грубые инстинкты, эгоистическія стремленія, а духовныя, нравственно разумныя существа, преслѣдующія въ своей дѣятельности высокіе, нравственные идеалы правды, истины, добра, справедливости и красоты. Эти идеалы альфа и омега цивилизаціи общества, смыслъ которой заключается въ всестороннемъ развитіи личности человѣка, обезпеченіи ему при помощи права и государства всѣхъ условій для этого развитія въ области матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ личности.

Осуществленіе альтруистическаго идеала, внесеніе его въ

жизнь общества, гдѣ онъ признается, за исключеніемъ Нитцше, всѣми остальными, во многомъ противоположными другъ другу моралистами за высшій принципъ человѣческаго поведенія, немыслимо при пассивномъ, мертвомъ подчиненіи личности, одолѣвающимъ ее со всѣхъ сторонъ, всякаго рода бѣдствіямъ. Только на почвѣ энергическаго и безпрерывнаго труда на благо другихъ, борьбы за добро противъ всѣхъ формъ зла въ общественной жизни мирными, моральными средствами (убѣжденіемъ, личнымъ примѣромъ, общественнымъ мнѣніемъ, дѣятельностью права и государства) возможно дѣйствительное примѣненіе заповѣди Толстого о непротивленіи злу, тѣсно связанной съ главною заповѣдью христіанскаго ученія о любви къ ближнему. Толстой соединяетъ успѣхъ своего альтруистическаго ученія съ стремленіями большинства въ современномъ обществѣ къ обезпеченію своего благосостоянія. Нитцше претитъ одна мысль объ этомъ всеобщемъ благѣ массы людей, презираемыхъ имъ за „рабскія“ чувства и мысли. У него не выходитъ изъ ума представленіе о явной для него гибели всего оригинальнаго, выдающагося въ области мысли и жизни среди этого, нивеллирующаго всякія индивидуальныя различія, демократическаго направленія европейской и общественной жизни. Нитцше не хочетъ обратить вниманія на то, что въ этомъ современномъ движеніи въ сторону признанія и развитія блага народной массы заключается вѣрный залогъ поднятія низкаго уровня ея матеріальнаго и духовнаго состоянія и послѣдующаго появленія въ большомъ количествѣ оригинальныхъ личностей, сильныхъ духомъ, но не только однимъ почти тѣломъ, какъ этого хочетъ особенно Нитцше. По представленію Толстого, вся жизнь людей должна проходить въ безпрерывномъ рядѣ подвиговъ самопожертвованія, исключающаго возможность, необходимаго для такого направленія въ дѣятельности людей, другого не менѣе живучаго начала въ человѣческой природѣ,—эгоистиче-

ской ея наклонности. Нашъ русскій философъ совсѣмъ изгоняетъ эгоизмъ изъ жизни людей, не хочетъ и думать о какомъ-либо личномъ ихъ счастьи, представленіе о которомъ при всей необходимости для нихъ альтруистическаго поведенія не можетъ обойтись безъ удовлетворенія, такъ презираемой Толстымъ, „животной личности“ человѣка. Ницше, наоборотъ, заполняетъ всю его жизнь самыми грубыми проявленіями одного эгоизма людей, среди которыхъ выдѣляется группа лицъ съ наибольшимъ, беззастѣнчивымъ его развитіемъ на счетъ всей остальной массы. Онъ возводитъ въ всеобщій законъ жизни общества, въ которой происходитъ постоянное соревнованіе, соперничество между отдѣльными лицами, классами и народами во всѣхъ областяхъ ихъ дѣятельности, открытое, безпощадное истребленіе болѣе слабыхъ сильными. Толстой, наоборотъ, стоитъ все время на сторонѣ слабыхъ, требуетъ отъ сильныхъ неустанной заботы о низшихъ классахъ народа, вмѣняетъ въ обязанность первымъ измѣнить въ корнѣ весь свой образъ жизни, бросить города со всѣми ихъ развращающими соблазнами и опроститься, слиться съ народомъ, вступить съ нимъ и природой въ непрерывное общеніе, спуститься до его уровня понятій, привычекъ и всего образа жизни. Толстой желаетъ устранить изъ дѣятельности людей всякое, даже благородное соревнованіе между ними, безъ котораго невозможно на самомъ дѣлѣ развитіе силъ человѣческой личности и удовлетвореніе его потребностей. Онъ осуждаетъ всѣхъ людей на мертвую неподвижность, устраняетъ ихъ отъ участія въ культурной жизни современнаго общества. Въ обществѣ, построенномъ по образцу ученія Толстого, не можетъ быть мѣста ничему выдающемуся въ области мысли, искусства, экономической и политической жизни. „Толстовцы“ должны все время думать, прежде всего, о самомъ существенномъ въ жизни человѣка—о матеріальномъ благосостояніи, одинаковомъ для всѣхъ членовъ общества.

Нѣкоторый образецъ деревенской жизни, которую Толстой такъ усиленно рекумендуетъ образованнымъ классамъ общества, онъ даетъ въ своей „Власти тьмы", гдѣ мужикъ Акимъ олицетворяетъ собою традиціонное міровоззрѣціе русскаго народа съ его любовью къ правдѣ, чуткою совѣстью, убѣжденіемъ въ святости труда, ненарушимости уклада семейной жизни и боязнью перемѣны старозавѣтнаго, деревенскаго быта на новый, соблазнительный и развращающій, образъ городской жизни [1]. Представитель городской цивилизаціи въ „Власти тьмы", сынъ Акима, фабричный Никита, поощряемый своей матерью, Матреной въ легкомысленномъ отношеніи къ женщинамъ, не любитъ трудиться и не желаетъ бросить своего празднаго и разгульнаго образа жизни, не слушаетъ увѣщаній отца, который въ негодованіи уходитъ отъ Никиты въ деревню [2]. Но тотъ же Акимъ приходитъ въ восторгъ, когда Никита кается при всемъ народѣ въ своихъ тяжелыхъ преступленіяхъ, совершенныхъ среди приволья праздной и сытой жизни [3]. За исключеніемъ этихъ свѣтлыхъ сторонъ народной жизни, которыя Толстой рисуетъ въ „Власти тьмы", вся она—художественное изображеніе безпросвѣтнаго мрака, дикихъ суевѣрій и глубокаго невѣжества, въ которымъ живетъ, такъ любимый имъ, простой русскій народъ. Вся почти жизнь крестьянина проходитъ въ томительно-однообразномъ физическомъ трудѣ изъ за насущнаго куска хлѣба, кромѣ заботы о которомъ у людей есть и болѣе высшія, духовныя потребности. Подобный образецъ слишкомъ скромной, трудолюбивой и въ тоже время ограниченной, ничтожной духовной жизни крестьянина не можетъ соблазнить современнаго культурнаго человѣка, который не найдетъ себѣ полнаго удовлетворенія, счастья въ бѣдности, темнотѣ и грубости крестьянскаго быта. Сами крестьяне въ

[1-2]) Соч. Толстого, XII, 520—524 и 543—544 с. [3]) ibidem. 614—616 с.

лицѣ лучшихъ своихъ представителей пытаются выдти изъ своего невыносимаго положенія и находятъ въ такихъ своихъ стремленіяхъ крѣпкую поддержку въ современныхъ мыслителяхъ и государственныхъ и общественныхъ дѣятеляхъ. Толстой представляетъ жизнь крестьянъ въ какомъ-то свѣтломъ, идиллическомъ видѣ, забываетъ, какъ однообразенъ, тяжелъ и часто изнурителенъ трудъ крестьянина лѣтомъ при невыносимой жарѣ, осенью при безпрерывныхъ дождяхъ и вѣтрахъ, зимою при снѣжныхъ вьюгахъ и сильныхъ морозахъ. Крестьянинъ спитъ крѣпко, но не всегда достаточно для подкрѣпленія силъ своего организма; лѣтомъ во время полевыхъ работъ крестьянамъ приходится вставать съ зарей и спѣшить въ поле, работать здѣсь тоже до зари. Крестьянинъ обладаетъ и хорошимъ аппетитомъ, но его пища обыкновенно скудная, неудобоваримая, вредная и невыносимая непривычнымъ желудкомъ городского жителя. Наконецъ, все здоровье крестьянъ поставлено въ постоянную опасность отъ всевозможныхъ болѣзней, развивающихся въ изобиліи среди примитивныхъ, суровыхъ и грубыхъ, условій матеріальнаго деревенскаго быта. Толстой, совѣтуя общее переселеніе изъ городовъ въ деревню, рекомендуетъ раздѣлять здѣсь рабочій день на „упряжки“, чередовать мускульный трудъ съ умственнымъ и нравственнымъ. Но такимъ образомъ не только не уничтожится „ложное раздѣленіе труда“, безъ котораго даже нельзя себѣ и представить жизнь современнаго общества, но, если бы случилось такое невозможное событіе, исчезла бы всякая вѣроятность удовлетворенія потребностей человѣка, у котораго бы не хватило силъ и способностей на такую разнородную дѣятельность.

Вся чрезмѣрная любовь Толстого къ народу и его походъ противъ городской жизни, безъ которой на самомъ дѣлѣ немыслима культура европейскаго общества и все дальнѣйшее ея развитіе, напоминаютъ намъ подобный же страст-

ный протестъ, знакомаго Толстому съ университетскихъ годовъ, *Ж. Ж. Руссо* противъ цивилизаціи европейскаго общества въ XVIII в. и его сантиментальныя, буколическія мечты о жизни всѣхъ людей на лонѣ природы, сельской идилліи, гдѣ былъ бы данъ широкій просторъ развитію природныхъ добрыхъ качествъ человѣка, проявленіямъ непосредственнаго его чувства. Но, возставая противъ цивилизаціи въ той ея формѣ, въ какой она существовала въ XVIII в., Руссо не отрекался совершенно отъ матеріальныхъ и духовныхъ ея благъ, какъ это дѣлаетъ Толстой. Руссо желалъ только ихъ равнаго распредѣленія между всѣми людьми, ожидалъ послѣдовательнаго до крайности развитія въ обществѣ полной, незнающей никакихъ ограниченій, свободы человѣка, которую Толстой допускаетъ, наоборотъ, у него въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Но и у Толстого, какъ и Ж. Ж. Руссо, и у Нитцше съ его проповѣдью возврата къ природѣ (инстинктамъ человѣка), фантастичны, несбыточны представленія о новомъ общественномъ строѣ, новыхъ его формахъ, напоминаютъ одну изъ соціальныхъ утопій или романовъ, появлявшихся во всѣ критическія времена общественной жизни человѣчества. Таковы, напр., были: „Государство“ Платона, „Утопія“ Томаса Мура, „Царство солнца“ Кампанеллы и, получившее большую извѣстность также въ современномъ обществѣ“, „Черезъ 100 лѣтъ“ Белллами. Появленіе подобныхъ сочиненій указывало всегда на, сознаваемую обществомъ, ненормальность его устройства, возникшую въ немъ нужду въ новыхъ идеалахъ общественной жизни, опредѣленное формулированіе которыхъ можетъ быть только дѣломъ отдаленнаго будущаго. На сколько далекъ, предлагаемый Толстымъ, планъ новаго общественнаго порядка отъ современнаго европейскаго, на это указываетъ и его собственное сознаніе въ трудности и даже невозможности въ настоящее время, хотя бы только приступить къ измѣненію

современной общественной жизни въ духѣ его идей (см. выше, въ „Бесѣдѣ досужихъ людей"). Таже мысль о почти непреодолимыхъ препятствіяхъ на пути къ ихъ осуществленію руководитъ Толстымъ въ то время, когда онъ совѣтуетъ людямъ „недѣланіе", остановку всѣхъ ихъ обычныхъ дѣлъ, освобожденіе отъ „суеты жизни", которая выставляетъ свои требованія независимо отъ всѣхъ теорій и не ждетъ, пока будутъ осуществлены эти теоріи. Во всемъ міровоззрѣніи Толстого, всѣхъ его соціальныхъ планахъ выдается глубоко симпатичная вѣра въ могущество и торжество высокихъ нравственныхъ идей въ исторіи человѣчества, сказывается непоколебимое убѣжденіе въ творческой силѣ великихъ нравственныхъ, альтруистическихъ идеаловъ въ жизни людей, отъ энергичнаго стремленія къ которымъ зависитъ и исполненіе ихъ надеждъ на обновленіе всей жизни, дѣйствительное освобожденіе отъ безчисленныхъ, одолѣвающихъ отовсюду, всякихъ золъ. Во взглядахъ Толстого, которые излагаются имъ обыкновенно въ художественныхъ образахъ, невольно и навсегда западающихъ въ душу читателя, европейское общество видитъ отраженіе всѣхъ своихъ сомнѣній, колебаній, надеждъ и разочарованій въ возможномъ для человѣка достиженіи его личныхъ и общественныхъ идеаловъ.

Современное общество склоняется болѣе въ сторону идей Толстого, нежели Нитцше, потому что все, хотя и безотрадное, міровоззрѣніе Толстого проникнуто альтруистическимъ характеромъ, заключаетъ требованіе благосостоянія всей народной массы, интересы которой стоятъ на первомъ планѣ въ новое время, особенно въ текущемъ столѣтіи, составляютъ злобу дня во всей Европѣ. Но и бодрящіе, жизнерадостные взгляды Нитцше при всей рѣзкости ихъ формы и рѣшительнаго отрицанія имъ обычныхъ воззрѣній и общественныхъ учрежденій также не остаются безъ вниманія мыслителей. Въ лицѣ Нитцше справедливо видятъ крайне нервную, впечатлительную, болѣзненную натуру, страдающую

отъ сознаваемыхъ имъ разнообразныхъ жизненныхъ противорѣчій его философски-моральнымъ представленіямъ объ основаніяхъ общественнаго устройства. Нитцше не одинокъ въ своемъ протестѣ противъ униженія въ современномъ обществѣ личности и борьбѣ за права меньшинства, избранныхъ индивидовъ, выдающихся своими особенными, личными качествами. Предшественникомъ Нитцше, такимъ же рѣшительнымъ противникомъ толпы и горячимъ защитникомъ сильныхъ духомъ и тѣломъ личностей былъ *Максъ Штирнеръ,* воззрѣнія котораго поразительно напоминаютъ не только по общему своему характеру, но даже и многимъ подробностямъ философско-моральные взгляды Нитцше [1]). И Штирнеръ, и Нитцше стремятся одинаково выразить, стоящее въ жизни общества рядомъ съ демократическимъ въ немъ движеніемъ, не менѣе настоятельное требованіе обезпечить руководящую роль въ общественной жизни избранному меньшинству, лучшимъ представителямъ ума, обширныхъ знаній, высокаго моральнаго и художественнаго развитія, глубокаго политическаго таланта и всякихъ вообще личныхъ дарованій. Противоположныя во всѣхъ отношеніяхъ, моральныя и общественныя воззрѣнія Нитцше и Толстого выдвинули, подчеркнули рѣзко контрастъ между эгоизмомъ и альтруизмомъ въ природѣ человѣка, отдѣльнымъ лицомъ и всѣмъ обществомъ, избраннымъ меньшинствомъ, „героями“ и народной массой, толпой. Установить равновѣсіе между интересами меньшинства и всей остальной народной массы издавна было великой задачей общественной жизни людей. Во всей древности преобладало

[1]) Сочиненіе Штирнера: „Der Einzige und sein Eigenthum“ появилось въ 1845 г. О Штирнерѣ см. книгу *R. Schellwien:* „Max Stirner und Friedriech Nietzsche“. 1892. Штирнеръ, какъ и Нитцше, ставитъ человѣческую личность, ея мощь и силу во главѣ всѣхъ нравственныхъ и общественныхъ понятій и явленій, выводитъ изъ „я“ человѣка, господства эгоизма въ личности отрицаніе морали, права, государства и всѣхъ общественныхъ учрежденій, такъ или иначе связывающихъ человѣка въ исключительномъ проявленіи эгоистическихъ наклонностей его природы (8—22 стр.).

надъ массой меньшинство, сильное больше тѣломъ, его инстинктами, нежели духомъ, личности въ духѣ идей Нитцше. Съ появленіемъ христіанства выступаютъ на міровую, историческую сцену интересы большинства; признанные сначала въ области религіозной жизни и отвлеченной мысли, а въ текущемъ столѣтіи ставшіе насущными требованіями всей жизни общества въ самыхъ разнообразныхъ ея формахъ. Но обезпеченіе всѣхъ интересовъ народной массы, развитіе ея благосостоянія немыслимо при полномъ растворенiи въ ней, исчезновенiи всѣхъ личныхъ и дарованій, отличій, пониженіи всего, выдающагося въ области мысли и практической дѣятельности. Даже гр. Толстой, такъ много думающій о благѣ народа, послѣ разныхъ попытокъ доказать ничтожество усилій отдѣльной личности для созданія новаго общественнаго строя, „Царства Божія" на землѣ приходитъ въ заключеніе къ убѣжденію въ могущественномъ вліяніи *личной морали*, необходимомъ проникновеніи *отдѣльныхъ лицъ* нравственными идеями, исполненіи ими заповѣди о непротивленіи злу въ разныхъ ея формахъ.

Нитцше идетъ далѣе Толстого въ своей страстной полемикѣ противъ современнаго альтруистическаго міровоззрѣнія и подобнаго же общаго направленія всей общественной жизни. Онъ прямо пренебрегаетъ всѣми предшествующими, историческими данными, которыя доказываютъ постепенное и неуклонное развитіе альтруистическихъ идей и учрежденій въ европейской цивилизаціи. Поэтому-то въ философіи Нитцше облекаются нерѣдко въ такую непривлекательную, фантастическую и часто грубую форму вполнѣ правильныя мысли о великой, руководящей роли въ обществѣ лучшаго, избраннаго меньшинства, талантливыхъ людей, съумѣвшихъ путемъ энергическаго и постояннаго труда развить свои силы въ какой-либо области человѣческой дѣятельности. Предъ взорами Нитцше постоянно стоитъ, правда, величественный и во многомъ симпатичный, но уже пережитый давно людьми образъ античной жизни со всѣми особен-

ными ея чертами. Современное общество можетъ поучиться у древнихъ грековъ и римлянъ многому въ области знанія, политической и даже моральной жизни, но только не презрѣнію къ человѣческой личности въ народной массѣ, ея порабощенію небольшой группѣ свободныхъ гражданъ въ античныхъ государствахъ. Мы можемъ сочувствовать протесту Нитцше противъ господства въ жизни мелочныхъ, обыденныхъ, ничтожныхъ интересовъ, желать вмѣстѣ съ нимъ развитія сильной, энергичной воли у людей, удаленія изъ жизни общества всякихъ препятствій къ развитію идеи свободной и независимой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и индивидуальной по своимъ силамъ и способностямъ, личности. Но онъ не въ состояніи убѣдить насъ разстаться съ мыслями, чувствами, настроеніемъ, въ которыхъ воспитывался цѣлый рядъ поколѣній раньше насъ и выросли и мы сами, отказаться отъ образа жизни, всѣхъ учрежденій, завѣщанныхъ предками и единственно возможныхъ при данныхъ условіяхъ общественнаго быта. Мы не въ состояніи забыть, что мы живемъ въ вѣкъ всеобщаго признанія идеи общаго равенства и индивидуальной свободы человѣческой личности краеугольнымъ камнемъ всего общественнаго зданія.

Ни философія и мораль Нитцше, ни нравственное міровоззрѣніе Толстого не могутъ разрѣшить великой соціальной проблеммы, доставшейся XIX столѣтію въ наслѣдіе отъ прежнихъ вѣковъ. Взятыя въ отдѣльности, моральныя системы того и другого философа слишкомъ односторонни, исключаютъ одна другую. Принятіе какой-либо изъ нихъ обществомъ означало бы, если рѣчь идетъ о Нитцше, невозможный теперь поворотъ назадъ, къ античнымъ временамъ, эпохѣ господства въ жизни грубаго эгоизма отдѣльныхъ лицъ, меньшинства на счетъ народныхъ массъ. На второмъ пути, усиленно рекомендуемомъ гр. Толстымъ, общество ожидаетъ лишеніе всей, дорого стоившей ему, культуры во имя идеи блага народа, массы для

которой лучшее будущее можетъ заключаться лишь въ пріобщеніи ея къ этимъ благамъ. Философія и мораль Нитцше, выраженныя въ такихъ причудливыхъ формахъ,—саркастическая улыбка Мефистофеля надъ напрасными усиліями современниковъ освободиться изъ подъ невыносимаго для нихъ гнёта многихъ условныхъ мнѣній, обычаевъ, всего привычнаго склада жизни и подняться на недосягаемую для нихъ высоту страстно желаннаго идеала, всесторонне развитой и свободной человѣческой личности. Фантастическій образъ „сверхчеловѣка“, Заратустры—поэтическое воплощеніе страстнаго призыва со стороны Нитцше европейскаго общества къ созданію типа героическихъ личностей, которыя могли бы вести за собою все общество силою обаянія своихъ выдающихся по оригинальности убѣжденій и энергичной дѣятельности. Современникамъ Толстого глубоко симпатична его роль проповѣдника вѣчныхъ истинъ: добра, правды, справедливости, его настойчивое требованіе, чтобы этими истинами была проникнута вся жизнь людей, всего народа. Толстой ошибается во многомъ, но его ошибки происходятъ изъ искренняго желанія раскрыть противорѣчія нашей жизни, мѣшающія ея нормальному ходу, и отыскать ея смыслъ въ области нравственныхъ идеаловъ личности. Платоническія мечты Толстого о „Царствѣ Божіемъ“ на землѣ, исчезновеніи изъ жизни людей эгоизма и универсальномъ распространеніи альтруистическихъ началъ въ человѣчествѣ—обманчивый миражъ, волшебная фата-моргана, являющаяся въ пустынѣ утомленному, безсильному и одинокому путнику, которому черезъ короткое мгновеніе приходится снова остаться наединѣ съ своими несбывшимися надеждами, среди душныхъ песковъ знойной пустыни, съ той же неутолимой жаждой въ груди. Мораль Толстого не оставляетъ человѣку даже послѣдняго утѣшенія Фауста въ его безплодныхъ исканіяхъ счастья, успокоительнаго сознанія, что счастье можетъ быть когда-либо достигнуто на землѣ, гдѣ „толстовцамъ“ приходится покупать его такой дорогой цѣною.

Будущему XX столѣтію предстоитъ рѣшить великую соціальную задачу, вѣковую историческую загадку, предъ которой человѣчество стояло не одинъ разъ въ своей жизни въ грустномъ и тяжеломъ раздумьи: должны ли люди вмѣстѣ съ Нитцше возвратиться къ древнимъ, языческимъ идеаламъ, полному господству избраннаго меньшинства надъ толпой, или же, наоборотъ, продолжать, начатое давно, дѣло нравственнаго обновленія человѣчества путемъ альтруистическихъ началъ, проповѣдуемыхъ усиленно гр. Толстымъ. Разумъ и сердце человѣка, многовѣковой опытъ историческаго прошлаго и весь строй настоящей общественной жизни говорятъ за то, что лучшіе, избранные люди не пойдутъ ни по одной изъ крайнихъ дорогъ, указываемыхъ Нитцше и Толстымъ, а изберутъ наиболѣе вѣрный, прямой, *средній* путь гармоническаго соединенія идеи человѣческой личности съ интересами общества, предпочтутъ, правда, трудную, самоотверженную, но и благодарную работу въ разныхъ сферахъ жизни на пользу народныхъ массъ, поднятія уровня ихъ умственнаго и нравственнаго развитія и обезпеченія матеріальнаго благосостоянія,

——— ⁂ ———

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

(1—24 стр.).

Общія черты современной общественной жизни. Графъ Л. Н. Толстой и Ф. Нитцше — видные представители двухъ крайнихъ направленій въ міровоззрѣніи европейскаго общества. Отношеніе къ взглядамъ Толстого русскаго и западно-европейскаго общества. Внутренняя связь между литературными и философскими произведеніями гр. Толстого и, пережитыми имъ, событіями личной жизни, его возрастами. Вліяніе дѣтства, отрочества и юности Толстого на первоначальное образованіе его общихъ взглядовъ. Университетскіе годы и отношеніе Толстого къ наукѣ. Жизнь въ деревнѣ и первыя разочарованія. Впечатлѣнія отъ пребыванія Толстого на Кавказѣ и въ Севастополѣ. Поѣздка за границу и мнѣніе о прогрессѣ общества. Педагогическія теоріи Толстого. Его дѣятельность въ качествѣ народнаго учителя и мирового посредника. Философско-моральные взгляды Толстого въ «Войнѣ и мирѣ» и «Аннѣ Карениной». Содержаніе «Исповѣди».

ВТОРАЯ ГЛАВА.

(24—47 стр.).

Противоположность ученія Христа «ученію мира» и условія земного счастія людей (статья Толстого: «Въ чемъ счастье?»). Необходимость матеріальной помощи со стороны общества бѣдному люду (ст.: «О переписи въ Москвѣ») путемъ личнаго, физическаго труда и въ непосредственной, близкой съ народомъ жизни въ деревнѣ. Порядокъ этой жизни (ст.: «Такъ что же намъ дѣлать?»). Понятіе религіи и ея виды. Сущность христіанства. Отношеніе религіи къ морали. Три рода нравственности. Христіанская мораль (ст.: «Противорѣчія эмпирической нравственности»). Особенная необходимость для благосостоянія людей ручного труда, преимущественно земледѣльческаго (ст.: «Ручной трудъ и умственная дѣятельность» и «Трудолюбіе или торжество земледѣльца»). Проповѣдь воздержанія отъ одурманивающихъ веществъ—вина, табаку и проч. (ст.: «Для чего люди

одурманиваются?» и «Праздникъ просвѣщенія 12-го Января»)—и мясной пищи (ст.: «Первая ступень»).

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

(47—71 стр.).

Исторія ученія о непротивленіи злу насиліемъ. Мнѣніе Толстого о критикахъ этого ученія въ его редакціи (русскихъ и иностранныхъ). Почему онъ самъ предлагаетъ только отрицательныя заповѣди? Противорѣчія нашей жизни съ христіанскимъ сознаніемъ (экономическое, государственное и международное). Отрицаніе Толстымъ государства и права, какъ противорѣчащихъ христіанскому ученію. Факты изъ современной общественной жизни, указывающіе на исчезновеніе въ немъ насилія, которое издавна господствуетъ въ обществѣ. Призывъ всѣхъ людей къ измѣненію своей жизни въ духѣ идей Толстого (его сочиненіе: «Царство Божіе внутри васъ»). Походъ противъ войны (ст.: «Времена близки»). Ложность взгляда на спасительность энергичнаго труда для счастья людей, которое можетъ быть достигнуто только тѣмъ, что они оставятъ жизненную суету, бросятъ свои обычныя дѣла (ст.: «Недѣланіе»). Препятствія при исполненіи ученія Толстого (ст.: «Бесѣда досужихъ людей»). Образецъ общественнаго быта по этому ученію (повѣсть: «Ходите въ свѣтѣ, пока свѣтъ есть»).

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

(71—122 стр.).

Общій очеркъ философско-моральнаго міровоззрѣнія гр. Толстого. — *Фридрихъ Нитцше* и его сочиненія. Два періода въ образованіи философско-моральныхъ взглядовъ Нитцше. Его воззрѣнія на искусство и его роды (апполоновское и діонисіевское). Вліяніе философіи Шопенгауэра на Нитцше. Отношенія его къ исторической наукѣ и общепринятымъ взглядамъ и обычному складу жизни. Разрывъ Нитцше съ философіей Шопенгауэра и созданіе собственнаго міровоззрѣнія. Взглядъ Нитцше на происхожденіе религіи; его критика «аскетическихъ идеаловъ» въ религіи, современномъ искусствѣ, наукѣ и особенно морали. Теорія Нитцше о происхожденіи морали въ исторіи человѣчества. Характеристика «морали господъ» и «рабской морали». Взгляды Нитцше на женщину и ея назначеніе въ современной семьѣ, государство и право и международныя отношенія государствъ (войну). Общія черты міровоззрѣнія Нитцше (по его сочиненію: «Такъ сказалъ Заратустра»).

ПЯТАЯ ГЛАВА.

(122—186 стр.).

Причины появленія въ современномъ обществѣ, совершенно противоположныхъ другъ другу, взглядовъ гр. Толстого и Нитцше. Сходныя черты въ ихъ міровоззрѣніи. Различія между морально-общественными идеалами Толстого и Нитцше. Критическій разборъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній гр. Толстого и Нитцше, особенно же—«Заповѣдей» Толстого. Заповѣдь о непротивленіи злу насиліемъ въ ученіи Нитцше и гр. Толстого. Критика ихъ взглядовъ на состояніе науки въ современномъ европейскомъ обществѣ. Историческія доказательства благодѣтельнаго вліянія науки на благосостояніе общества. Оцѣнка «Плодовъ просвѣщенія» Толстого. Медицина и медики въ представленіи Нитцше и Толстого. Отношеніе послѣдняго къ этикѣ (наукѣ о морали) и наукѣ о правѣ. Общія замѣчанія о взглядахъ обоихъ философовъ на искусство.

ШЕСТАЯ ГЛАВА.

(186—220 стр.).

Впечатлѣніе «Крейцеровой сонаты» Толстого на общество. Разъясненіе ея смысла (заповѣди: «не разводись») самимъ Толстымъ (въ «Послѣсловіи къ Крейцеровой сонатѣ»). Нитцше о сущности брака. Образецъ истиннаго брака по Толстому (пов.: «Ходите въ свѣтѣ, пока свѣтъ есть»). Какимъ бракъ не долженъ быть? Изложеніе и разборъ «Крейцеровой сонаты». Общія замѣчанія о взглядахъ Толстого на бракъ. Черты современнаго воспитанія въ образованныхъ классахъ (по: «Крейцеровой сонатѣ», «Первой ступени», «Такъ что же намъ дѣлать?»). Образованіе женщинъ по представленію Толстого и Нитцше. Замѣчанія по поводу рѣшенія женскаго вопроса обоими философами. Разборъ ихъ взглядовъ на право и государства и характеръ современныхъ отношеній между общественными классами (экономическаго, государственнаго противорѣчія). О заповѣдяхъ Толстого: «не клянись» и «не судись». Истинная роль принужденія въ правѣ и дѣятельности государственной власти. Ея задачи въ современной общественной жизни.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА.

(221—243 стр.).

Историческія доказательства постепеннаго исчезновенія всякихъ формъ насилія изъ общественныхъ отношеній. Разборъ заповѣди Толстого: «не

вою́й». Отношеніе взглядовъ Толстого и Нитцше къ теоріи Дарвина о борьбѣ за существованіе, какъ важнѣйшемъ условіи образованія и жизни всякаго общества. Борьба за существованіе въ дѣйствительной его жизни въ настоящее время. Образецъ простой, деревенской жизни по Толстому (въ «Власти тьмы»). Сходство его взглядовъ съ планами общественнаго устройства у Руссо, Нитцше, Платона, Т. Мура и др. Замѣчанія объ общемъ характерѣ морально-общественныхъ теорій гр. Толстого и Ф. Нитцше, ихъ примѣнимости въ жизни современнаго общества и значеніи для его будущаго.

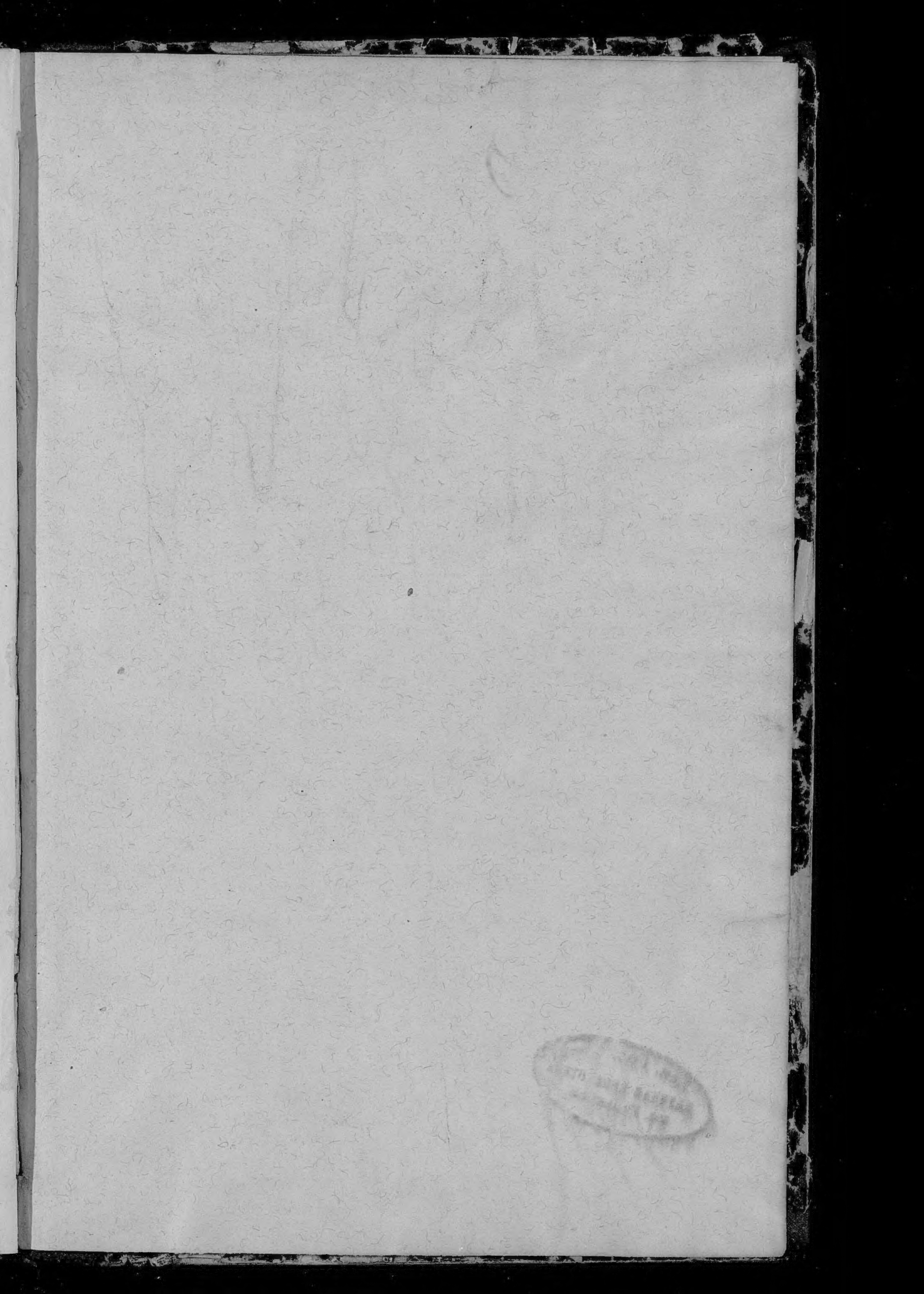
ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

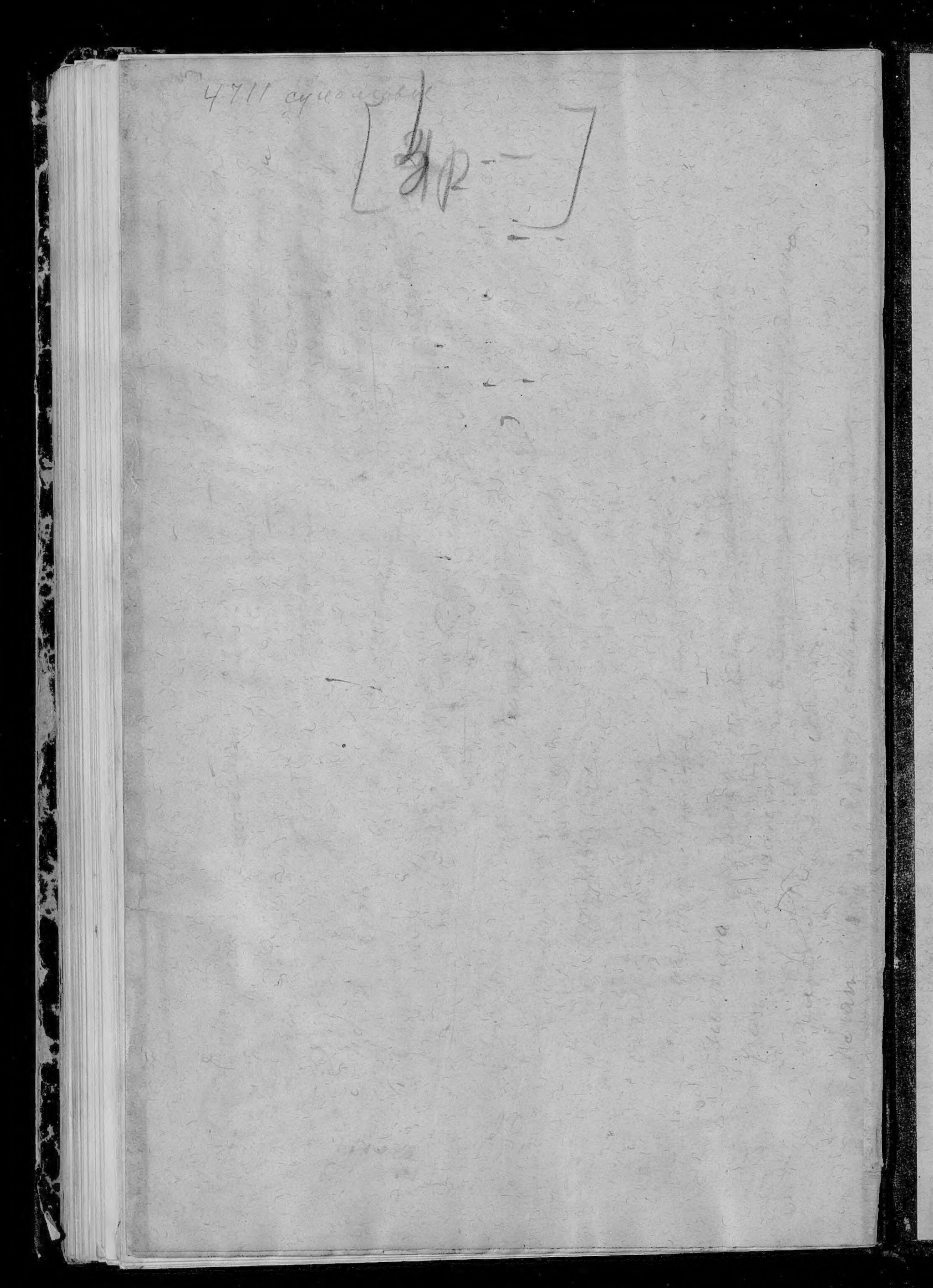
Страница	строка[1]): снизу	сверху напечатано:	надо читать:
30	6	помощь,	помочь,
35	3	напечатаніемь,	напечатанія,
54	3	Золя,	Зола,
118	5	сеоей,	своей,
142	6	религіозпато,	религіознаго,
166	13	равницы,	разницы,
196	9	начипается,	начинаетъ,
211	14	Берпсономъ,	Бьёрнсономъ,
240	-	и дарованій, отличій,	дарованій и отличій,

---

[1]) Счетъ строкъ безъ петита.

4711

